

Б.Г. АЯГАН, А.Н. КАШКИМБАЕВ

Россия – Казахстан:

история взаимоотношений и современность

Институт истории государства
Министерства образования и науки
Республики Казахстан

Б.Г. АЯГАН, А.Н. КАШКИМБАЕВ

Россия – Казахстан: история взаимоотношений и современность

*Историко-хрестоматийный
очерк*

АЛМАТЫ
«РАРИТЕТ»
— 2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
А76

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории государства
Комитета науки Министерства образования и науки
Республики Казахстан*

Авторы:

Б.Г. Аяган, доктор исторических наук, профессор
А.Н. Кашкимбаев, кандидат исторических наук, доцент

Рецензенты:

Г.М. Какенова, доктор исторических наук, профессор
Д.М. Мажиденова, доктор политических наук, профессор

Аяган Б.Г., Кашкимбаев А.Н.

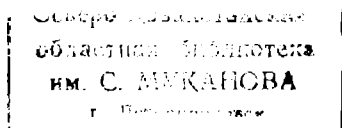
А76 Россия — Казахстан: история взаимоотношений и современность. Историко-хрестоматийный очерк. — Алматы: Раритет, 2011. — 240 с.

ISBN 978-601-250-139-1

539220

Казахстан и Россия — два сопредельных государства, во взаимоотношениях которых на протяжении веков определяющую роль играл территориальный фактор. Именно он явился важной составляющей процесса сближения и тесного сотрудничества двух государств в самых различных направлениях.

Учитывая неоднозначность данных процессов, на современном этапе возникла настоятельная необходимость исторического осмысления взаимоотношений двух государств как в ретроспективе, так и на современном этапе.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-601-250-139-1

© Институт истории государства, 2011
© Издательская компания «Раритет», 2011

***20-летию Независимости
Республики Казахстан
посвящается***

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. История взаимоотношений Казахстана и России: некоторые аспекты осмысления	11
ГЛАВА 2. Общественно-политическая жизнь Казахстана в трудах авторов XVIII–XIX веков	34
ГЛАВА 3. Казахская элита в условиях колониальной политики Российского государства	67
ГЛАВА 4. Казахстан в составе СССР: реальность и противоречия	116
ГЛАВА 5. Взаимосвязь Республики Казахстан и Российской Федерации: поиски решения современных проблем	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
Приложения	172

ВВЕДЕНИЕ

90-е годы XX века, несомненно, войдут в историю как время беспрецедентных глобальных изменений в развитии международных отношений, в совершенствовании взаимоотношений между государствами. Кардинальные трансформации, происходившие в геополитической, геостратегической и экономической картине мира, были связаны, в первую очередь, с крушением мировой социалистической системы. «Период после мая 1989 года и до декабря 1991 года стал временем распада советской системы. За шесть лет «перестройки» ни одна из ее целей не была достигнута — власть постоянно запаздывала с решением назревших вопросов. Наиболее тяжелые последствия для судьбы советской системы и советской государственности имели бездействие и нерешительность в национальном вопросе» [1, 403].

Как результат, заключительным этапом распада СССР становится «парад суверенитетов»: государства, ранее входившие в «нерушимый союз республик», провозгласили свою независимость, стали суверенными. Независимость предопределила выбор новых форматов в развитии внутренних процессов, складывание новых отношений не только с бывшими союзными республиками, она также стала основополагающим фактором в урегулировании межгосударственных отношений в целом, совершенствовании государственной жизнедеятельности в условиях современных интеграционных процессов. Вместе с тем, процесс исторического самоопределения госу-

дарств на современном этапе — вопрос довольно сложный, многогранный, требующий тщательного анализа и обстоятельного, всестороннего изучения. Проблемы развития международного сотрудничества стран становятся особенно актуальными в условиях глобализации. При этом данный вопрос приобретает особую значимость не только для стран Центральной Азии.

«На рубеже 90-х гг. Россия встала перед необходимостью проведения чрезвычайно болезненных экономических и политических реформ. Они были начаты группой в основном либерально настроенных реформаторов, — пишут авторы книги «Россия и Азия: проблемы взаимодействия», — Тогда в их среде преобладала точка зрения, что регион Центральной Азии (равно как и все союзные республики СССР) — это балласт, ненужная и непосильная ноша, и чем раньше Россия избавится от нее, тем легче будут проходить процессы реформирования. Справедливости ради надо отметить, что и настроение в среде политических элит республик Центральной Азии зеркально отражало позицию российских коллег. Основными тезисами, положенными в основу политических платформ государств региона, ставших в одночасье суверенными, были суждения о невероятных возможностях для развития, открывшихся перед ними после окончания «колониального владычества России» [2, 229–230].

Прошло двадцать лет, и Россия, и страны Центральной Азии ощутили сладкий вкус свободы под названием «независимость» и вывели из нее основной урок: от бесплодных разговоров «мир не стал безопаснее», следовательно, «...требуется решительные действия по выработке новых форм международной кооперации...», с учетом появления на международной арене новых субъектов в лице независимых государств [3].

В сложившейся ситуации Республика Казахстан и Российская Федерация стали строить свои отношения на качественно новой основе, позволяющей проследить процесс становления, развития сотрудничества между государствами в совершенно иных исторических условиях. Начиная с 1991 года за двадцать лет Республика Казахстан и Российская Федерация прошли сложный, порой весьма противоречивый путь поиска новой модели межгосударственных отношений, расширения и углубления интеграционных процессов в политической, экономической, военной, гуманитарной, социальной, научно-технической и культурной сферах.

В этот период как казахстанские, так и российские политики демонстрировали широкий спектр мнений по тем или иным проблемам двустороннего сотрудничества. Среди них были и приверженцы национально-патриотических взглядов, в работах которых безусловным и исключительным приоритетом являлся самобытный путь национального развития. Представители умеренного крыла признавали необходимость сотрудничества стран на этапах укрепления государственности, но понимали его, главным образом, как форму «цивилизованного развода». При этом особое внимание уделялось трудноразрешимым, спорным проблемам во взаимоотношениях новых независимых государств, взаимным претензиям и нерешенным до конца вопросам.

В данном контексте одной из актуальных задач современности является осмысление основных этапов сложного процесса становления и развития российско-казахстанских отношений в ретроспективе, а также анализ их нового формата на современном этапе с учетом присущих им имманентных и логических связей и стремлением дать по возможности объективную оценку происходящим процессам.

Каждый этап развития российско-казахстанских отношений — это периоды, определенные сложившимися обстоятельствами, череда событий, на которые не могли не отреагировать как Россия, так и Казахстан. Иначе говоря, процесс сближения двух государств следует рассматривать как ответ на вызовы того или иного времени.

При этом наиболее сложным для анализа и обобщения является период, известный как «нахождение Казахстана в составе Российской империи». Этот период характеризуется: во-первых, завершением упорной и продолжительной войны казахов против Джунгарского государства; во-вторых, небывалым подъемом национально-освободительного движения казахского народа, как против собственных правителей-угнетателей, так и против политики метрополии, насильственно утверждаемой на местах царскими чиновниками и способствовавшими им казахскими коллаборационистами; в-третьих, в протестное движение включается национальная элита казахского общества, которая резко отрицательно реагировала на нововведения в Степи (поэты направления «зар заман», демократически настроенная часть интеллигенции); в-четвертых, важным аспектом казахстанско-российских отношений в этот период становится плодотворное взаимодействие в сфере культурного сотрудничества, ду-

ховные контакты между казахами и русскими. А. Кунанбаев, Ф. Достоевский, Ш. Уалиханов, Курмангазы, Ы. Алтынсарин и многие другие выдающиеся личности своего времени проложили своим творчеством своеобразный мост преемственности и взаимообогащения культур двух народов. XIX век — эпоха духовного роста казахского народа. Закономерно, что именно в тот период появляются художественные, документальные, научные очерки, в которых нашли отражение изменения, происходившие в жизни казахского общества. Открывается светская школа в Букеевской орде, создается Омская казахская школа, меценатами которой выступили Шынгыс Уалиханов, Кунанбай Оскенбайулы, Муса Анайулы, Таттимбет, Барак батыр.

В пополнении книжного фонда Омской казахской школы деятельное участие принимали русские ученые К.К. Гутковский, Н.Ф. Костелецкий, И.Н. Березин. Выпускниками этой школы стали видные публицисты своего времени: Садуакас Жанайулы, Мустафа Буркитбайулы из Кокшетау, Мухамедкали Жамышев из Восточного Казахстана. Произведения С. Жанайулы «Окудан елге қайтқанда», М. Жамышева «Жол үстінде», песня М. Буркитбайулы «Қазақ әні» оказали значительное воздействие на формирование нового поколения выдающихся представителей казахской интеллигенции [4, 29].

Именно в XVIII–XIX веках зарубежные экспедиции обнаружили знаменитые рунические надписи Восточнотюркского каганата, являющиеся свидетельством великого исторического прошлого тюркских племен, населявших огромную территорию от Южного Алтая до Монголии — огузов, кыпчаков, найманов, кереев, онгутов [4, 25].

В то же время, именно в этот период Казахское ханство, находясь в составе Российской империи, перестает выступать как самостоятельный субъект международных отношений. Под непосредственным влиянием политики российской администрации теряют свое значение традиционные институты казахского общества — суд биев, власть ханов. Степь начинает утрачивать свой самобытный национальный колорит.

Таким образом, во взаимоотношениях двух государств прослеживаются страницы, полные драматических событий: завоевание и захват мощным государством более слабого соседа под предлогом защиты последнего от иноземных завоевателей, претензии на искон-

ные земли коренной нации, игнорирование ее традиций и обычаев. Но в то же время, на основе слияния двух культур, наблюдается восхождение казахского народа и народов России на более высокий уровень культурно-экономического развития.

Сложным для изучения и осмысления в процессе развития взаимоотношений России и Казахстана является и полный противоречий советский период истории Казахстана: в годы Советской власти взошли на пьедестал славы титаны науки и словесности, такие как М. Ауэзов, К. Сатпаев, Г. Мусрепов, С. Муканов и многие другие; исторические воззрения молодого поколения формировались на основе героических подвигов фронтового поколения, олицетворением которых являлась личность Бауыржана Момышулы. Вместе с тем призыв к познанию действительности в контексте «советского настоящего» все больше и больше заставлял общество задуматься над трагическими судьбами миллионов людей, умерших от голода и невзгод гражданской войны, ставших жертвами необдуманных экспериментов по социализации сельскохозяйственного производства, тягостных первых пятилеток, военных и послевоенных трудностей. Как подчеркивал в своей работе «В потоке истории» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Радикального переосмысления требуют вопросы так называемого колониального и советского периода существования казахской нации. Вопрос не в утверждении очевидных истин... о том, что не только царская Россия была тюрьмой народов, но и СССР не был раем. Вопрос в другом — в генетическом сходстве обоих периодов национальной истории» [5, 16]. В общем, проблем для осмысления у историков немало.

История взаимоотношений Российского государства и Республики Казахстан в ретроспективе исторических событий является одной из важных проблем отечественной исторической науки и актуальной темой для исторической публицистики. Изучение данных проблем необходимо для активизации современных интеграционных межгосударственных процессов, развития научных исследований, общественно-политических, культурных связей. Сотрудничество между двумя суверенными государствами — Российской Федерацией и Республикой Казахстан — имеет большие перспективы и развивается на основе богатого исторического опыта взаимоотношений двух государств.

Авторы книги выражают благодарность за предоставленный материал и помощь, оказанную в подготовке издания, научным сотруд-

никам Института истории государства, к.и.н. С.В. Селиверстову, к.и.н. Н.С. Лапину, к.и.н. С.А. Багдатовой, И.А. Мухтаровой, М. Койшыбаеву.

Список использованной литературы

1. *Шестаков В.А.* Новейшая история России. М.: АСТ: Астрель, 2008. 479 с.
2. Россия и Азия: проблемы взаимодействия/Под ред. К.И. Кокарева. РИСИ при Президенте РФ. М., 2006. 453 с.
3. *Назарбаев Н.А.* Из приветствия участникам VII Евразийского медиа-форума// Казахстанская правда. 2008. 25 апреля.
4. *Марғұлан Ә.* Таңбалардың жазба тарихы//Модени мұра/Культурное наследие. 2009. № 6. 27 желтоқсан.
5. *Назарбаев Н.А.* В потоке истории. Алматы, 1999.

Глава 1

ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

«Необходимо, наконец, обрести право и силу отвечать за все настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права. Мы в ответе перед временем, и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почтения предков. Мы свободны — и поэтому ответственны» [1]. Эта мысль академика Д. Лихачева в достаточной степени применима и к взаимоотношениям между Казахстаном и Россией.

С одной стороны, имея на различных этапах истории объективные причины для сближения и совместного решения общих для обоих государств вопросов, по ряду субъективных причин эти отношения, как показала история, зачастую превалировали в пользу одного из государств; в результате односторонней политики казахское государство все больше и больше оказывалось под влиянием мощного государства-соседа, стремившегося к усилению своего регионального и мирового положения за счет интересов более слабых сопредельных стран.

На протяжении многих десятилетий казахско-российские отношения характеризовались по историко-хронологическим периодам, при этом особое внимание уделялось процессу вхождения Казахстана в состав Российской империи. «Пожалуй, в отечественной истории вряд ли найдется проблема, изучавшаяся с таким постоянством, и которая

бы не обрастала такими досужими домыслами, как присоединение обширного края к России», — подчеркивают исследователи [2, 14].

На современном этапе необходимость историко-объективного анализа длительного процесса развития казахско-российских отношений приобретает особую актуальность, однако исследователи зачастую находятся в плену односторонних категоричных рассуждений, амбициозных заявлений, не учитывая тот факт, что в отношениях между двумя государствами и их народами, прежде всего, имелась и имеется глубокая имманентная связь.

В течение длительного времени в научном понимании взаимоотношений двух государств ученые не смогли определить четкие методологические параметры, в силу чего анализ истории взаимоотношений России и Казахстана вместо раскрытия историко-культурологических, территориальных, политико-экономических интересов ограничивался набором постулатов: «добровольное вхождение», «лаборатория дружбы народов», «целинная эпопея» и другие. В результате ученые стали односторонне трактовать факторы патернализма, приведшего к узаконению социального, экономического и политического неравенства между национальными государствами, усилению интересов имперского государства в лице России.

Является ли сегодняшнее стремление к познанию сложных взаимоотношений между Казахстаном и Россией результатом случайного всплеска исторического сознания или же оно закономерно? Почему в настоящий период эти отношения стали объектом горячих дискуссий?

Современное общество переходит к осмысленному восприятию как исторического прошлого, так и настоящего. Анализ системы функционирования прежней колониальной политики, ее механизма реализации имеет огромное смысловое значение в условиях демократических преобразований не только внутри государства, конкретного общества. Сегодня исследователей волнует вопрос, насколько защищены будут интересы возрожденного национального государства, сможет ли независимое государство сохранить и приумножить традиции своего народа, не сохранит ли предлагаемый на сегодняшний день формат содружества между государствами прежние имперские интересы, которые станут предпосылками порождения новых условий зависимости государств?

По мнению доктора исторических наук, заведующего Центром цивилизационных и региональных исследований Института Афри-

ки РАН И.В. Следзевского, «XX век обрел четкие правовые и институциональные рамки. Этот феномен можно объяснить ростом именно в последнее столетие разнообразных способов, форм и процедур согласования международных действий, взаимоотношений общества и государства, внутренней и внешней политики государств. В свою очередь, условием и результатом этого процесса стало усиление *интерсубъективности* международных отношений, то есть развитие таких форм субъективности участников международной политики, которые принимают во внимание факт существования других *игроков*, отвечают этому факту и базируются на нем, как на объективной реальности» [3, 144].

В данном контексте Казахстан и Россию следует отнести к разряду международных субъектов, взаимоотношения между которыми на разных стадиях развития могли иметь кардинальные отличия, но суть их была направлена на поиски «разнообразных способов, форм и процедур согласования международных действий». Данный вывод особенно актуален в период, когда находившиеся длительное время в условиях колониальной зависимости, затем под жестким давлением тоталитарного режима народы стали свободными, независимыми. Они стремятся к четкому обозначению своей самостоятельности, суверенности, уделяя особое внимание межгосударственным отношениям с соседними странами.

В означенном контексте особое внимание исследователей уделяется сложным, неоднозначным взаимоотношениям Казахстана и России, в которых, с одной стороны, наблюдается ряд положительных факторов, к примеру, прогрессивные изменения в области социально-политического развития, внедрение в структуру экономического развития элементов новых хозяйственных отношений, кардинальные изменения в сфере науки, народного образования. Вместе с тем в период нахождения Казахстана в составе России перманентно продолжается социальное противостояние в форме национально-освободительного движения казахов растущему колониальному гнету. Десятки авторов в разные периоды обращались к взаимоотношениям между Казахстаном и Россией. Если на раннем этапе подобная увлеченность объяснялась интересом к внутреннему миру традиционного казахского общества, то позднее, по мере усложнения проблем межгосударственных отношений, возникла необходимость в углубленных исследованиях.

Современные исследователи на основе введения в научный оборот новых документальных источников выявляют ряд фактов, характеризующих длительную историю связи Казахстана с внешним миром. В газете «Жас Алаш» от 26 марта 2011 года был опубликован материал, подготовленный исследователем Галией Камбарбековой, где сообщается, что в Тегеранской библиотеке Ходжи Хусейна Малека были обнаружены рукописи, среди которых оказался труд «Тарих-и-Сафавие» («История династии Сефевидов»). Автором данного исторического документа является Исмаил Хусейни Табризи, известный в своем кругу под именем Мир Мулайим Бека. Как утверждает Г. Камбарбекова, в данной рукописи неоднократно упоминается имя известного казахского хана Касыма. Автор в некоторых местах титулирует его как «хана» Дешт-и Кыпчака, в иных местах «царем». Источники о Казахском ханстве непосредственно связаны с именем Касым хана: его противостояние Шахи беку, внуку бухарского хана Абдуллы. Действия начинаются с письма иранского шаха Исмаила I хану Дешт-и Кыпчака Касыму с просьбой о совместных действиях против Шахи бека. Судя по содержанию письма, утверждает Г. Камбарбекова, правители Ирана с огромным почтением относились к деятельности Касым хана. Другим источником, проливающим свет на историю Казахского ханства, стали копии дипломатических писем шаха Аббаса правителям и ханам соседних государств. Составитель этих писем Мухаммад Тахир Вахид Казвини. По их содержанию можно судить о нарастающей мощи и авторитете Казахского ханства того периода [4].

Историческая ретроспектива событий также свидетельствует о фактах, когда правители Руси в моменты военно-политических неурядиц и внутренних катаклизмов нередко обращались к соседям, в том числе к казахским племенам, с просьбой о поддержке в борьбе как со своими внутренними оппонентами, так и внешними соперниками. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский в свое время писал: «...когда бывали войны у государства с соседями, московское правительство набирало ратников из людей всяких чинов... Таковы были разнообразные туземные струи, вносившие в состав московского служивого люда боевые силы из разных классов. Как и в удельные века, так и теперь не прекращался прилив ратных слуг из-за границы... приехал служить... с отрядом татар казанский царевич Касим. Около половины XV века этим татарам был отдан Мещер-

ский городец на Оке с уездом... с тех пор и самый город стал зваться именем царевича» [5, 191–192].

Историки также отмечают: «...русское войско нуждалось в сильной кавалерии и хороших полководцах. Поэтому Иван Грозный приглашал к себе опытных военачальников и влиятельных степных аристократов». Современные исследователи дают этому факту следующую характеристику: «...Увидев его, наверное, никто бы не сказал, что одетый в жалкое отрепье одинокий, слепой старик (царевич Касим) в свое время сыграл важную роль в истории государства Российского. А между тем, его можно было назвать одной из самых ярких личностей минувшей эпохи,... не было на Руси в XVI веке личности более загадочной, чем он» [6, 14].

Как свидетельствуют русские историки, «сын Бекбулата, внук легендарного Багадура, правнук последнего правителя Золотой Орды — Ахмата хана» оказался среди сторонников Грозного. По заключению известного русского историка Н.М. Карамзина, «мысль возложить венец Мономахов на голову татарина не всем россиянам казалась тогда нелепою», потому как знатные люди, подобные касимовским царевичам, были пригодны не только в дни военных походов.

Ряд исследователей российской истории заинтересовались этимологией имени Симеон, встречающегося в ряде исторических документов. Так, например, известный русский историк В. Соловьев по поводу появления этого имени в истории Руси пишет: «Есть известие, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, пленный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 году, царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича, дав ему титул государя великого князя *всей Руси*» [5, 632]. В трудах В.О. Ключевского подчеркивается: «Переводя этот титул на наш язык, можно сказать, что Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр, а сам Иван довольствовался скромным титулом государя князя, даже не великого, а просто князя *московского*» [5].

Подобные союзы нужны были государствам не только в исключительно военно-политических интересах. В.О. Ключевский пишет: «В селе Кушалине, принадлежавшем к тверским дворцовым землям великого князя Симеона Бекбулатовича, кратковременного правителя земщины во время опричнины, по книге 1580 года, падало всех денежных и хлебных сборов по 5 рублей 34 копейки на

десятину — сумма, более чем втрое превышающая платеж с десятины бывших крестьян по Тверской губернии» [5, 288], а также: «На дворцовых землях великого князя Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде, по книге 1580 года, из 306 случаев крестьянского перехода не отмечено ни одного заместительства. Случаи нормального перехода без сторонней помощи и нарушения закона довольно редки» [5, 308].

Сведения о Симеоне содержатся и в работах английских путешественников, представлявших информацию в специально созданное в Англии «Общество купцов, искателей стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и даже доселе морским путем не посещаемых». Так, например, Антоний Джениксон в своей работе «Путешествие в Среднюю Азию в 1558–1560 гг.» писал: «При царском дворе имеется три князя, бывших прежде казанскими царями. Царь всех их содержит в большом почте», имея в виду при этом и плененного в 1552 году Едигера (Ядигер), получившего при крещении в 1553 году имя Симеона Касаевича [7, 11–12].

К этому вопросу обращаются и современные исследователи истории России. В книге Петра Романова «Преемники: от Ивана III до Дмитрия Медведева» читаем: «Есть во втором периоде правления Ивана Грозного и еще один любопытный момент. Феномен, — пишет автор, — который я бы назвал «фантомным преемничеством». Речь идет сначала о потрясшем весь русский народ внезапном отъезде в 1565 году «отца-батюшки» в Александровскую слободу...». Впрочем, еще интереснее факт появления в 1574 году (в разгар борьбы с аристократией) «фантомного преемника», назначенного самим Иваном из числа самых маловлиятельных и малопривлекательных для народа своих приближенных. Речь идет о Семионе (Симеоне) Бекбулатовиче, «касимовском царьке», который в силу своих корней, восходящих к Золотой Орде, не имел ни малейшего шанса составить Грозному даже видимость конкуренции. При Семионе, официально именовавшемся «Великим князем всея Руси», и которого венчали на царство шапкой Мономаха, по соседству, преклоняя перед ним голову на заседаниях Боярской думы, существовал «национальный лидер» в звании боярина Ивана Московского [8, 26].

Сын казахского хана чингизида Шигая Ондан-султан, прозванный в народе за большую храбрость и непревзойденную меткость Длиннострелым, имел много жен и наложниц. Из них наиболее из-

вестны имена Алтын-ханум и Чуйум-ханум. От первой у Ондана был сын Ораз-Мухаммед, от второй — Кучук Султан.

Ораз-Мухаммед — единственный из казахских султанов, кто стал ханом на территории России. А его воцарение в г. Касимов описано в единственном в своем роде историческом труде эпохи средневековья, созданном представителем казахского народа в традициях мусульманской историографии. В 1585 году на берегах Есиля воевода Д. Чулков захватил в плен князя Сайида-Ахмада (Сейдяк), сына Бекбулата, соперника сибирского хана чингизида Кучума. Среди пленных оказался и шестнадцатилетний Ораз-Мухаммед, доставленный в Москву. Далее его имя всплывает в связи с походом царя Федора Иоановича против шведов в 1590 году и при переговорах казахского посла Кул-Мухаммеда, направленного в 1594 году в Москву ханом Тауекелем. В 1597 году Ораз-Мухаммед присутствует на торжественном приеме посла римского императора, бургграфа Донавского в Москве, в большой Грановитой палате. В 1598 году вместе с прочими царевичами-аманатами, жившими в России, он участвовал в походе против крымцев.

В 1600 году Борис Годунов пожаловал султану Оразу-Мухаммеду город Касимов с волостями и со всеми доходами, даровал ему титул «хана Касимовского». «Ораз-Мухаммад был погребен в Касимове, — пишет Т. Султанов. — Свидетельством тому служит его надгробный памятник, найденный в 1860 году муллой Х. Фаизхановым на Старопосадском кладбище». Далее он цитирует слова В.В. Вельяминова-Зернова, который писал: «Я сам, в бытность мою в Касимове в 1863 году видел этот памятник. Он лежал посреди кладбища, разбитый на два куска. Каким образом тело хана, умерщвленного в Калуге, а по утверждению некоторых летописцев, утопленное в Оке, оказалось в Касимове — не знаем» [9, 326–332]. Так султан казахских степей Ораз-Мухаммед волею судьбы оказался в России, став ханом Касимова, сполна разделил судьбу этого государства в трудные годы его истории. «Там же, на русской земле, в возрасте тридцати восьми лет от роду нашел свой конец и последний приют», — пишет далее историк Т. Султанов [9, 334]. Данные факты свидетельствуют о имевшихся контактах между двумя странами на протяжении веков.

Время нахождения Казахстана в составе Российской империи, далее в составе Союза ССР — трудноподдающийся анализу и обобщению процесс.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев неоднократно подчеркивал: «Таких близких братских отношений, как у Казахстана и России, я думаю, что и в мире нет, не только в России и СНГ. Российское направление во внешней политике Казахстана было, остается и будет важнейшим для нас приоритетом» [10].

Такой же точки зрения придерживается Президент Российской Федерации Д.А. Медведев: «Казахстан для России, — не просто стратегический партнер. Это страна, успехам и победам которой мы искренне радуемся и дружбу с которой ценим особо, поддерживая друг друга так, как могут поддерживать только братья. Наши народы веками жили вместе. Поровну делили тяготы военного лихолетья и трудные годы целины... В России это хорошо помнят и глубоко уважают целеустремленный, талантливый, щедрый казахский народ. И мы знаем, что это чувство — взаимно» [11].

Поэтому ученые предлагают различные методы познания процессов сближения народов на примере России, а впоследствии советского государства. В настоящее время наряду с традиционным историческим познанием, описывающим реально свершившееся прошлое (ретросказание), развивается и другое направление его изучения: контрфактические исследования. Так, ученые указывают, что на определенном этапе развития то или иное государство может оказаться в состоянии бифуркации, то есть в состоянии раздвоенности. Как пишет В.А. Немахин, «содержание момента определяется тем, что в данном случае «...состояние системы теряет стабильность и может развиваться в сторону многих различных режимов функционирования». Таким образом, точка бифуркации — основа многовариантности, обуславливающая неопределенностью периода нахождения развивающейся действительности» [12, 120–121].

Вместе с тем общеизвестен тот факт, что любые формы межгосударственных отношений содержат интересы каждого из участвующих в этом процессе субъектов. И если в определенное время эти интересы удавалось скрывать под какими-либо предлогами, то в современных условиях это практически невозможно. К примеру, на страницах периодических изданий появилось множество публикаций, авторов которых можно и понять, ибо им безразлична судьба такого влиятельного государства, как Россия, и многих миллионов русских, которые в свое время в поисках «земли обетованной» оказались (зачастую не без «помощи» государства) вне современной

российской территории. Характеризуя сложившуюся ситуацию, известный политик Маргарет Тэтчер пишет: «Россия почувствовала свою уязвимость, и это в определенной мере объясняет ее агрессивную риторику и маневрирование. Около 25 миллионов этнических русских остались за пределами границ новой Российской Федерации после развала Советского Союза. Для русских существование такой зарубежной диаспоры является и причиной, и оправданием потенциального права на вмешательство в дела бывших советских республик» [13, 119–120].

Однако ряд российских исследователей, вместо объективного анализа причин распада СССР и процесса появления независимых государств на карте мира, выступает с категоричными утверждениями, что нет никакой новизны в процессах независимости. Среди них главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» Российского института стратегических исследований при Президенте РФ Аждар Куртов, который считает, что «в процессе строительства национальных государств в Центральной Азии произошел процесс архаизации госинститутов...», «в отношениях между Россией и Средней Азией сложилась модель, когда Москва сама приучила новые суверенные государства слизывать крошки с ее ладоней и одновременно кусать длань дающего» [14].

Другой российский автор в статье «Русская элита для Казахстана» считает своим «долгом» напомнить, что «спешно заключенное под давлением ЕС, потребовавшего от России скорейшей демаркации с соседями, соглашение с Казахстаном внезапно поставило миллионы российских граждан перед необходимостью оформлять заграничные визы для поездки по Транссибирской магистрали из России... в Россию». По его убеждению, данный фактор — следствие «обоюдного царского жеста», который якобы сделан при встрече Н. Назарбаева и В. Путина, ибо «именно форма президентского междусобойчика, экстренно подправившего международный договор, заставляет сомневаться в прочности принятого решения». Автор берет на себя ответственность напомнить, что «российское правительство, имевшее неудовольствие лицезреть полный провал своей политики на просторах СНГ... должно внимательно отнестись к грядущим событиям в Казахстане. Однако пока никакого концептуального прорыва в отношениях с Казахстаном нет» [15].

При этом не отрицается тот факт, что «Казахстан является для России в современных ее границах не только одним из приоритет-

ных внешнеполитических контрагентов, но и важным фактором внутренней геополитики, а также, что «*Казахстан ныне едва ли не самый важный геополитический партнер для России*» (подчеркнуто в тексте автором статьи. — *Авт.*). Автор в своей публикации придерживается следующего стереотипа: политика Казахстана аналогична политике всей Азии и построена исключительно на азиатской хитрости [15].

«Азиатская хитрость», «азиатское варварство» — клише, не нуждающееся в особых комментариях, прочно вошло не только в обиходный лексикон, но, к сожалению, и в художественную литературу многих европейских стран, — читаем мы у К.К. Токаева. — В русском языке обидным словом «турок» до сих пор называют забитых, глупых людей» [16, 368].

Ряд публикаций вроде бы должен стать опровержением наличия у части российской интеллигенции имперских амбиций. Однако их авторов почему-то интересуют следующие вопросы: каким образом Казахстан вдруг приобретает статус государства, тогда как вся его современная территория якобы принадлежала в свое время воинским формированиям Уральскому, Сибирскому, Семиреченскому казачьих войск, некогда дислоцировавшимся в степной части Российской империи. На долю казахов остается лишь только «полоса вдоль пересыхающей Сырдарьи да пустынные районы». При этом намеренно замалчиваются факты, что Русское государство перешло за Уральский хребет только в XVI–XVII веках, а предки казахского этноса, как части тюркского мира, здесь обитали еще с незапамятных времен. Исследователи истории возникновения российских городов пишут, что весь XVII век русским казачьим отрядам, продвигавшимся по территории Сибири все дальше на Восток, приходилось постоянно воевать с многочисленными кочевниками. Что таким образом только появилось первое гражданское поселение в Омской крепости в 30-е годы XVIII века. Став городом, он постепенно превращался в крупный торговый центр. Казахи и калмыки пригоняли в Омск для обмена лошадей, овец, крупный рогатый скот. Здесь же для обзаведения семьей шла продажа «живого товара» — «в разбое похищенных жепок и детишек».

«Хорошо или плохо, но казахи ныне — это политическая нация с полным набором «самоидентификации». Неважно, что эти признаки в наших глазах выглядят не всегда обоснованными. Недостаток историчности с лихвой компенсируется псевдоисторическими ми-

фами, как это бывает при становлении любой молодой нации», — указывает автор статьи «Русская элита Казахстана», намекая, видимо, на то, что якобы Казахстан, воспользовавшись благими намерениями Москвы, заполучил чужую территорию и распоряжается ею как своей собственностью. Автор предлагает найти веские основания вернуть эту территорию в состав России, ибо «...Северный Казахстан следует рассматривать как регион, потенциально предназначенный к вхождению в Россию...». Вместе с тем автор «оригинален» и считает, что «...наиболее реалистическим планом решения казахстанской проблемы для России является поддержка *федеративного двуязычного Казахстана* (подчеркнуто в статье. — Авт.), в котором региональная русская элита северных областей служила бы револьвером, приставленным к виску русофобского крыла казахской элиты. На большее мы вряд ли сможем рассчитывать... И то лишь при условии, что наведем порядок в собственном доме». Автор упрекает в необоснованности доводов тех, кто считает, что «...Казахстан «никуда от нас не денется», что он будет искать сотрудничества и сближения с Россией. Такие оптимистические надежды в отношении некоторых других государств постсоветского пространства уже показали свою несостоятельность», — утверждает он [15].

Казахско-российские отношения беспокоят и многих других. «Каждая нация, ставшая независимой, проходит болезненный этап устройства своего прошлого в нужном свете, хорошо понимая, что кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее», — отмечает узбекский ученый Г. Хидоятов. По его мнению, дружеские отношения между народами продолжались бы, если бы историки не были дилетантами и не искажали истину. Затрагивая проблему казахско-российских отношений, он склонен считать, что казахи недооценивают «узбекские отношения с братским казахским народом», ибо для казахстанских ученых приоритетным является «беззаветное служение» царской России... По его глубокому убеждению, Южный Казахстан — это исконная территория Узбекистана. И изъята была она благодаря совместным действиям казахов и русских, затем была передана казахам [17].

Ученый вспоминает о коварных методах завоевателя Черняева, но почему-то приписывает их казахам. При этом он ссылается на правдоподобную «кокандскую историографию» казахского ученого Т. Бисембиева. И почему-то И. Хидоятов не пытается напомнить читателям, что три месяца Ташкент упорно сопротивлялся войскам

генерала Черняева, и что эта оборона осуществлялась во главе с султаном Садыком, сыном Кенесары. Что до этого были коварные действия кокандских правителей против семьи Касымовых. В свое время известный казахский историк Ермухан Бекмаханов писал: «В архиве сохранилось большое число писем Саржана, Касыма и Кенесары. На основании писем и ответов на них можно установить, как казахские ханы понимали вопрос о «протекторате», о «подданстве казахов», понять причины их ориентации на Россию, а не на среднеазиатские ханства — Коканд и Хиву» [18, 35–36].

Объективную картину реальных событий, подчеркивал Е. Бекмаханов, могут воссоздать исторические документы: «...официальные материалы не всегда дают объективное представление о Казахстане и целях колониальной политики российского самодержавия. Все же в них часто встречаются секретные документы, рисующие подлинный характер царской колониальной политики. К примеру, граф Нессельроде следующим образом объясняет в своем докладе Николаю I захват казахских земель: «Цель правительства при переносе линии состоит в приобретении через сие значительное количество хлебо-пахотных земель... для чего необходимость требует очистить сии земли от киргизов, которые на них кочуют» [19, 128].

Е. Бекмаханов также приводит текст донесения видного государственного чиновника оренбургскому военному губернатору графу П. Сухтелену: «Я не увлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить их и возвысить их на степень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы они никогда не сеяли хлеба и не знали не только науку, но и даже ремесла; но вместе с тем всемерно желал бы научить их кушать наш хлеб и употреблять наше простое сукно и другие грубые изделия России» [19, 128]. Это мнение истинного колонизатора.

Анализируя статьи наших оппонентов, на страницах российских периодических изданий мы натолкнулись на высказывание известного российского литератора XIX века П.А. Вяземского, который еще в 1844 году писал: «Мы не боимся расследований со стороны людей цивилизованных. Пусть судят они о нас со строгостью и даже с особливим западничеством пристрастием — мы не только согласны, но и сами желаем этого, как соответствующей нашей же пользе. Однако в таковом случае мы по праву требуем добросовестности и знания предмета, ведь мы тоже люди и граждане, достойные непредвзятых и компетентных судей...». Далее он подчеркивал, что тогда,

когда средства пропаганды превращаются «...в инструмент партий и выступают как поджигатель раздоров, вместо того, чтобы быть главнейшим звеном в социальной связи наций, тогда мы не признаем... авторитет... Мы знаем собственные недостатки лучше наших хулителей... мы знаем, что еще придется много работать над собой и еще много добиваться для исполнения вождя наших желаний. Мы не претендуем на место во главе цивилизации и не намерены поучать и командовать другими народами. Но и у нас свое место под солнцем...» [20, 76].

Утверждение П.А. Вяземского даже по истечении длительного времени остается важным и еще раз убеждает нас в несомненной актуальности изучения межгосударственных отношений на современном этапе. Актуально потому, что «Политизация истории, часто совершенно неизбежная, незримо управляет пером историка, актуализируя одни темы и уводя в тень другие, накладывая неизгладимый отпечаток на изучение третьих...» [20, 70].

Да, мы за дружеские российско-казахстанские отношения. Но мы не сторонники тех, кто продолжает лакировать действительность. Что же касается распавшегося Союза социалистических государств, то в этом нет вины ни Казахстана, ни других бывших союзных республик. И не следовало бы, видимо, здесь иронизировать, что «Москва сама приучила новые суверенные государства слизывать крошки с ее ладоней и одновременно кусать длань дающего». Анализируя публикации современных авторов, мы также предполагали увидеть какие-либо рекомендации по судьбоносным не только для Казахстана, но и России, вопросам, нечто новое по проблемам межнациональных отношений. Вместо этого мы были озадачены следующими «новациями»: почему в распаде Союза стали виноваты республики Средней Азии, казахстанский лидер Н.А. Назарбаев?! [15].

В данной ситуации заслуживает внимания мнение западных аналитиков. К примеру, Маргарет Тэтчер писала в свое время: «Многие годы утверждали, что наступление социализма и коммунизма неизбежно. Я бы сказала, что неизбежен как раз конец коммунизма: эта идеология не подходит для энергичных людей, желающих жить по-своему, под защитой закона» [13]. Известный политолог Збигнев Бжезинский также подчеркивал: «Советский Союз в конечном счете взорвался изнутри и раскололся на части, став жертвой не столько прямого военного поражения, сколько процесса дезинтеграции, ускоренного экономическими и социальными проблемами» [21].

Данные проблемы возникли не в одночасье, известный социолог И.В. Бестужев-Лада, обращая внимание на причины усиления командно-административного метода управления в народном хозяйстве СССР, предлагал зреть в корень происхождения этого явления. С долей иронии он упоминал, что в 50–60-е годы советское начальство имело привычку в гневе чесать свой правый бок. Это являлось пережитком прошлого, когда все советские начальники на правом боку носили кобуру с оружием, и последний фактор служил главным аргументом при разрешении особо важных спорных вопросов в их пользу [22].

Вместе с тем, несмотря на сложившуюся ситуацию, народные массы не сразу выдвинули прямые требования, способствовавшие распаду Союза ССР. Они долго и терпеливо ждали, когда же «кремлевские мудрецы» найдут выход из кризиса. Но терпение лопнуло от бесконечных обещаний построения «светлого будущего», от нескончаемых прений между руководителями СССР и Российской Федерации, от многочисленных дискуссий между Горбачевым и общественно-политическими деятелями, — долгожданные перемены так и не наступили.

На современном этапе предпринимаются попытки объективно проанализировать межгосударственные отношения, определить положительные направления, в том числе и в отношениях между бывшими республиками Советского Союза, выстроить новые политические, экономические отношения между государствами. При этом идет переосмысление в контексте пройденного вместе пути, так необходимого для «...глубокого осознания великой ценности единения, сплочения, демократии, как спасительной силы, противостоящей раздору, конфликтам».

Это мнение разделяется многими исследователями. Однако высказывания некоторых вышеназванных авторов, видимо, не следует относить ни в пользу мира, ни в пользу благополучия в общем доме человеческом, во всяком случае между бывшими союзными республиками, а наоборот, воспринимать как желание внести между ними раздор, хаос и неразбериху. Некоторые даже не стесняются в выборе оскорбительных высказываний в адрес Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и ряда других государств. Никто не собирается оспаривать сложность ситуации, сложившейся, например, в Кыргызстане. Но надо надеяться, что народ, подаривший миру великого Чингиза Айтматова, найдет в себе мужество пойти по пути перемен.

Примерно так же, видимо, следует судить о сложных перипетиях в других государствах Центральной Азии. Свобода — сладкое слово, но придать ему чувство горечи несложно, если найдутся желающие.

Российский исследователь В.А. Шестаков пишет: «Национальный вопрос считался в СССР решенным. В силу этого обстоятельства реальная значимость важнейшей социальной проблемы реформаторами занижалась, национальные конфликты объявлялись, вопреки очевидному, незначительными пережиточными явлениями... Перестроечные процессы всерьез так и не затронули многих назревших национальных проблем, включая национально-государственное устройство СССР... За годы «перестройки» ни в одной «горячей точке» не было продемонстрировано умение выбирать оптимальные решения, не был создан надежный механизм разрешения этнических конфликтов» [23, 403–404].

Двадцать лет, как бывшие советские республики начали осмысливать, что есть что, и нельзя утверждать, что они так быстро забыли годы совместного существования во имя мнимого коммунистического будущего. Миллионы людей стали жертвами обманных лозунгов в годы коллективизации, первых пятилеток. Целина так же воспринимается неоднозначно. Кроме экономических и других негативных последствий, она едва не лишила Казахстан части исконной земли.

Возвращаясь к историческому прошлому, вспомним, что величайший русский художник-баталист XIX—начала XX века В.В. Верещагин¹ принимал участие в завоевательных походах русских в Средней Азии во второй половине XIX века, русско-турецкой войне на Балканах, русско-японской войне начала XX века. В составе войск генерала Кауфмана участвовал в завоевательных походах русской армии в Средней Азии.

Услышав из уст туркестанцев легенду о деяниях завоевателя Тимура, он, как и многие другие, задумался над вопросом: если великий завоеватель Вселенной Тимур скорбит по погибшим, которые пытались устанавливать мир и порядок в чужой стране, среди чужого народа, то кому нужен такой порядок, который отнимает жизни

¹ *Верещагин Василий Васильевич* (1842–1904 гг.) — русский художник-баталист. 1867 г. служил в Туркестане, при генерал-губернаторе Кауфмане. Автор коллекции туркестанских картин (121 картина), приверженец реализма в искусстве. (См.: Энциклопедический словарь. Т. IV/Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892).

тысяч людей? В картине «Апофеоз войны» художник вопрошает: за что воюют и гибнут русские солдаты в Туркестане, на Балканах. За каждым его полотном стоит немой вопрос: за что гибнут люди? Реалистические картины В. Верещагина не «вписывались» в происходящую действительность, когда самодержавная Россия завоевывала все новые территории.

Не раз героем полотен художника выступал генерал М.Д. Скобелев¹. Как полагают исследователи, у Скобелева была собственная программа изменения всех сторон жизни в России. Известно, что в одном из писем к И.С. Аксакову он писал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я отставил все, более чем проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему обществу, святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомясь с нашею эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие это мыслимо будет тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный, как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья, и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться» [24, 34].

«Его идеалами, — писал В.И. Немирович-Данченко про генерала Скобелева, — была великая, свободная, демократическая Россия, дающая возможность другим. Россия, свято соблюдающая интересы связанных с нею племен. Россия, для которой нет эллина, нет иудея, где все равны... Вот к чему шел человек, которого все знали как гениального полководца и немногие как политического вождя с определенной программой и точными масштабами для будущего» [24, 35].

Такова ли в точности была программа Скобелева, сказать трудно. Одно несомненно: стремясь к процветанию своей страны, генерал твердо стоял на народной почве. Такие люди, как М. Скобелев, В. Верещагин и другие мечтали об объединении славян под эгидой России, но при этом не противопоставляли их другим народам. Отечество представлялось им как мощный естественный союз

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — русский военачальник второй половины XIX в. Слава его связана с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и присоединением Туркестана к России.

издавна проживавших на сопредельных территориях европейских и азиатских народов, образованный с целью защиты своих исконных интересов. Но был и другой генерал М. Скобелев, который являлся знаменосцем «справедливой и прогрессивной» карательной экспедиции России в Среднюю Азию. Генерал — твердый и стойкий защитник чести мундира русского офицера, завоеватель, наводивший своим героизмом во славу русской армии страх и ужас на среднеазиатцев. Был офицер, художник В. Верещагин, который вместе с кистью художника носил оружие и который вынужден был стрелять.

В то же время, вместе со всей мыслящей Россией эти люди мучительно искали выход из того тупика, в который зашло российское общество на переломе двух эпох, искали единственный для огромной евроазиатской страны путь развития, отчетливо понимая, что увлечение чужими путями и чужими идеями — не что иное, как предательство своего народа.

И эти, и другие факты позволяют с еще большей уверенностью говорить о значимости казахско-российских отношений. В отдельных исследованиях процесс развития взаимоотношений между государствами порой представляется как деяние отдельных исторических личностей, а не как следствие процесса, вытекающего из объективной ситуации. Отдельные обозреватели исторического прошлого казахского и русского народов порой мыслят стандартными клише, не могут отойти от положения, представляющего Россию как панацею от всех бед.

В наставлениях Дени Дидро русской императрице Екатерине Великой есть такие строки: «Всякое правление, основанное на произволе, дурно; я не делаю здесь исключение и для правителя хорошего, твердого, справедливого и просвещенного, ибо такой правитель внушит привычку уважать и преданно служить любому правителю. Он — добрый пастырь, который низводит своих подданных на положение скота, заставляя их забыть о чувстве свободы, которое трудно вернуть, раз оно утеряно. Он обеспечивает подданным счастье на десять лет, но за это счастье потомки будут расплачиваться веками бедствий» [25]. К сожалению, и по сегодняшний день отсутствует объективно, беспристрастное освещение истоков становления российско-казахских отношений.

Сложность в том, что длительное время трудные, часто драматические страницы истории двух стран и народов преподносились в

форме катехизиса. Согласно сформированным парадигмам, в историческом процессе одна из сторон решительно сохраняла за собой статус «старшего брата», веками тянущего за собой младшего из плена тьмы и невежества. В свою очередь, другой стороне суждено было носить ярлык «беспечного пастуха», не видящего ничего дальше своей юрты. При этом «...повеление жизни к постоянному движению с места на место определили их (кочевников. — *Авт.*) номадизм, а скудные обстоятельства кочевого хозяйственного уклада привели к установлению связей с оседлыми народами, которые сопровождались то робким подражанием, то кровавыми набегами» [26, 5].

В связи с распадом СССР и появлением на международной арене новых субъектов — независимых государств ученые-исследователи стали выдвигать новые гипотезы процесса формирования взаимоотношений между государствами в новое время. Так, ученый из Таджикистана, доктор исторических наук В.В. Дубовицкий высказывает свою версию вхождения в состав России государств Среднеазиатского региона, в том числе и Казахстана. Он пишет: «Избегая обвинений как со стороны представителей этнических движений Средней Азии («русские нас завоевали»), так и российских западников-модернистов («собрали их на свою голову, столько средств потратили на неблагодарных»), приведем основные факторы этого процесса, которые многое разъяснят» [27, 190].

Речь идет о том, что в рассмотрении государственных отношений между Россией и бывшими советскими республиками — Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном, взятыми в отдельности, в свое время были определенные установки, которые ученые не могли обойти в силу диктата государственной идеологии социалистического общества. Поэтому отдельные исторические события (например многовековая борьба казахского народа за свои национальные интересы, возглавленная ханами Абылаем, Абулхаиром, султаном Касымом и его детьми) предавались одностороннему толкованию, зачастую в интересах могущественной России того периода, такая тенденция сохранялась и в период СССР.

Действия казахских ханов в исторической литературе объяснялись чисто меркантильными интересами ради удовлетворения своих корыстных целей, выступления батыров Исатая, Махамбета и других — против ненавистной ханской власти, а Кенесары — как чисто националистическое выступление. Эти установки, постепенно при-

обретая характер методологических постулатов, становились незыблемыми канонами исторической науки. *Между тем, историю развития взаимоотношений между Казахстаном и Россией следует рассматривать как следствие постоянно развивающегося процесса поиска и налаживания контактов в совершенно новых международных, политических и экономических условиях, требовавших отказа государств от прежних форм взаимоотношений.*

История человечества, в том числе древняя и средневековая, полна войн, причину которых можно проследить в «хозяйственном укладе». По мнению исследователей, в эпоху Возрождения более или менее стали формироваться систематизированные представления о внешней политике и международных отношениях. Было бы странным рассматривать историю становления взаимоотношений между Казахской степью и другими государствами в отрыве от процесса, охватывающего все большее число государств. В упомянутой статье В.В. Дубовицкого есть один штрих, на который не часто обращают внимание (может, сознательно не желают) исследователи казахско-российских отношений. К примеру, автор пишет: «Исходя из взглядов правительственных кругов России на территориальные приобретения в Средней Азии, можно предположить, что этот процесс прекратился бы уже летом 1864 года, после присоединения Чимкента, но русское правительство не учло, что имеет дело уже не с родами кочевников-казахов, а с устойчивыми феодальными государственными образованиями» [27, 198].

Вместе с тем В.В. Дубовицкий, претендуя на выявленные «основные факторы этого процесса, которые многое разъяснят», отходит, на наш взгляд, от предложенной им же концепции по поводу присоединения, в данном случае, Казахстана к России [27, 91]. Мнение современного автора близко к суждениям некоторых российских ученых-военных, имевших определенную цель, например офицера русского Генерального штаба, писавшего: «Но то, что можно отнести ко всем окружающим степь мелким азиатским государствам, не может быть вполне применимо к киргиз-кайсацкому народу. В разноплеменном степном союзе не было всех нужных для сохранения его самостоятельности условий. однако же не было и поводов к тому, чтобы народ желал стать в зависимости чуждой власти, вследствие чего, аргіогі степь давно нам подвластна, de fakto же она и по настоящее время чуждается России» [28, 12]. Ученые-историки не всегда придают значение тому, что сегодня в корне изменились обстоятельства теорети-

ко-методологического понимания исторического прошлого. Межгосударственные отношения сегодня являются объектом заинтересованности не только ученых постсоветского пространства.

В своей работе «Искусство управления обществом» известный государственный деятель Маргарет Тэтчер, основываясь на мнении других западных ученых, пишет: «Очень точно подмечено, что «самое тяжелое бремя России из всех, которое ей доводилось нести, — это груз ее прошлого». Россия вполне могла пойти другим путем, хотя история не терпит сослагательного наклонения. Пройденный путь, бесспорно, необратим. Чтобы обнаружить хотя бы отзвук какой-нибудь истинно русской традиции, которая могла породить либерализм, подобный западному, нужно углубиться далеко в историю. Стиль правления царей, с конца средних веков владевших необъятными территориями, делает понятным многое в современной России» [13].

Для понимания особенностей казахско-российских отношений мы сочли весьма важным мнение Т. Седельникова, избранного в свое время депутатом Российской Государственной думы от Степного края, который еще в 1920 году писал лидеру партии большевиков В.И. Ленину, что проводимые пришедшей к власти в России партией революционные преобразования в Казахстане не имеют объективных реалий. Ибо новая партия, предлагая новоизменения, не может отойти от имперских амбиций прежней власти, не учитывает объективные интересы и чаяния самого казахского народа. В качестве одного из главных аргументов Т. Седельников приводил «теорию пацифизма», искусственно навязанную большевиками целому народу. Объясняя корни и истоки «казахского пацифизма», Седельников писал: «...киргизы (казахи. — *Авт.*) обречены были заранее на чисто пассивную роль в мировой войне и мировой революции. Все хорошее и дурное в современной киргизской жизни сходится радикально к одному центральному узловому пункту — киргизскому пацифизму как бытовому явлению с глубокими историческими корнями» [29, 88]. Такой казахский пацифизм, по глубокому убеждению Т. Седельникова, был на руку большевикам, которые без какой-либо «генеральной репетиции», абсолютно уверенные в своей правоте, приступили к политико-экономическим, национальным, революционным преобразованиям в Казахстане. Как показала практика, последствием необдуманных, поспешных решений, опиравшихся на краси-

вые лозунги, стали насильственная коллективизация, социализация, освоение целины...

Еще в восьмидесятые годы, при подготовке кандидатской диссертации по изучению аграрных отношений в Казахстане, одним из авторов этой работы была предпринята попытка сконцентрировать внимание партийно-советской номенклатуры и их теоретико-практических вдохновителей в лице обществоведов на данном вопросе. На примере анализа ряда работ партийно-политического содержания нами обращалось внимание на голословное обвинение казахов в противостоянии прогрессу в советском обществе, их якобы иждивенческом отношении в ряду советских республик.

«Преодолению показного единомыслия, как наследия тоталитарного прошлого, несомненно будет способствовать практика публикации разнообразного и разнопланового документального материала, в первую очередь, по истории нашего Отечества, в изучении которого на сегодняшний день имеются существенные пробелы. Свободный доступ граждан, особенно подрастающего поколения, к разнообразной исторической информации, позволяющей осмыслить прошлое как многомерный и многогранный процесс, будет способствовать формированию в современном казахстанском обществе культуры плюралистических мнений в качестве важнейшей ценности. Утверждение в повседневной жизни плюрализма мнений, ценностей и оценок очень важно для граждан суверенного Казахстана, заявившего в своей Конституции о решимости строить открытое общество и продвигаться по пути либеральной цивилизации», — считают авторы сборника документов «Аграрная история Казахстана (конец XIX — начало XX века) [30, 6].

Такой подход вновь подтверждает актуальность и нашей темы, где объектом осмысления взяты казахстанско-российские отношения в историческом прошлом и настоящем, со всеми вытекающими политическими, экономическими, социальными последствиями.

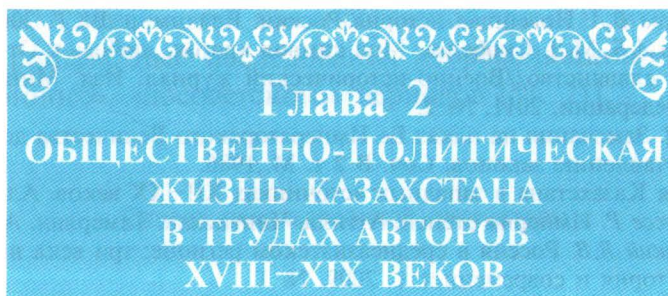
Только теперь, когда суверенитет и независимость выступили гарантом свободного мышления, когда в корне меняются методологические основы изучения истории, предоставляется широкая возможность по-новому взяться за изучение всего того материала, что преподносился только с классовых позиций и не подлежал никоим образом интерпретации: «...необходимо научно переосмысливать... и

историю... XIX века...», так как в советское время невозможно было вести беспристрастные исследования «дореволюционного», «предреволюционного», «досоветского» периодов [31, 21].

Список использованной литературы

1. Лихачев Д. Раздумья о России. URL: http://www.ifap.ru/library/book_284.pdf
2. Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
3. Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики//Общественные науки и современность. 2011. № 2.
4. Камбарбекова Ф. Иранда Қасым хан туралы қолжазбалар табылды//Жас Алаш. 2011. 26 наурыз.
5. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
6. Бегалин К. О царевиче Салтане, о хане Синбулате, о царе и Великом князе всея Руси Симеоне или о житие старца-мученика Стефана//Эпоха. 2003. 19 декабря.
7. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. В 10 т. Т. 8. Первые английские путешественники в Казахстане. Алматы, 2006.
8. Романов П. Преемники: от Ивана III до Дмитрия Медведева. Петр Романов. СПб.: Амфора, 2008.
9. Султанов Т.И. Чингиз-хан и чингизиды. Судьба и власть. М.: 2007. 446 с.
10. Назарбаев Н.А. Концептуально новая роль//Казахстанская правда. 2009. 17 января.
11. Мир о Президенте Казахстана//Казахстанская правда. 2011. 13 сентября.
12. Немахин В.А. Контрфактические исторические исследования и синергетика (пути взаимодействия)//Общественные науки и современность. 2006. № 4.
13. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М., 2003.
14. Куртов А. Средняя Азия привыкла слизывать крошки с ладоней России и кусать длань дающего. URL: <http://www.regnum.ru> 14.02.2011.
15. Бутиков Я. Русская элита для Казахстана. URL: <http://www.pravaya.ru> 14.07.2005.
16. Токаев К.К. Преодоление. Очерки дипломата. Сер. «Международные отношения» М.: ЦЛНГ, 2009. 512 с.
17. Хидоятов Г. Казахская история в кривом зеркале лжеисториков: admin@asiaforum.uz от 07.06.2010.
18. Бекмаханов Е. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Павлодар, 2005.
19. ЦГИАЛ, ф. МВД, Зсмск. отд., 8 делопроизв., ф. 134, лл. 1-2, 1834. Цитируется по: Е. Бекмаханов. Сочинение в 7 т. Т. 2. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. Павлодар, 2005. С. 128.
20. Боленко К. Неслучайный эпизод//Родина. 2009. № 3.
21. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
22. Бестужев-Лада И.В. Советский образ жизни, формы и методы его пропаганды. М., 1977.

23. *Шестаков В.А.* Новейшая история России. Владимир: ВКТ, 2008. 479 с.
24. *Шолохов А.Б. М.Д. Скобелев: Мой символ краток: любовь к Отечеству, спобода, наука и славянство*//Военно-исторический журнал. Изд. Мин-ва обороны Российской Федерации. 2011. № 2.
25. *Дидро Д.* Замечания на наказ Ее Императорского Величества депутатам Комиссии по составлению законов. Соч. В 2 т. М.,1986.
26. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. Алматы: Санат. В 4 т. Т. 1; *Груссе Р.* Империя степей. Аттила. Чингисхан. Тамерлан. Алматы, 2006.
27. *Дубовицкий В.В.* Россия в среднеазиатском регионе: три века в зеркале геополитики//История и современность. 2009. № 1.
28. Редкий фонд государственной национальной библиотеки РК. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. [Глава V, Ч. III].
29. *Седельников Т.* О киргизской республике и киргизской бедноте (Письмо Ульянову-Ленину. Оренбург. 23 апреля 1920 года)//Мысль. 1993. № 6.
30. Аграрная история Казахстана (конец XIX — начало XX века.): Сборник документов и материалов/Автор-сост. С.Н. Малтусынов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 560 с.
31. *Назарбаева Г., Абжанов Х.* Қазақстан: тарих пен тағдыр. Алматы, 2003.

Глава 2

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА В ТРУДАХ АВТОРОВ XVIII–XIX ВЕКОВ

История Казахстана в составе колониальной империи является одним из наиболее противоречивых периодов в истории казахско-российских отношений. Недостаточная разработанность документально-источниковой базы, отсутствие фундаментальных исследований по узловым вопросам отечественной истории, историографического анализа отдельных периодов истории Казахстана приводили к слабой разработке многих проблем отечественной истории. Пользуясь сложившейся ситуацией, ряд авторов пытались навязать миру миф об «искусственности истории казахов», надуманности множества фактов и измышлений из жизни казахского народа, мифологическом воображении современных казахстанских историков.

При этом вопрос: «Была ли Россия колониальной империей и какое она оказала воздействие на судьбы народов?» и сегодня вызывает множество дискуссий, споров, толкований. Корифеем казахстанской исторической науки, академик М.К. Козыбаев в 1996 году в газете «Столичное обозрение», в статье «История России есть история страны, которая колонизируется. К вопросу о вхождении Казахстана в состав России» писал следующее: «В современных условиях признание этого факта тем более важно, что иные исследователи, явные и скрытые последователи имперского мышления, продолжают настаивать на том, что Россия не была колониальной, им-

перской державой». Таким образом, уже тогда казахстанский ученый вступил в полемику с теми, кто обозревал историю России с позиций устаревших подходов и стереотипов.

Доктор исторических наук В. Виноградов и заместитель начальника историко-дипломатического управления МИД России И.В. Филатов в статье «Обозревая прошлое Отечества, истории Российской империи», ставят следующие вопросы: «Попробуйте ответить на самый, казалось бы, простой вопрос, — пишут они, — какие колонии, в полном смысле слова, приобрела и имела Россия тогда и позже».

«В учебниках средней школы России нового поколения, — пишет М.К. Козыбаев, — вы не найдете материал о завоевании Казани, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств, Средней Азии и Казахстана. Между тем, на этот вопрос в свое время отвечали отцы российской исторической науки Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский. Последний со всей определенностью подчеркивал: «История России есть история страны, которая колонизируется» [1].

Колониальная политика царизма вела к тому, что в потоке истории могли исчезнуть многие народы, которые имели многовековую историю. В условиях нахождения казахов в составе Российской империи мало кто знал о прошлом народа, корни которого уходят далеко в историю. Используя различные методы воздействия на казахское общество, его государственный строй, духовное начало, российская администрация добилась того, что к началу XX века Казахстан не только стал частью империи (это произошло путем включения казахских земель в пределы российского государства), но и стал терять свой самобытный национальный дух. Член Государственной думы России от казахского края Т. Седельников в 1906 году писал: «Самый распространенный и вместе с тем вредный предрассудок читающей публики относительно киргизов это тот, что все киргизы «на одно лицо», как китайцы, живут как-то особенно, по-своему, на непонятных для нас хозяйственных началах в виде чистого пастбищного скотоводства. При слове «киргиз» человеку, не бывшему в степи, рисуется черномазый, в высоком остроконечном малахае, всадник, который с длинной пикой в руке мчится по простору во весь опор, заворачивая непокорный табун лошадей голов в 500—600. Киргиз-кочевник, киргиз-скотовод, киргиз — «вольный сын степи» — только такого киргиза знает русская читающая публика, но это как раз и служит лучшим доказательством ее слишком недостаточного знакомства с киргизской жизнью. Однако этот взгляд укоренился в

литературе не случайно, не в силу одного недостатка сведений о киргизах. Наоборот, определенного сорта литераторами и определенными слоями самого киргизского народа этот предрассудок распространяется и поддерживается вполне сознательно, из вполне конкретного, недвусмысленного расчета» [2, 7].

Издавна в мире сложилось особое отношение к кочевым народам, к которым относится и казахский народ. Свидетельством тому может служить множество работ авторов, которым удавалось по различным причинам оказаться в Казахской степи, увидеть собственными глазами мир, в котором проживает этот удивительный, самобытный народ, который, на первый взгляд, ведет анархический образ жизни, не подчиняясь общепринятым в Европе, например, нормам и правилам общественного жития.

Сегодня, по истечении времени, мы вновь обращаемся к трудам российских и европейских исследователей. Внимательное их прочтение во многом способствует искоренению советской методологии изучения межгосударственных отношений, нахождению контраргументов против тех, кто сегодня больше всего заинтересован в субъективном познании российско-казахских отношений. При этом, обращая внимание на причины отчуждения казахского народа от его исторических корней, мы далеки от идеализации того периода, когда государство в форме Казахского ханства, исчерпав свой потенциал, не смогло далее совершенствовать решение своих политических, экономических, социальных проблем.

«Процесс присоединения казахских земель к Российской империи шел очень долго и занял более ста лет, причиной тому послужило отнюдь не письмо хана Младшего жуза Абулхаира в 1731 году», — подчеркивает доктор исторических наук, профессор Б. Аяган, выдвигая новую гипотезу предпосылок присоединения Казахстана к России. Проблема заключалась в разделении сфер влияния между Российской империей и Британской короной. С момента включения в состав Российской империи судьба казахского населения была уже не в собственных, а в чужих руках [3].

Богатый исторический материал содержится в серии книг «История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.» в 10 томах. В них сосредоточены труды европейских авторов, последовательно отражающие историю Великой степи с античных времен до современности. Материалы многотомной серии содержат сведения об истории развития казахско-российских отношений, в них также пред-

ставлены взгляды зарубежных исследователей на проблему присоединения Казахстана к России. Американский исследователь Ч.У. Хостлер в своей работе «Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели», написанной в середине 50-х годов XX века, отмечает: «В своем исследовании я попытался определить политический потенциал тюркского мира, исходя из всестороннего анализа его демографического состояния, истории...». И далее автор отмечает, что «в связи с этим выносятся на обсуждение вопросы, кто такие тюркские народы и следует ли их относить к типам «исчезающей нации» [4, 10]. По поводу отношений Казахстана и России данный исследователь отмечает, что казахи пытались противодействовать русской экспансии на северо-западе, но во время войны с калмыками они были вынуждены искать покровительства со стороны России. Петр I пытался присоединить к своей империи казахских ханов как дипломатическими средствами, так и прямыми военными вторжениями.

Отмечая последствия этих отношений, Ч. Хостлер утверждает: «Распространение русской торговли и смещение местного экономического уклада жизни, так же как и пауперизация казахских масс, последовавшая после опустошительных войн с калмыками, породили сильную социальную дифференциацию в обществе. Эта внутренняя напряженность резко возросла в следующем веке с ростом колониальной эксплуатации края. Автохтонные жители были лишены права собственности на их лучшие пастбища и самые плодородные земли: местные русские колониальные власти, действующие от имени Санкт-Петербурга, периодически переселяли казахов на менее пригодные для хозяйствования земли, и в то же время славяне были поселены на самых лучших землях. Перенаселенность центральных европейских регионов империи и многих областей Украины усилила переселенческую политику колонизации Казахстана, которая продолжалась вплоть до XX века» [4, 67–68].

В числе исследователей, представивших европейскому обществу тогда малоизвестный степной народ, был и Антоний Дженкинсон, который явился одним из первых европейцев, приведшим в своих записях подлинное самопазвание казахского народа — казах (Cassack). Купец и дипломат, он был первым англичанином, посетившим казахскую степь и зафиксировавшим это в письменных источниках. Результатом путешествий А. Дженкинсона в Среднюю Азию явился труд, заключающий в себе немало ценных наблюдений по истории

народов данного региона, краткую информацию о казахском хане Хакназаре (1558–1580).

В своей работе «Путешествие в Среднюю Азию 1558–1560 гг.» он, в частности, писал: «...уже три года до моего приезда сюда длилась большая война...между двумя крупными татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами... города эти называются Ташкент (Taskent) и Кашгар (Cascar), народ, воюющий с Ташкентом, называется казахами (Cassack)» [5, 8–29].

Эту мысль автора следует, видимо, воспринимать как факт появления в Европе глубокого интереса к Казахской степи. Подтверждение тому мы находим в примечаниях к данной работе: «Cassaks (Kazzaks), ошибочно названные киргизами «kirghiz», составляют большую часть полукочевого населения Центральной Азии наших дней. О них впервые услышали как об узбеках-казахах («Usbek Kazzaks») примерно в середине XV века, когда они составили часть населения потомков Чингиса хана и приняли участие в войнах, которые происходили между этими князьями и преемниками Абулхаира из династии Шейбанидов. Их численность быстро возрастала, kazzaks (казахи) стали державой в Центральной Азии. Говоря об их хане Касыме, Бабек отмечает, что в его орде порядок был лучше, чем у любого хана, и что его войска насчитывали примерно 300 000 человек. Их разбили ногайцы при Хак Назар-хане (Ak (Hak) Nazar-khan), который подчинил себе Могулистан, или Кашгарию, и совершил набеги на Туркестан, они снова возродились. Примерно в середине XVI века они заняли оба берега Таласа и захватили города Туркестан (Хазрет) и Сауран и угрожали Бухаре». Данило Губин, русский посланник, докладывал в 1535 г., что казахи (kazzaks) стали очень могущественными и взяли Ташкент. Название «kazzak» означает «пират, флибустьер, разбойник, корсар», «независимый, свободный» или «мародер» [5, 56–57].

Немецкий ученый Фридрих-Антон Геллер фон Хелльвальд в своей работе «Центральная Азия. Глава II. Киргизы и кайсаки» указывает: «Используя общее название «киргизы», следует, прежде всего, строго проводить различие между разными племенами, а именно: между ошибочно широко обозначаемыми «киргизами» и так называемыми «кайсаками», или хазаками» (казаками), затем — между «собственными киргизами», или «настоящими киргизами», вернее «черными киргизами», «кара-киргизами», которых русские называ-

Карта Московии и Тартарии,
составленная Антонием Дженкинсоном в 1562 г.

ют «дикокаменными киргизами». Большинство этих народов никогда не называло себя иначе, чем «кайсаки», и получило название «киргизы» от русских казаков, после знакомства последних с настоящим киргизским народом» [6, 155]. Правда, мы не совсем согласны с выводом данного автора, утверждающего, что нет никакого отличия в обычаях и нравах между кайсаками и киргизами. В этом нетрудно убедиться, заглянув в труды казахского ученого Шокана Уалиханова.

В истории географических открытий и разносторонних исследований казахского края заметный след оставили немецкие ученые и путешественники, которые «благодаря общему достаточно высокому уровню эрудиции и хорошей профессиональной подготовке, верности присяге и развитию чувства долга... и довольно широким познавательным интересам... наиболее часто и гораздо в большем количестве, чем верноподданные иностранцы, привлекались царским правительством в XVIII — середине XIX веков к осуществлению крупных исследовательских проектов на азиатских окраинах России и поэтому являлись в указанный период одними из первопроходцев в изучении географии и этнографии Казахской степи» [7, 6], тем самым обеспечивая «широкую циркуляцию взаимонаправленных потоков научной информации между Западом и Востоком» [7, 6–7]. Их наблюдения и выводы интересны тем, что они обращают внимание на определенный штрих, обойденный в казахско-русской историографии.

Одним из известных немецких ученых является Грегор Хельмерсен, выходец из Лифляндии, геолог и географ, который совершил научную экспедицию на юго-восточный Урал и дважды в Казахскую степь. В своих работах он писал: «Страны-соседи на юге Азиатской России еще столь мало изучены во всех отношениях, что все сведения об этом заслуживают внимания, если они исходят от свидетелей. На ту часть обширных территорий, которая относится к Китайскому государству, к сожалению, согласно правилам, не может ступить русский человек, который не хочет следовать по известному пути из Кяхты в Пекин и именно по установленным условиям» [8, 12].

В процессе более глубокого изучения края путешественники и исследователи стали предвидеть настоящее и будущее Казахской степи в контексте сближения с Россией. «На колоссальной территории России в степи Каспийской низменности Оренбург расположен как

форпост цивилизации. Как военный и торговый город он имеет двойное значение: во-первых, он должен охранять империю бдительным оком и быстрой рукой от натиска кочующих народов, которые в большей и меньшей степени вражеским образом противостоят России и которые нуждаются в импульсе и сильном собирающем рассеянные элементы предводителе, чтобы повлечь за собой важные события. Но его позиция не только оборонительная: от него хотят, когда обстоятельства эти позволяют, и наступательных действий. Как торговый город, Оренбург должен все надежнее обосновывать, расширять и защищать свое общение с киргизами, а своих соседей ставить все в большую зависимость от себя.

Кажется, что наступили времена, когда власти распознали эти интересы, а вследствие этих интересов — необходимость реорганизовать всю провинцию». Эти слова читаем мы в другой работе графа фон Генс Хельмерсена «Путешествие по Уралу и киргизской степи в 1833 и 1835 гг.» [8, 103—104].

В информации данного автора имеется наблюдение, которое впоследствии легло в основу концептуального видения переустройства Казахской степи. Г. Хельмерсен и другие часто обращают внимание на «сильного, собирающего рассеянные элементы, предводителя». Исходя из этого, якобы и произошло слияние Казахского государства с Российской империей, т. к. в степи иссякла сила, способная объединить казахский народ на пути введения прогрессивных методов развития. Но тот же Хельмерсен в другом месте отмечает: «На Оренбургской линии, впрочем, в том же 1835 году была совершена кража человека, наверное, для того, чтобы отомстить за столь ненавистную для киргизов закладку новой линии. Но было время, когда на Оренбургском военном кордоне за один единственный год было украдено не менее 200 человек. Это был особенно беспокойный год, когда киргизы потеряли знаменитого султана Харун-Газы. Тот приобрел в степи, благодаря своей энергии и уму, силу повелителя. Не только киргизы его племени, но и из многих других племен подчинялись в спорных случаях его судебному решению и почитали его как необыкновенного человека. Харун-Газы поддерживал строжайший порядок среди киргизов на русской границе; он самым строгим образом наказывал за грабеж. Не только казаки, но и их жены и дети могли уходить далеко в степь и им не причиняли никакого вреда» [8, 111]. Далее он пишет: «Как бы ни радовались на Оренбургской линии хорошему порядку, наведенному знаменитым султаном,

пока тот был дружен с русскими, но позже появились обстоятельства, которые потребовали его удаления». Здесь же в примечаниях к работе Хельмерсена находим: «Харун-Газы умер несколько лет тому назад в городе Калуга» [8, 136].

Согласно данным Хельмерсена, можно сделать вывод, что российские приверженцы «сильной власти» в степи зачастую игнорировали тот факт, что степь располагала достаточным собственным потенциалом, способным играть решающую роль, что люди, подобные «Харун-Газы», всегда имели собственное видение переустройства казахского государства того периода, что не всегда совпадало с видением чиновников на местах. Обратим внимание на рассуждение Хельмерсена, который в одном месте отмечает, что казахи страшно боятся «огненного оружия», что они «никогда не осмеливаются напасть на вооруженного врага», то есть по натуре казахи — скопище людей, действующих лишь при наличии большого перевеса сил. Однако в другом месте он рассуждает о храбрости и отваге по-иному: о другом представителе казахской степи, Кутебаре, который «каждое лето с многочисленными товарищами приближался к русской границе и устраивал дерзкие вылазки. Благодаря большому числу своих сторонников, постоянной бдительности и ловкости, он много лет уходил от самых усердных преследований русских, пока его не настигла, наконец, насильственная смерть, которая достойно завершила его биографию» [8, 112]. Здесь имеется в виду Кутубар (Котыбар би. — *Авт.*), также имевший определенное влияние на территории Младшего жуза и который после смерти Арынгазы перешел к более активным действиям против политики властей царского правительства на местах.

Немецкий исследователь перечисляет имена представителей Казахской степи, имевших резко отрицательное мнение относительно реорганизации ханской власти на территории Младшего жуза. Как известно, при активном вмешательстве оренбургских чиновников после насильственной смерти хана Есима на его место в различное время ханами были назначены дети Нуралы и Айшуака — внуки-потомки хана Абулхаира. Однако они не сумели выйти за рамки своих меркантильных соображений, не сумели занять активную позицию против вмешательства России во внутренние дела казахского ханства, в разрешении противоречий, возникших как между родами Младшего и Среднего жузов, так и в борьбе против наступательных действий хивинского хана Мухаммед-Рахима. В данной ситуации для

губернатора Оренбурга С.Г. Волконского единственно правильным решением показалось разделение территории Младшего жуза на два ханства. В этих условиях на исторической арене появляется Арынгазы Абылгазиев [9, 115–144].

Анализируя работы немецких ученых, мы обратили внимание еще на одну деталь. Местные географические названия рек, озер и других объектов даны исключительно в казахском варианте, что можно рассматривать как свидетельство проживания на данной определенной территории казахов с древнейших времен, что может быть контраргументом против тех современных исследователей, которые пытаются поставить под сомнение историческую принадлежность территории Казахстана его исконным хозяевам — казахам. В вышеуказанной работе «Путешествие по Уралу» граф фон Хельмерсен, подробно описывая свое путешествие в 1835 году к востоку от Верхнего Урала, не забывает напомнить старое название этой реки — Яик (Жайык). Другое название местности: Урус-Кискан (следует читать «Орыс кескен», немецкий путешественник дает разъяснение: «там, где русские валят лес») — название брода, Кичик-Карачатау (Kişi Qarashataу), Кара Айгыртау, Кара Едиртау, Синташты — названия местности, Бирсуат, Джилкара — название водных источников.

Другой немецкий ученый, Александр Шренк, исследовал в 1840–1843 годах обширную территорию Центрального, Восточного и Юго-Восточного Казахстана. Излагая основную цель своего путешествия как поиски драгоценных металлов на пути своего маршрута, он перечисляет географические названия местностей, поселений и др. на казахском языке, в некоторых случаях комментируя их происхождение из языков других народов. Во второй половине XIX века история и этнография среднеазиатских народов стали одним из объектов научных интересов и исследований Франца Шварца — выходца из Нижней Баварии, директора Ташкентской астрономической и метеорологической обсерватории, работавшего по приглашению туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. В своей работе «Туркестан — ветка индогерманских народов» по поводу вхождения Казахстана в состав России он писал, что «...в настоящее время разделение киргиз-кайсаков на орды и сан ханов упразднены. Они распались под русской властью» [10, 180]. Данный труд возник в результате его предварительной работы к произведению «Всемирный потоп и переселение народов» [10, 176].

Однако дальнейшие его рассуждения следует объяснять, видимо, не чем иным, как результатом безудержной фантазии автора. Так, посвящая одну главу своей работы религии киргизов, Ф. Шварц делает вывод: «То, что киргиз-кайсаки являются хорошими мусульманами, объясняется тем, что у них нет ни священнослужителей, ни мечетей, и, как правило, им неизвестно искусство чтения и письма. И тот способ, каким привели к мусульманству, без сомнения, способствовал этому. Киргизы, видимо, единственный случай в истории, когда, собственно, по вине христианской власти их обратили в исламскую веру, а именно вследствие недоразумения. В то время как первоначально киргиз-кайсаки были шаманистами, русские власти искренне думали, что все центральноазиаты должны быть магометанами и обходились с ними с самого начала как с мусульманами, и, следовательно, обращались с ними как с таковыми... В конце концов русское правительство пошло так далеко, что, желая добиться особого расположения киргизов, построило им на собственные средства мечети и послало мулл, чтобы те могли их лучше обучить в духе их предполагаемой мусульманской религии.

Благодаря этим усилиям, сделанным из лучших побуждений русских, киргиз-кайсаки пришли к тому, что они стали рассматривать себя как истинных мусульман, так же как человек, которого все считают сумасшедшим, в итоге сам себя считает таковым. Если бы русские направили те усилия, которые они приложили для магометанизации киргиз-кайсаков, на обращение их в христианство, то они стали бы к настоящему времени такими же истинными христианами, таковыми магометанами они стали на самом деле» [10, 184–185].

По мнению автора цитируемого текста, у казахов «нет религии как таковой», ибо он не видел «ни одного киргиза, который молился бы или совершал предписанное кораном омовение», а также «ни разу не слышал, чтобы какой-то киргиз совершил бы паломничество в Мекку». В то же время, придя к вышеприведенному заключению, Ф. Шварц сам же признается, что у него не было возможности «наблюдать киргизского баксы при выполнении его мистификации», поэтому передает «перевод описания Левшина, данный на основе аутопсии» [10, 185].

Далее у него читаем: «Киргиз-кайсаки являются лучшим доказательством того, что мораль народа не всегда является прямо пропорциональной к большей и меньшей внешней религиозности, выставленной для показа... (они) среди всех народов, которых я узнал,

меньше всех выставляют напоказ свою религиозность, но в отношении уважения к морали стоят бесконечно выше, чем оседлые народы Туркестана, и могут быть образцом честности даже не только среди народов Туркестана».

Данный вывод он подтверждает другими своими наблюдениями, отмечая, в частности, что и «правовые воззрения киргиз-кайсаков отличаются от наших, как небо и земля... О различиях гражданских и уголовных преступлений киргиз-кайсаки не имеют никакого представления; любое преступление или нарушение рассматривается как нанесение вреда интересам ближнего и тот, кто вследствие преступления потерпел ущерб, должен получить от преступника соответствующее возмещение». Правда, при этом он не забывает подчеркнуть, что они «однако имеют явное сходство с правовыми представлениями древних германцев» [10, 187].

При этом, рассуждая о религиозной принадлежности казахов, Ф. Шварц почему-то не берет во внимание ни обряды похорон, ни свадебные ритуалы, ни особенности архитектурных сооружений, например мавзолеев Ходжи Ахмеда Яссауи, многочисленные некрополи, ни, наконец, исторические данные. Казахи, как известно, уже в период Ак-Орды (XIV–XV вв.) исповедовали мусульманскую веру.

В изучении истории и этнографии казахов важным источником являются русские документы и материалы того периода. К данным источникам относится широкий спектр письменных памятников. Это, например, данные, полученные в ходе проведения специальных исследований в регионе, — Первая академическая экспедиция (1733–1743), Вторая академическая экспедиция (1768–1774), различного уровня административная документация (отчеты, ведомости, донесения чиновников и военных). Среди группы административных документов, на наш взгляд, можно выделить подгруппу, в которой авторами источников являются высшие руководители приграничных российских регионов (губернаторы областей, наместники), руководители экспедиций и т. д., характеризующие период своей деятельности, по результатам которых были составлены имеющие большую ценность документы.

Как отмечает исследователь А.В. Ремнев, перед приграничными администраторами стояли «не только задачи управления, но изучения и освоения огромного зауральского региона. Нередко в качестве исследователей выступали наряду с рядовыми чиновниками и офицерами генерал-губернаторы и губернаторы» [11, 85].

Карта Оренбургской губернии.
Составитель И. Трескот. Санкт-Петербург, 1772 г.

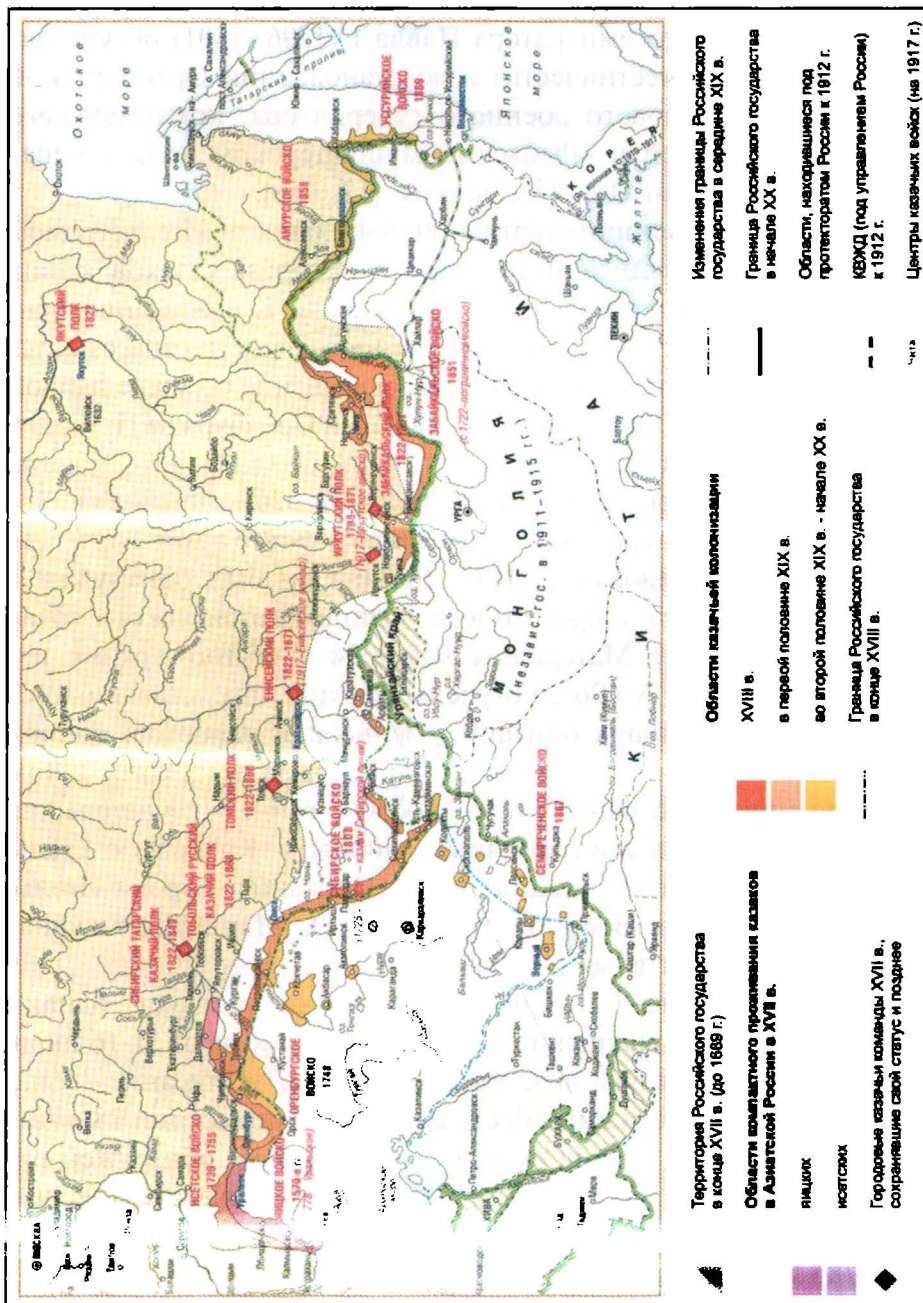
Для большей наглядности целесообразно остановиться на ценном в информативном отношении «Кратком описании о киргискайсаках» барона О.А. Игельстрома. Известно, что в 1796 году 2 декабря последовал указ нового императора Павла I (1796–1801) об упразднении Уфимского наместничества и восстановлении Оренбургской губернии. На пост первого военного губернатора, командующего Оренбургской дивизией и «Рыльском мушкатерском полком» шефом вновь был призван О.А. Игельстром [12, 416].

За время активной административной деятельности Игельстромом был составлен интересный источник по истории казахов конца XVIII в. — «Краткое описание о киргискайсаках». К сожалению, этот источник до настоящего времени не использовался в научных исследованиях, причиной чего, возможно, явилось мнение об утере данной работы. Более века назад один из исследователей Оренбуржья П. Юдин, упоминая о существовании этого «Описания», сожалел, что «в делах архивных не сохранилось этого донесения» [13, 526].

Оказалось, что документ существует. В результате архивных изысканий молодого исследователя Н.С. Лапина он был обнаружен в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва). Материалы фонда № 846 этого архива, известного как фонд ВУА (Военно-ученый архив), представлены целым рядом интереснейших описаний, записок и рапортов, составленных российскими чиновниками и офицерами высокого, в том числе наместнического ранга. Это непосредственные свидетельства очевидцев, посетивших приграничные районы и Казахскую степь. В числе данных документов оказалось и «Описание» барона Игельстрома, в настоящее время опубликованное Н.С. Лапиным в журнале «Казахстан мұрағаттары» [14, 119–257].

Дата создания этого источника в архиве отсутствует, однако П. Юдин, основываясь на письме «барона Игельстрома от 31-го июля 1791 года» (адресат не указан), утверждает, что «Описание» было представлено Г.А. Потемкину вместе с одним из донесений 28 января 1786 года [13, 526]. В деле вместе с «Описанием» обнаружен рапорт О.А. Игельстрома Г.А. Потемкину, из которого следует, что данный источник был создан по «повелению» последнего «от 19-го августа 1785 г.» [15, л. 9].

«Описание» состоит из 17 разделов, которые охватывают различные аспекты жизни казахов в Урало-Каспийском регионе в последней четверти XVIII века. В общем, текст «Описания» тематически,

Казахья колонизация

по характеру содержащегося материала, можно разделить на несколько частей: 1 — география; 2 — история; 3 — этнография; 4 — политические отношения в Казахском ханстве. Описание, сделанное бароном Игельстромом, в основном касаются Младшего жуза.

К первой, географической, части относятся в основном 1-й и частично 3-й и 6-й разделы, в которых описана территория, занимаемая казахскими родами — «от Каспийского до Аральского морей, оттуда за реку Сарасу до реки Сыр-Дарьи, отсюда окружность ее к линии Сибирской до реки Иртыша, [к] Оренбургской [линии] до реки Урала» [14, 122].

Непосредственно территорию кочевий Младшего жуза барон локализует следующим образом: «...от Гурьева городка вверх по реке Уралу до Троицкой крепости, оттуда до реки Ыргис (Иргиз — Ырғыз. — *Авт.*) и при песках, называемых Барсуками, при Аральском море лежащих», добавляя при этом, что «ежели с каракалпакским народом в согласии, то [кочевья доходили] до самой реки Сыр-Дарьи» [14, 121–123].

Историческая часть «Описания» включает сразу несколько разделов — с третьего по пятый. Характеризуя ситуацию начала XVIII века, О.А. Игельстром отмечает, что в то время «[казахи] находясь между собой в согласии, имели во владении своем знатные провинции и города как то: Туркистан, Сайрам, Ташкент и протчия к ним принадлежащая места, кои лежат по Сыр-Дарье» [14, 122]. Однако, после того, когда «согласие и взаимная связь между ими прервалась, бывшей зюнгарской калмыцкой орды владелец контайша, пользуясь междоусобиями, их силою оружия лишил всех провинций» [14, 122]. Именно джунгарским фактором О.А. Игельстром объясняет вынужденное инициирование Абулхаиром процесса установления более тесных взаимоотношений с Россией в 1731 году: «будучи наконец угнетены до крайности, принуждены были искать защищения и покровительства... всероссийского императорского двора... и сие произошло в 1731 году» [14, 122]. По мнению О.А. Игельстрема, последнее событие послужило одной из причин основания города Оренбурга, причину возведения которого он видит «в защищении ими [казахами] просимом» [14, 122].

Этнографическую часть памятника представляют: 6-й раздел «В каких местах имеют свое расположение киргискайсацкие Меньшей орды (казахи Младшего жуза. — *А.К.*), на сколько родов оне разделяются и кто оными управляет», 9-й «О нравах и склонностях киргискайсак», 10-й «О нуждах и богатстве сего народа», 17-й «От-

чего происходят безпристанные набеги киргискайсак». Российский чиновник приводит данные о количестве кочевников, генеалогической структуре казахов, особенностях общественных отношений (при этом он одним из первых дает определение такой социальной страты, как «толенгуты») [14, 124], описывает способ отгона скота у башкир, который казахи осуществляют «с отменной хитростью, притворством и искусством» [14, 121].

Политические отношения в Младшем жузе в основном зафиксированы в разделах: «7) В рассуждении жизни и состояния их какие имеют к хану своему яко власть предержащему, уважение и кому более дают уверенности хану ж или частным своим старшинам» и «14) Что значит в орде хан, в чем состоит его власть и как далеко она простирается». Говоря об уровне концентрации политической власти, О.А. Игельстром отмечает, что «Киргизцы все вообще любят вольность до бесконечности, и не хотят быть ни от кого зависимыми; хан, солтапы и народные старшины хотя и называют народ подвластным, но в самом деле они не есть оными» [14, 122].

В своем «Описании» О.А. Игельстром отмечает и общие психологические качества казахов: «...по наблюдениям, которые... успел сделать, нахожу, что натуральный характер сего народа более добр, нежели зол» [14, 122]. При этом в качестве доказательства приводит следующее: «...доброту их нравов можно единым сим доказать — нет примеру, чтоб он без причины пленников своих умерщвлял» [14, 122]. «Описание» заслуживает внимания основательностью источника — оно было составлено, как пишет О.А. Игельстром, «чрез собственное [его] с народом сим обращение, некоторых испытаний и наблюдений и из хранящихся при Оренбургской экспедиции пограничных дел архивы» [14, 122].

«Первыми русскими поселениями в киргизских степях, как и в степях Восточной Европы, были города и города-укрепления, населенные военно-служивыми людьми, главным образом казаками, — пишет М.К. Любавский. — Но вслед за ними появились и мирные земледельцы, частью случайно, частью по вызову казаков-родственников. То были частью менцане разных сибирских городов, а главным образом крестьяне Тобольской губернии из Курганского и Ишимского уездов, прилегающие к Акмолинской области... Обыкновенно желавшие переселиться в Акмолинскую область высылали туда ходоков, которые высматривали подходящие места, арендовали у киргизов небольшие участки (исполу или за небольшую плату),

делали распашку и посевы и, убедившись в доброкачественности почвы и угодий, законтрактовывали эти земли на известные сроки и вызывали к себе земляков или принимали странствующих русских переселенцев... На почве таких арендных соглашений колонизировались и другие местности киргизской степи — Тургайская область и Павлодарский уезд Семипалатинской» [16].

В настоящее время особому анализу и обобщению подвергаются и труды офицеров русской армии, которые принимали участие практически во всех колониальных мероприятиях. «Особый интерес для современников представляют те части исторических обзоров военных, которые посвящались истории русско-казахских отношений в XVIII — начале XX вв., — так пишет, например, автор книги «Российские офицеры и Казахстан: Вопросы социально-исторической и экономической истории Казахстана в XVIII—XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России» Е.С. Сыздыкова. — Их авторами предпринимались попытки осмыслить характер политической истории казахского народа до и после присоединения Казахстана к России». При этом Е. Сыздыкова ссылается на высказывания Н.И. Красовского, который считал, что написанная предшествующими поколениями русских исследователей история казахов не могла быть историей этого народа в полном смысле слова. Так как, по словам русского офицера, «это не более как история наших отношений со степью» [17, 97].

Как известно, частью исследователей нахождение Казахстана в составе России длительное время преподносилось как результат добровольного вхождения, вытекающего из исключительных потребностей казахского народа. При этом ни аналитикам, ни исследователям не был интересен тот факт, что еще в прошлые времена офицеры проявляли глубокую заинтересованность в этом процессе. Иначе говоря, «Рассматривая исторические события 30–40-х годов XVIII века, исследователи затрагивали также отдельные проблемы, обусловленные смысловым понятием, конкретным содержанием оформленного подданства. Прежде всего, акцентировалось внимание на различиях в понятии «подданства», бытовавших в среде русских и казахских кочевников. У последних, полагал, например, Н.И. Красовский, как и у всех других восточных народов, подданство рассматривалось обыкновенно как выгодная сделка, очень часто ни к чему не обязывающая» [17, 102].

Многие исследователи предполагают, что основным фактором, подтолкнувшим Казахское государство к принятию подданства Рос-

сии, является опасность, возникшая со стороны Джунгарского ханства. никоим образом не отрицая допущения данного фактора, снова сошлемся на Н. Красовского, который писал, что казахам «не с руки было искать у нас вооруженной поддержки против джунгар» [17, 103].

Естественно, люди, подобные О. Игельстрому, служили своему отечеству — России, их труды требуют критического анализа, вместе с тем в трудах представителей российской администрации между строк можно прочесть то, как государственные деятели желали представить историю казахского народа — серым пространством, на котором проблескивали лишь одинокие фигуры — Шокан Уалиханов, Ыбырай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Господствовавший в официальной науке классовый подход ограничивал исследователей. По этой причине «за бортом» истории оставались многочисленные представители национальной элиты казахского общества.

В советское время предавались забвению старания и попытки тех представителей казахского общества, кто видел истоки и последствия этих изменений по-своему, так как в кочевом обществе хозяйственная деятельность определяла и особый тип личности. По мнению российского исследователя Н.Н. Зарубиной, «всех их объединяет отношение к миру, которое М. Вебер назвал «практической рациональностью», т. е. стремлением к отражению реального, осязаемого результата своей деятельности оптимальным, наиболее целесообразным и выгодным путем» [18, 101–102].

Местная российская администрация в тот период была глубоко заинтересована в получении достаточно полной информации о казахам, которую она хотела использовать в своих интересах. При этом первоочередное внимание обращалось не столько на факт противостояния того или другого человека правительству, сколько на то, какую пользу можно будет иметь от деятельности этого человека, используя его в интересах России. Об этом свидетельствуют следующие источники: в сборнике документов «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков», в восьмом томе, часть вторая, содержатся «сведения о почетнейших и влиятельных ордынцах», в документе № 265 от августа 1859 г. наше внимание привлекли краткие сведения о посланных в Санкт-Петербург почетных казахам из Внутренней Орды. В сведениях встречается имя Есета Котыбарова (в документе: Исет Кутебаров. — *Авт.*), о котором пишут, что он «бий чиклинского рода (шекты. — *Авт.*), кабакова

отделения Исет Кутебаров. Влиятельный бий и, можно сказать, народный герой. В последние годы преследовался за мятеж, произведенный им между чиклинцами, но в 1858 г. был прощен по высочайшей благодати, с преданием забвению всех его вин и проступков» [19, 262–263].

Есет Котыбаров — довольно неординарная личность своего времени. Первые исследователи писали, что он «был враждебно настроен против Кенесары Касымова и отказался подчиняться ему», в то же время сам возглавил протестное движение. «В связи с отказом предоставить верблюдов для перевозки грузов русского военного отряда...» против него были направлены русские войска. «Военные экспедиции, направленные в 1855–1857 гг. для поимки Есета и отличившиеся особой жестокостью, оказались безрезультатными, но совершенно разорили его приверженцев». Летом 1858 г. Есет явился с повинной и получил прощение. В 1859 году Есет в составе казахской делегации был направлен в Санкт-Петербург «для ближайшего ознакомления с могуществом и блеском империи». Представители российских властей на местах имели данные о многих видных представителях казахского общества, что отражено в ряде источниковых материалов, содержащих характеристику на 26 султанов западной части орды [19, 576].

В документе № 244 (донесение чиновника особых поручений В.М. Лазаревского от 26 января 1850 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому) имеется характеристика на отдельных представителей Казахской степи, в том числе на «Тяукина Мухамед-Галия, султана: весьма хорошего ума и способностей. Гостеприимство одна из добродетелей киргизов, но Тяукин гостеприимен по превосходству. Один из любимых в орде султанов за свой благородный характер, участие к нуждам киргизов и неизменное расположение к добру...» [19, 125].

«Превосходного ума и способностей; читает и пишет по-русски и по-татарски», — это уже из характеристики другого казахского султана — Баймухаммедова Мухаммеджана. — «Пользуется огромнейшим влиянием во всей орде: его меньше любят, но больше боятся и уважают. Несмотря на свой строгий характер, он лучше всех умеет привязывать к себе тех киргизов, которые нужны для его целей...» [19, 125].

Из характеристики на Сюгралина Сюграли: «Ограниченных способностей и ума; внешностью и нравственными качествами мало

отличается от простого киргиза; характера простого. Влияние его на урджарцев в орде слабое. Предан правительству. Из предосудительных страстей в нем, по отзывам многих, заметна склонность к злоупотреблениям при исполнении своих обязанностей» [19, 131].

Здесь также есть отзывы на других известных казахов с указанием их родовой принадлежности, в том числе на сотника из табынского рода Сагындыкова Утяп-Галия, отличающегося добрым, общительным характером, исполнительностью и усердием, пользующегося влиянием в роде не столько по личным достоинствам, сколько по дружбе с султаном Мухаммеджаном Баймухаммедовым; на бия Идигина Рабая, сына потомственного тархана, известного в орде как человека богатого и честного; на Кенжегарина Сары-бупе, бия из алачинского рода, ограниченного ума и способностей, скрытного характера, злого, который в орде не имеет влияния, но вместе с тем он предан правительству.

В 60-х годах XIX века в «Записках Русского географического общества» и других российских столичных газетах появились статьи Ходжи Мухамеда-Салиха Бабаджанова, присланные из ханской ставки. Они касались этнографии, археологии и быта казахов Букеевской орды [20, 151]. Шокан Уалиханов в «Записке о судебной реформе» упоминает о нем, называя его поборником просвещения. В 1869 году при получении в оброчное содержание земли Бабаджанов пишет: «Занявшись садоводством и огородничеством... я желал подать собою пример и прочим киргизам... когда настанут полезные последствия моих занятий, то пример мой не останется без благотворного влияния к приучению и приохочению ордынцев заниматься этой полезной промышленностью».

Все эти данные подтверждают вывод о том, что в казахском обществе XVIII–XIX веков формируется новый слой — своего рода «общественные деятели», пытавшиеся определить свое место в социальной стратификации общества.

Вместе с тем российская администрация не только своих, но и представителей казахского общества нередко относила к «третьей категории» и не только не прислушивалась к их мнениям, но и всячески старалась интерпретировать их в своих интересах. Благодаря «стараниям» царских чиновников позиции и взгляды особенно активных представителей казахского общества трактовались как противостояние российским нововведениям в Казахской степи.

Видимо, поэтому Н.И. Красовский должен был признать, что «на точном знании всех условий жизни народной массы должна строиться известная система управления этою массою, имеющая целью изменить народный быт к лучшему, но иногда достигающая результатов противоположных. Это случается именно тогда, когда с прежним бытом народа мы вовсе незнакомы или [знакомы] очень мало» [21, 1–2].

Проведенный нами обзор деятельности представителей казахского общества в период нахождения Казахстана в составе России свидетельствует о большом количестве фактов, характеризующих разностороннюю, активную позицию представителей казахской национальной элиты, однако эти важные сведения по разным причинам не доходили до читателей. В то же время исследователи истории Казахского края отмечают появление множества отрицательных черт в характеристике казахского населения в понимании царской администрации, наподобие «интриган», «корыстный политик», «лжец», «самолюбивец». Россия не особо нуждалась в них, ибо несмотря на старания представителей казахского общества того времени, судьба казахов уже была предreshена.

К примеру, в работах Е. Сыздыковой указывается, что «именно Неплюеву обязана русская историческая наука, публицистическая мысль и политическая конъюнктура воплощением в личности Абулхаира огромного негативного потенциала в его сложной натуре» [17, 101].

«К концу 1870-х годов политическая карта Туркестана в основном была определена, — пишет Владимир Кузнецов в своей статье «Давно знакомы с азиатцами», опубликованной в журнале «Родина», ссылаясь на архивные материалы. — В крае воцарилось спокойствие. После успешного завершения Хивинского похода (1873 г.), а особенно с ликвидацией Кокандского ханства (1876 г.) русское правительство, прочно утвердившись в центральной и восточной части Средней Азии, активизировало свою деятельность в Закаспии». Далее автор отмечает: «С окончанием экспедиции (военной. — Авт.) практически завершилось *покорение* (выделено авт.) Средней Азии, в котором особую роль сыграли солдаты оренбургских и сибирских батальонов (около 20, получивших название Туркестанских) и казаки Оренбургского, Уральского, Семиреченского и Сибирского войск» [22, 107–109].

Ценные сведения находятся в трудах авторов, которые, выполняя поручения администрации, долгое время находились среди казах-

ского населения и имели непосредственное общение с представителями различных слоев казахского народа. В результате их наблюдений были составлены записки, дневники и т. д.

В 1846 году в Казахстане, в районе Аягуза, по поручению омской администрации находился польский ссыльный-революционер Адольф Янушкевич. Он оставил после себя письменное наследие огромной значимости: «Дневники и письма о путешествии в казахскую степь». В то время никому не известный польский революционер-демократ А. Янушкевич, волею судьбы связавший свою четвертьвековую жизнь с Казахской степью, возможно, не предполагал, что его впечатления после поездки в Акмолинскую область могут стать объектом широкого обсуждения. Но следует признать: рассуждения о народе через знакомство с лучшими представителями степного края — это не просто преклонение перед умом и талантом отдельных личностей, а попытка целостного обобщения нравов и устоев целого общества, обычаев и традиций народа, имеющего глубокие исторические корни.

«Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого будущего?! О нет, воистину! Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации... придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые смотрят на него сверху вниз...», — писал Адольф Янушкевич в своих письмах родным и близким [23, 71].

Собираясь в вынужденное путешествие в Степь, А. Янушкевич был о ее жителях совершенно другого мнения. Как свидетельствуют страницы его дневника, за месяц до написания вышеприведенных восторженно-восхищенных слов он писал матери: «Еще несколько минут, и мы будем уже в пути. Предстоит мне долгий путь, ждут опасности. Еду я нынче в совершенно неизвестные страны, в глубь киргизских степей, буду жить среди кочующей орды с оружием в руках» [23, 10].

Что определило столь восторженные отзывы А. Янушкевича о прежде ему неизвестном народе и его лучших представителях? За

очень короткий промежуток он успел лично встретиться и пообщаться, вникнуть в природно-философскую натуру отца великого Абая — бия Кунанбая Ускенбаева, послушать степных певцов-импровизаторов. Глубоко его затронули стихи слепой поэтессы Джазык, он был поражен силой и простотой действий при решении спорных вопросов степного Геркулеса — султана Барака, сражен был не только житейской простотой, но моральной чистотой простого казаха — Исана, преклонен перед наблюдательностью и цепкой памятью следопыта-проводника Тунгатара.

А. Янушкевич писал: «...ташкентско-бухарское дело дало возможность мне узнать двух мужей, имеющих большое значение среди своих соплеменников, которые как две звезды первой величины светят всем племенам степи. Скажу... несколько слов о султанине Бараке и бие Кунанбае. Султан Барак — потомок ханов, ведущий свой род от Чингисхана. Он еще в цвете лет. Это человек величественной осанки, с благородными чертами лица и необычайной силы. Щедрая природа наделила этого степного Геркулеса рядом с выдающимися умственными способностями и сильным характером, и мужеством. Он... воспитан в рыцарских обычаях... Эти внезапные налеты, напоминающие нападения горных кланов на равнины Шотландии, сделали его имя (Барака. — А.К.), как некогда имена героев Вальтера Скотта, страшным и осветили его ореолом народной поэзии... Вот в общих чертах этот байронический образ, образ мужа со всеми зародышами мощного духа, способного вести за собой массы и склонять их к выполнению своих целей» [23, 60–61].

Таким образом, в трудах польского революционера представлены образы представителей элиты казахского общества в лице Барака, Кунанбая и других, в результате наблюдения за их действиями, подчеркивает Янушкевич, он все более *«убеждался в умственных способностях народа»* (курсив наш. — Авт.). «Немного старше Барака бий Кунанбай, — пишет Янушкевич. — Это тоже большая знаменитость в степи. Сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний алкорана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка» [23, 61–62].

Кунанбай Ускенбаев с женой (1880-е гг.)

Характеризуя Кунанбая, Барака и других представителей казахской национальной элиты XIX века, польский революционер делает далеко идущий вывод: «...сравнивая тех псевдоцивилизованных обитателей одной из европейских столиц с этим народом, что окружают меня сегодня, увы, я чувствую, что не так легко было моему сердцу в итальянском раю, как в киргизской пустыне» [23, 45–46].

В целом работа А. Янушкевича позволяет сформулировать новый концептуальный подход во взглядах на состояние казахского общества XIX века. Интерес к жизни казахского общества в свое время проявлял и великий русский поэт А.С. Пушкин. Некоторое время он служил редактором «Литературной газеты», издаваемой в Петербурге с 1830 года. В № 7 газеты в тот период был опубликован отрывок из повести А. Крюкова «Якуб батыр». В предисловии, которое написал сам поэт, сказано: «Автор (Крюков. — *Авт.*) желал изобразить в ней нравы, обычаи, суеверия и обряды достопримечательного народа, который живучи с нами в весьма тесной связи, менее нам известен, нежели... обитатели Африки и Нового света».

Можно предположить, что подобное высказывание А.С. Пушкин мог сделать после совершенного им путешествия в Оренбург по местам Пугачевского восстания, пребывания в городе Уральске, встречи в Оренбуржье со знатоком казахского языка и традиций народа В. Далем, появления записи поэмы «Козы-Корпеш и Баян-сулу» в пушкинском варианте, стихотворения «Памятник»¹.

Видимо, его привлекала история неизвестного ранее народа, довольно активно откликнувшегося на события восстания Емельяна Пугачева против белого царя, создавшего в память о восстании легенду о «человеке-невидимке», под именем которого стала известна молодая казахская женщина Сапура Матенова.

Общеизвестный факт, что во время поездки А.С. Пушкина в Оренбург его сопровождал знаток казахских народных обычаев и традиций, хорошо владевший казахским языком, будущий автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даль, который восторженно писал о казахах следующее: «...отвезите вы кайсака на край света, в страны, о коих у него нет ни малейшего понятия, и пустите его там — он обратится как магнитная стрела, которую ничем нельзя сбить с толку и прямо пустится на родину свою. Не только из Западной и Восточной Сибири уходят кайсаки домой, но есть несколько примеров, что сосланные за преступления в Архангельск, пролагали себе новый путь от берегов Ледовитого океана, через безлюдные просторы тундры на... родной Яик».

Творческое наследие великого русского поэта не оставило равнодушными казахстанских исследователей.

В пятидесятые годы двадцатого века результатом поисково-исследовательских работ М.И. Фетисова становится фундаментальный труд «Русско-казахские литературные отношения в 1-й половине XIX века». В семидесятые годы прошлого столетия была опубликована монография К.Ш. Кереевой-Канафиевой «Русско-казахские литературные отношения». Возможно, данные работы оставались бы для нас прекрасным олицетворением истории развития казахско-русских

¹ Стихотворение А.С. Пушкина «Памятник» появилось через три года после поездки А.С. Пушкина в Оренбург. В нем, как известно, есть следующие строки: *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык.* В рукописях поэта мы обнаружили, что А.С. Пушкин под *степными друзьями* первоначально имел в виду киргизов (казахов. — *Авт.*) (См.: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1978. Т. 8. История Пугачева.*)

литературных отношений, если бы не одно «но»: несколько преувеличенное стремление данных авторов (М.И. Фетисовой, К.Ш. Кереевой-Канафиевой, а также А. Устиновой) приблизить А.С. Пушкина к казахской тематике. К примеру, названные авторы утверждали, что А.С. Пушкин неплохо владел казахским языком, в подтверждение данному факту приводили казахские слова, встречающиеся в лексиконе русского поэта, например довольно сложное словосочетание «ой су кара баш» [24].

Впервые мы обратили внимание на данное обстоятельство в двухтысячном году, в ходе организации и проведения научно-практической конференции, посвященной памяти А.С. Пушкина. Среди материалов конференции оказалась небольшая статья Альберта Устинова «Оцюш кай бас (По следам пушкинской памятки)» [25, 49]. Автор статьи утверждал, что А.С. Пушкин близок казахскому народу, и в подтверждение своих слов приводил якобы встречающиеся в рукописях поэта казахские слова. В качестве примера он брал словосочетание «Оцюш кай бас» и даже пытался передать его в казахском переводе. При этом А. Устинов был не первым, кто пытался найти связи великого русского поэта с казахами. К примеру, в 1934 году была напечатана статья Н. Дмитриева, в которой он одним из первых пытался представить А.С. Пушкина знатоком казахского языка. Это вытекает «...непосредственно из его (А.С. Пушкина. — *Авт.*) сношений с говорящими на этом языке», — утверждал автор.

Исследователь М.И. Фетисов пишет: «Записанное выражение («Оцюш кай бас») означает: *кто глава семьи, этого дома?* Именно в таком переносном выражении и употребляется выражение «отшы сушы кай бас». Как ни странно, данные выводы характерны и для работ К.Ш. Кереевой-Канафиевой. Действительно, А.С. Пушкин имел возможность встречаться с казахами во время своего путешествия в Оренбург, общеизвестен и тот факт, что ему во многом помогал В. Даль, настоящий знаток казахского языка. *Но все же ошибочно утверждение, что поэт знал казахский язык.*

Еще со школьной скамьи нам известно произведение русского писателя Николая Лескова «Левша». Однако в контексте данной главы уместно вспомнить о другом его известном произведении — повести «Очарованный странник». Наряду с высокими художественными достоинствами повести в ней представлен интереснейший материал о жизни Казахской степи середины XIX века. Автор произве-

дения воссоздает образы первых нарождающихся казахских предпринимателей [26, 132]. Следует отметить, что писателю, изъездившему в свое время всю Россию от Северной Карелии до солончакового Каспия, народы империи знакомы были не понаслышке. Повесть Н. Лескова — произведение, имеющее реальное основание. В поисках истины герой повести Флягин оказывается в Казахской степи, полностью находящейся в плену патриархальных отношений, здесь действуют правила традиционного казахского общества. Но вместе с тем, как было в период существования Великого Шелкового пути, который являлся не только торговой и дипломатической артерией, по нему также происходило активное проникновение и взаимообогащение культур, так и теперь казахский край не намерен был оставаться в стороне от происходящих в мире позитивных перемен. Носителями этих перемен и выступала национальная элита казахского общества, что было тонко подмечено русским писателем Н. Лесковым.

Через историю жизни своего героя Флягина писателю удалось показать романтическую, но суровую жизнь казахов-кочевников. Среди них Жангир-хан (в повести хан Джангар) «первый степной коневод», табуны которого кочевали «от самой Волги до самого Урала во все Рынь-пески (Нарын. — *Авт.*), и сам он, этот хан Джангар, в степи все равно что царь» [26, 32]. Интересны первые впечатления героя Н. Лескова о Казахской степи, ее обитателях. Все здесь кажется одинаковым, серым, будничным. Но по мере близкого знакомства с местным населением, их обычаями и традициями, впечатления принимают более содержательный характер (вспомним А. Янушкевича). Окруженный множеством разных людей, восседающий «на пестрой кошме» степной хан вовсе не человек, ведущий праздный образ жизни, а представитель степного края, шагающий в ногу со временем, веберовский «рационалист-практик». Это особенно заметно тогда, когда Флягин становится свидетелем большой ярмарки; он поражен действиями ее организатора, представляющего на завершающем этапе торгов «дивной красоты» кобылицу: «...я (Флягин. — *Авт.*) как подобной красоты был любитель, то никак глаз от этой кобылицы не отвлеку. А хан Джангар видит, что на всех от нее зорость пришла и господа на нее как оглашенные цену наполняют».

Таковыми событиями завершаются торги на ярмарке Джангар хана. Он, по словам героя Лескова, «чуть не всякую ярмарку... такую шутку подводит, что прежде всех своих обыкновенных коней, коих приго-

нит сюда, распродаст, а потом в последний день... как из-за пазухи выймет такого коня, или двух, что конэсеры не знают что делают; а он (Жангир-хан. — *Авт.*)... деньги за то получает». Таким образом, в повести Н. Лескова представлено зарождение новых структур казахской элиты, в образе торговцев-предпринимателей, энергичных, предприимчивых, интуитивно чувствующих конъюнктуру рынка. Но не все гладко в образе Жангир-хана. Н. Лесков этого не скрывает, ибо «образ предпринимателя наделялся противоречивыми свойствами, причем положительные часто перекрывались, затемнялись отрицательными. Одной из причин такого противоречия было то, что истоки предпринимательского успеха, энергии «деловых людей» во времена Лескова предусматривали неразборчивость в средствах достижения целей, что показано на примере поступков Жангир-хана в повести «Очарованный странник» [26, 107].

На первый взгляд, у него отрицательных качеств больше, нежели положительных. Своими поступками он идет на нарушение норм морали. Но, как подчеркивает писатель, его герой даже при этом находится в зависимости от мнения «рассудительного и степенного азиатского народа», а его элитарная часть в лице Жангир-хана — люди, заглядывающие далеко вперед. У них и мысли государственного масштаба. Хан в рамках вверенной ему деятельности ищет и по-своему находит пути первоначального действия: не распродажа дешевого сырья, а лошади, огромные табуны, сбыт которых сулит хану большие деньги, которые необходимы не только для личных благ хана и его окружения. В момент появления повести Н. Лескова «Очарованный странник» не все читатели могли знать, что в повести воссоздан образ одного из влиятельных ханов-правителей Казахстана, потомка хана Абулхаира, зачинателя русско-казахских отношений в абсолютно новых политических и экономических условиях — Жангир-хана, хана, к сожалению, не понятого и не принятого народом. Известный поэт своего времени, народный певец Махамбет Отемисов в пылу гнева сравнивает Жангира с «лютым волком». Но не следует однозначно воспринимать оценку Махамбета.

Хан по-своему видел будущее своей страны, во всемирной истории подобных примеров много. Немецкий народ помнит Отто фон Бисмарка, несмотря на то что он объединил Германию «железом и кровью». Народ благодарен ему за сильную и крепкую волю, позволившую однажды выйти из водоворота политических событий, определившего, что сила народа в единстве [27, 134].

Карта, представляющая лежащие между реками Волга и Урал степи и соседние области. Санкт-Петербург, 1776 г.

Жангир-хан видел будущее Казахстана в российско-казахских отношениях. Вместе с тем, как предполагают современные исследователи, именно хан Жангир не желал противостояния своего народа с царской администрацией. Примером тому могут служить построенные при активном участии правителя Букеевской орды мечети, организация при них медресе. По некоторым данным, только в 1845 году во Внутренней орде 130 мулл занимались обучением казахских детей арабскому языку [28, 56–65]. Он открывал светские школы для детей казахов, интересовался наукой. В одном из номеров журнала «Сын Отечества» содержится характеристика на него: «...образованный, говорит и пишет, кроме татарского, хорошо по-русски и знает несколько по-немецки» [29, 8].

Н. Лескову действия казахского хана хорошо знакомы потому, что в 1832 году последний выступил инициатором создания в Орде торговой ярмарки. Его поддержало оренбургское начальство, ярмарка созывалась дважды в год: летом и весной. Сюда стекались различного вида товары из многих регионов Казахстана, а также из Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской губерний России. Торговля была выгодна всем: местные торговали скотом, различными видами животноводческой продукции, русские же поставляли в основном промышленные товары. Так Орда превращалась в своеобразный торгово-экономический центр. Кульминацией именуемой в народе «ханской ярмарки» была ее культурная программа. Частыми гостями здесь бывали казахские певцы, акыны-импровизаторы. По некоторым данным, перед публикой демонстрировали свое искусство знаменитые композиторы Курмангазы и Даулеткерей [29, 17–19].

В первой половине XIX века в результате включения большей части территории Казахстана в состав Российской империи усилилось стремление царского правительства использовать природные ресурсы колонии в интересах развития российской промышленности, а стратегическое положение Казахского края, важное для расширения сферы экономического и политического влияния России в Центральной Азии, требовало изучения этого региона в естественнонаучном и этнографическом отношении. Несмотря на большие успехи в изучении природы и населения казахских земель, достигнутые российской и европейской наукой в XVIII веке, еще не были проведены топографические обследования многих степных районов Казахстана и не имелось крупномасштабных карт этих территорий. Поэтому в 30–40-х годах XIX века по инициативе центрального пра-

вительства и Российской академии наук из европейской части страны в Казахскую степь и Среднюю Азию стали отправляться торговые и дипломатические миссии, академические и военно-научные экспедиции, имевшие целью составление разностороннего описания огромного территориально-географического пространства от Каспийского моря до восточных границ Казахской степи.

Результатом данных процессов стало то, что во второй половине XIX века усиливаются связи Казахстана с Россией.

Список использованной литературы

1. *Козыбаев М.К.* История России есть история страны, которая колонизирует-ся. К вопросу о вхождении Казахстана в состав России//Столичное обозрение. 1998. 8 мая.
2. *Седельников Т.* Борьба за землю в казахской степи. (Библиотека казахской этнографии. Т. 31). Изд. 2-е. доп. Астана: Алтын кітап, 2007.
3. *Аяган Б.* Казахи: нация, устремленная в будущее//Экспресс-Казахстан. 2011. № 13. 27 января.
4. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т./*Хостлер Ч.* Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели/Сост. Б.М. Сужиков. Т. 9. Алматы: Санат, 2006.
5. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т./*Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. Т. 8. Алматы, 2006.
6. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т. *Ф.-А. Геллер фон Хелльвальд.* Центральная Азия. Т. 6. Алматы, 2006.
7. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т. Т. 5. Алматы, 2006.
8. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т./*Г. фон Хельмерсен.* Путешествие по Уралу и киргизской степи в 1833 и 1835 гг. Т. 5. – Алматы, 2006.
9. *Мұқтар А.* Тарих түңғыындағы түлгалар (XVIII–XIX ғғ. ғылыми мақалалар жинағы). Алматы, 2008
10. История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. В 10 т./*Ф. фон Шварц.* Туркестан — ветка индогерманских народов. Т. 5. Алматы, 2006.
11. *Ремнев А.В.* Ориенталистский дискурс и российская имперская практика (к постановке проблемы)//*Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Доклады и сообщения Международного Евразийского форума/Под ред. А.П. Толочко.* Астана; Омск; Томск, 2003.
12. *Энгельгардт Л.Н.* Записки Льва Николаевича Энгельгардта (1766–1836). М.: Издание «Русского Архива», 1868.
13. *Юдин П.* Барон О.А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798)//Русский архив (Т. 35). 1897. № 4.
14. *Лапин И.С.* «Краткое описание о киргиз-кайсаках» барона Игельстрома//*Казахстан мұрағаттары: информационный и научно-практический журнал.* 2010. № 4.
15. Копия с рапорта его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину. После 19 августа 1785 г.//РГВИА. Опись 16, Ф. 846, Д. 18537.

16. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
17. Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан. (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. В трудах офицеров Генерального штаба России)/Под ред. Н.Е. Бекмахановой. М., 2005. 246 с.
18. Российские предприниматели в художественной литературе XIX–начала XX века//Общественные науки и современность. 2003. № 1.
19. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 8. Ч. 2. Алматы, 2006.
20. Ияев Н. Забытый этнограф из Рын-Песков//Простор. 1996. № 11
21. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. (Составил Генерального штаба подполковник Красовский. СПб. 1868). Редкий фонд Казахской национальной библиотеки [гл. V. Ч. III].
22. Кузнецов В. Давно знакомы с азиатами//Родина. 2001. 1 января.
23. Янушкевич А. Дневники и письма о путешествии в казахскую степь. Алматы, 1972.
24. Смольников И. Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: 1991.
25. Қашқымбаев А.Н. А.С. Пушкиннің шығармаларындағы тарихи сабақтастық/Пушкин и Восток: Материалы научно-практической конференции. Астана, 2000.
26. Лесков Н. Очарованный странник. М., 2007.
27. История дипломатии. М., 2005.
28. Тоқтаболат С. Ішкі ордадағы діни саясатты жүргізудегі Уақытша кеңестің қызметі (XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басы)//Қазақстан мұрағаттары. 2009. № 2(10).
29. Кулькеев М., Отарбаев Р. Жангир хан. Алматы, 1992.

Глава 3
КАЗАХСКАЯ ЭЛИТА
В УСЛОВИЯХ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

По мнению исследователей, исторические события часто являются следствием действий пассионарной личности не в угоду себе или современникам, а в силу исторической закономерности и во благо перспективного развития общества. Потому деятельность такой личности не всегда находит понимание современников. Не все поступки известных в истории людей — пассионарных деятелей евразийской истории оценивались своевременно.

В данном контексте наш интерес к становлению казахско-российских отношений обусловлен определенными обстоятельствами. На политической арене шел процесс взаимодействия двух государств — Казахского ханства и Российской империи, по-новому оценивавших свои возможности социально-экономического развития в период становления современных межгосударственных отношений. В этих условиях политика России была направлена на удовлетворение своих потребностей через расширение территории, выход на новые рынки сбыта. Казахское же ханство, используя в своих интересах политико-экономическую мощь и потребности России, видело укрепление своей позиции в урегулировании отношений со своими соперниками. Исходя из современных представлений о межгосударственных отношениях, можно сказать, что оба государства стремились к обеспечению безопасности взаимных кон-

тактов, в то же время и к развитию выгодных торгово-экономических связей.

Вместе с тем, по ряду причин процесс сближения государств по мере нарастания их темпов претерпевал коренные изменения: менялись форматы поиска путей сотрудничества между государствами в зависимости от создавшихся условий. Так, на начальном этапе установления контактов с Россией Казахское ханство выбирает форму подданства. Означает ли это, что Казахское государство не имело дипломатических связей с соседними государствами: среднеазиатскими ханствами, Джунгарией и другими? Видимо, нет. Здесь правильной будет говорить о том, что прежние формы урегулирования проблем между ними (брачные союзы, аманат и другие) уже не могли выступить гарантом безопасности, обеспечивать неприкосновенность государства, особенно тогда, когда возникали конфликты между двумя субъектами-государствами, и этой ситуацией пытались воспользоваться другие страны. Как считают авторы работы «Мировая политика и международные отношения», «...привычный для нас классический тип международных отношений не был первым и единственным в истории. Ему предшествовали несколько ранних типов, сложившиеся в различные исторические эпохи» [1, 16–17].

Россия к этому времени, решительными действиями Петра I «прорубив окно в Европу», стала также понимать, что «можно, конечно, восхищаться тем, как стремительно Петр пробежал дистанцию и нагнал остальные европейские страны, но сам он, кажется, так и не заметил, что бежал в мешке». Даже его предшественники стали понимать необходимость преобразования державы [2, 68]. Переосмысления требовали и взаимоотношения России с другими государствами.

Основная трудность, которая препятствует освещению казахстанско-российских отношений на уровне требований современности, это незабываемое прошлое. Великий американский писатель Марк Твен однажды сказал: «Живи я при начале мира, я бы сперва послушал, что соседи говорят об убийстве Авеля, прежде чем громко осудить Каина». Своеобразная «каинова печать» имеется и в данной ситуации, когда одна сторона становится «знаменем» судьбы и олицетворением всех тягот и бед, обрушившихся в одно время на нее, в данном случае, на казахский народ. В то же время представители противоположной точки зрения пытаются

представить казахско-русские отношения того периода как панацею, позволившую выбраться Казахскому краю «из тьмы невежества и дикости».

При этом ссылка чаще всего идет на российские источники, в которых дается односторонняя трактовка взаимоотношений Казахского края и Российского государства. Но достаточно ли открывают истинный характер происходивших событий эти документы? Поэтому мы на конкретных фактах попытаемся еще раз вернуться к реальной действительности прошлого времени, когда сложившиеся обстоятельства представили Казахстану и России вместе решать возникшие перед ними проблемы.

Исследователь Б. Шакимов писал в конце 1990-х годов: «Перестройка, стремительно разметаив все идеологические догмы об устройстве и историческом прошлом страны, внесла в наши души смятение, переходящее в робкую радость от первых прикосновений к исторической правде». Но именно тогда, по мнению ученого, «...по причине своих недостаточных знаний как Российского государства, так и Казахстана», стали допускаться отдельные безграмотные в политическом и историческом плане толкования исторического прошлого. Поэтому он призывает, особенно историков, к беспристрастному освещению истории, как это делали авторы книги «Россия под скипетром Романовых. Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 год», изданной в 1912 году в г. Санкт-Петербурге группой известных русских авторов под руководством профессора П.Н. Жуковича [3]. Автор также высказывает мысль, что подобные исследования «более правдиво, в отличие от официальной подачи исторического материала, воссоздают... страницы истории страны» [3], ибо исследователи начала XX века уже тогда утверждали: «Русские с давних пор стали проникать в киргизскую степь, лежавшую к востоку и северо-востоку от Каспийского моря. Уже во времена Петра Великого построены были по Иртышу укрепления — Омск и Семипалатинск. Затем, во время царствования Анны Иоановны, часть киргизов вступила в подданство России. Только в XIX веке, в царствование Александра I, были приняты меры к более действительному подчинению русской власти всех киргизов».

Таким образом, исторические факты свидетельствуют, что Россия уже с давних времен придерживалась политики активного проникновения в Казахскую степь, мотивируя это тем, что «водворение

русской власти в крае было благотельным для самого населения присоединенных областей. Плодородие туркестанской почвы — чисто сказочное. Даже бесплодные, пустынные земли превращаются здесь в плодороднейшие нивы, если оросить их водою...». Как видно, исследователями XIX века не отрицалось, что «водворение власти» в Великой степи было крайне необходимо для Российской империи по политическим и экономическим причинам.

В начале XIX века коллежский советник Демидов пишет императору Александру I о необходимости переноса Сибирской и Оренбургской пограничных линий в глубь Казахстана. Его мнение: «Не распространяясь о разных неисчислимых сокровищах, самой природой в степях киргизских издревле уже сохраняемых, ниже о том, какие из них выгоды и пользы одна только Россия извлечь себе может» [4, 217], — позволяет предположить, что чиновник знал, зачем он находится в Казахской степи и какую преследует цель.

Но если вышеприведенные факторы отражают чисто экономические интересы, то политическая сторона сближения государств виделась по-другому. По мнению исследователя Д.М. Мажиденовой, еще ранее «русские князья очень часто прибегали к помощи печенегов и половцев» [5, 102]. «Ко времени Касыма хана относятся первые дипломатические контакты с Кашгарским ханством, Московским государством, — указывает Д. Мажиденова. — В правление Хак Назара возобновились контакты с Москвой. В 1559 году степь принимала английского купца Антония Дженкинсона с грамотой Ивана IV в качестве официального посланца Московского государства» [5, 171–172, 174].

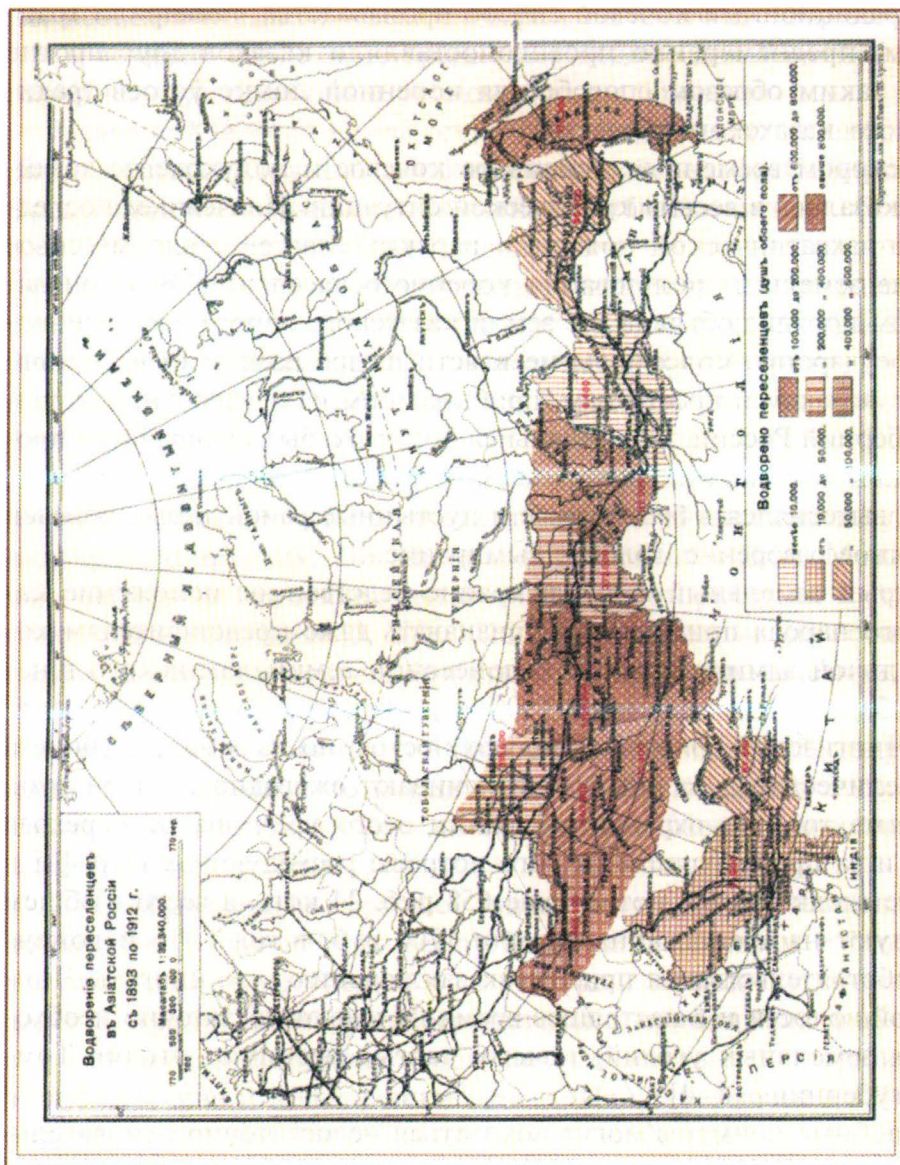
Д.М. Мажиденова обращает внимание на новые направления, возникшие в отношениях между Казахским ханством и Москвой: «Таукел-хан зорко следил и за растущей мощью Русского государства, границы которого стремительно приближались к казахским степям, и осознавал необходимость иметь с ним стабильные экономические и политические связи. Не случайно он в 1594 году направил в Москву многочисленную официальную миссию во главе с султаном Кул-Мухаммедом для установления союзнических отношений...» [5, 175]. Однако, по мере изменения ситуации вокруг Казахского ханства (возросшая агрессия джунгар, нарастающие притеснения волжских калмыков, башкиров и яицких казаков), Российское государство стало демонстрировать свою привержен-

ность принципу «разделяй и властвуй». Стремясь во что бы ни стало ослабить единство и сплоченность казахов, представители российской администрации стали использовать в своих интересах особую специфику казахского общества — родоплеменное разделение, традиционный кочевой способ производства, поощряли tribalism, преднамеренно противопоставляли казахов друг против друга, таким образом способствуя коренной ломке устоев традиционного казахского общества.

В скором времени экстенсивное кочевое и полукочевое хозяйство оказалось в весьма критической ситуации. Плачевным последствием захватнической политики царских властей стало массовое изъятие земель из пользования коренного населения. В законодательном порядке объявив все земли казахского народа собственностью государства, колониальные власти щедро раздавали их чиновникам, казакам и крестьянам, прибывавшим из центральных и других губерний России. Колониальная политика была направлена против экономических и социальных интересов казахского народа, который вытеснялся в бесплодные и пустынные районы, был обречен на полное разорение, голод и вымирание.

Острый земельный голод и крайне бедственное положение казахского народа приходилось признавать даже представителям колониальной администрации. В донесении семипалатинского генерал-губернатора от 13 марта 1900 года читаем следующее: «...киргизы Чингизской волости арендуют постоянно из земель Кабинета Его Величества..., за которые уплачивают ежегодно по 1054 руб., да кроме того по охранению границ этого урочища от перехода скота и за происходящие от того потравы расходуют на штрафы и разные сделки после потрав еще 658 руб. 24 коп., а всего в общем расходуют на арендованные земли 1700 руб. в год... По изложенным обстоятельствам я прихожу к заключению, что киргизы Чингизской волости и в настоящее время не имеют достаточно необходимых земельных угодий, почему частью арендуют угодия Томской губернии» [6, 4].

Подобные примеры могут показаться недостаточно основательными для объективного подтверждения, насколько тяжелые последствия имела политика изъятия казахских земель в пользу российского государства. Для более аргументированного обоснования данных фактов обратимся к мнению современных исследователей.

«Водворение переселенцев в Азиатской России».
(Карта из «Атласа Азиатской России», 1914 г.)

В 1989 году в журнале «Простор» была опубликована статья члена-корреспондента ВАСХНИЛ Юрия Новикова «Конец «Абсолютного пастбища». Квинтэссенция публикации — это ответ на вопрос, для чего нужен был Казахстан России не только в условиях самодержавного строя, но и в советское время. Юрий Новиков пишет: «До середины XIX века проникновение русских в Казахстан носило незначительный и эпизодический характер... Положение изменилось после отмены крепостного права, когда земли Восточного Казахстана начинают подвергаться планомерной гражданской и военной колонизации. Цель ее: выселить «из России» наибеднейший «избыток» бывших крепостных, не могущих выкупить землю у помещиков и потому угрожающих целостности царско-помещичьего строя; закрепление завоеваний самодержавия и русификация «иностранцев» [7, 118]. Но для этого, по мнению автора, необходимо было осуществить не менее важную задачу — отчуждение народа от привычного образа жизнедеятельности.

В конце XIX и начале XX века в России особенно остро стоял крестьянский вопрос, вызванный последствиями аграрной реформы: разоренное крестьянство вынуждено было бы заполнить города и вместе с рабочим классом стать опорой оппозиции, или же под любым предлогом их следовало направить за пределы России на поиски «земли обетованной».

Правительство преследовало цель разрядить накаленную революционную обстановку путем активизации переселенческой политики на национальные окраины. За период с 1893 по 1915 годы в Казахстане было изъято из пользования коренного населения около 40 млн десятин земли, на территорию Казахстана переселилось 1,5 млн крестьян из России и Украины. Новые люди, не знакомые с природными условиями Казахской степи, стали ее эксплуатировать беспощадно. Как указывает исследователь Ю. Новиков, по прошествии некоторого времени казахское население стало призывать власти к ограничению переселенческой политики. В качестве примера Ю. Новиков приводит выступление Мамбета Али Сердалина (Чубекова) в 1900 году перед Обществом содействия русской промышленности и торговле с докладом «Об эксплуатации Западной Сибири путем скотоводческой культуры». Выступление заканчивалось словами: «Подобно тому как лишай живет на голом камне скал, где никакая другая растительность немыслима, так точно киргиз (казах. — *Авт.*) населяет такие места, которые без него остава-

лись бы уж ровно ни к чему негодны. Целые века приспособляясь к среде, он ныне способен продержаться со своим стадом там, где, по-видимому, совсем невозможно существование человека». Данное выступление характеризует процесс вытеснения коренного населения на бесплодные пустоши, при этом изъятие земель шло под якобы благими намерениями — оторвать казахов от отсталой кочевой жизни и использовать землю казахов в интересах Российской империи.

Академик Ю. Новиков пишет: «В начале века, как впрочем, в определенной мере и сейчас, еще со школьной скамьи внушалась и укреплялась мысль, что человечество в процессе своего развития проходит некие последовательные обязательные стадии. Первая, низшая, — охота, вторая — пастушество, третье — земледелие. Внизу — дикость,верху — культура. Наступление той или иной фазы определяется исключительно плотностью населения... Приходится оседать и заниматься выращиванием культурных растений» [7, 119]. В качестве аргумента он приводит высказывание авторитетного исследователя Казахстана 1920-х годов профессора С.П. Швецова, написавшего в свое время научный труд «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях» (Алма-Ата, 1926). В данной работе ученый критиковал идеологию доктрины, согласно которой «скотовод самым бытом своим как бы осужден на примитивную культуру и примитивное развитие; высшие формы культуры и развития для него откроются только тогда, когда он перейдет к земледелию, станет оседлым жителем...», поэтому во благо этой концепции «со спокойной совестью и ясностью во взоре ломали народную жизнь, отнимая в одном случае промысловые угодья, в другом — лучшие земли у бурят или казахов, разоряя хозяйства «дикарей» и «полудикарей», превращая часто в нищих дотолле обеспеченных людей» [8].

Основная масса чиновников колониальной администрации поддерживала политику, проводимую царскими властями, утверждая: «Казахское хозяйство под влиянием сокращения земель, используемых под скотоводство, совершенствуется». Небезызвестный статистик А.А. Кауфман (к деятельности которого мы еще вернемся) полагал, что «инопородцы» находятся на «пути к оседанию» и поэтому немного «отнять» у них земли для переселенцев будет им только на пользу. С.П. Шевцов абсолютно был уверен в том, что политика царизма «это... целая система хозяйственного управления, жестокая, ни с чем не считавшаяся, вносящая в жизнь много зла. И если

нельзя сказать, что она выросла из указанной мысли, то в ней... находила свое обоснование, свою теоретическую и моральную опору... Можно категорически утверждать, что никакая другая часть царской России так жестоко не пострадала от практического приложения этой мысли Министерством земледелия и Переселенческим управлением, как Казахстан, необъятный простор которого не давал покоя до последних дней» [8].

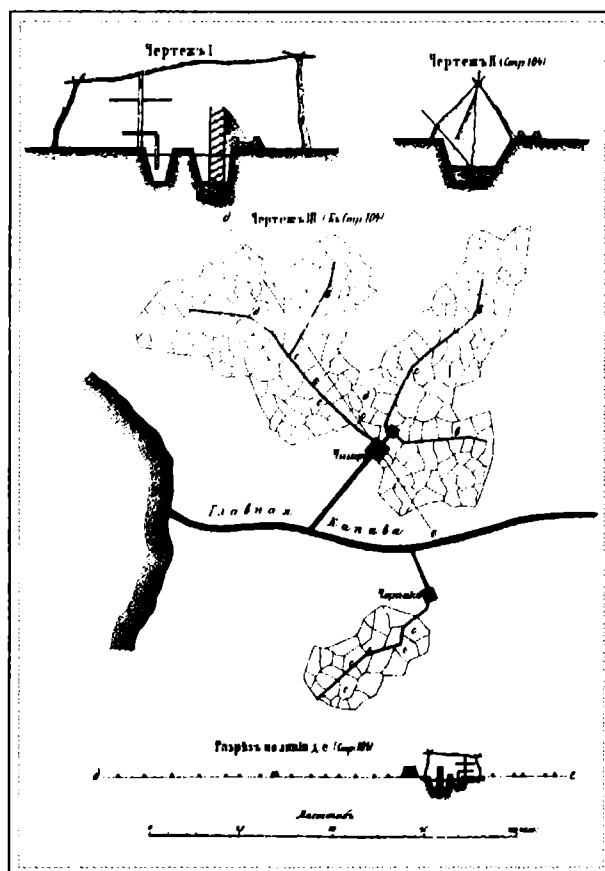
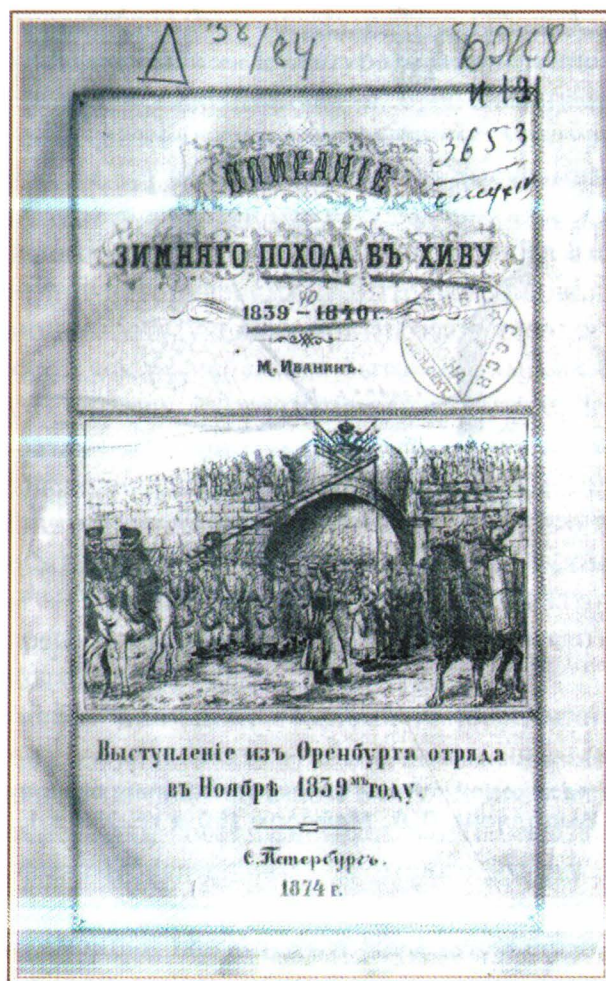

Схема казахской пашни с искусственным орошением.
Выполнена Л.Л. Мейером (60-е гг. XIX в.)

Колониальные власти всячески унижали национальное достоинство казахов, проводили дискриминационную политику в области элементарных гражданских прав, применяли карательные методы подавления недовольства. На страницах периодической печати обо-

сновывалось превосходство русских над казахами в целях оправдания проводимой политики. «Для нас, русских, — писали «Туркестанские ведомости», — покоривших Туркестан, эта мера является непосредственно вытекающей из нашего положения в крае, так как какая может быть дана власть народу, стоящему в умственном и нравственном своем развитии ниже нас на несколько столетий? Население Туркестана для блага и дальнейшего преуспевания своего должно быть всецело в наших руках и всякая власть, предоставленная туземному населению, может служить лишь тормозом в дальнейшем развитии страны».

Копия обложки книги М.И. Иванина «Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг.» (СПб., 1874 г.)

Царская администрация старалась любыми средствами парализовать «проявления национального сознания и религиозного фанатизма покоренных народов» и в целях «профилактики» направляла в степь карательные отряды. Очевидец событий тех лет исследователь М.А. Терентьев свидетельствует, что военные отряды «редко настигали виновных и грабили только тех, кто, не чувствуя за собой вины, сидел спокойно на месте и не торопился уходить при известии о русском отряде».

Национально-колониальный гнет, безудержная эксплуатация кочевников царской администрацией препятствовали экономическому и промышленному развитию региона. Но учитывая, что Казахский край должен приносить экономическую пользу, выступать как рынок сбыта капитала, царское правительство способствовало появлению здесь маломощных, технически отсталых промышленных предприятий, главным образом связанных с первичной обработкой сельскохозяйственного сырья и полезных ископаемых, с небольшим количеством рабочих, чаще всего сезонных. Условия труда малочисленного национального рабочего класса были крайне тяжелыми.

Вчерашний кочевник, лишившись пастбищ, скота, подвергался жестокой эксплуатации со стороны русских и иностранных предпринимателей, сопровождавшейся национальной дискриминацией в оплате труда: рабочие-казахи получали меньше русских. Известно, что царское правительство в целях эффективного осуществления политического господства в процессе поэтапного превращения Казахстана в свою внутреннюю колонию провело ряд реформ, приведших край к окончательной утрате своей политической независимости. Внедрение царской административно-правовой реформы в Казахской степи началось с утверждением «Устава о сибирских киргизах».

«Административно-политические реформы, осуществленные царизмом в 1822 году в Среднем Жузе, в 1824 году в Младшем Жузе, — пишет С.З. Зиманов, — внесли существенные изменения в старую систему власти и управления в степи». Коренные жители с трудом пробивались к руководству краем. «Каждый богатый казах добивается места волостного, — отмечал очевидец событий тех лет В. Осташев, — при этом начинаются жалобы, интриги и пускаются в ход всевозможные подкупы, обещания и угрозы. На все должности, за малым исключением, начиная с десяточных и волостных, лица не выбираются, а скорее назначаются русской администрацией» [9].

Карта из приложения к работе Н.И. Красовского

По правовой реформе 1867–1868 годов территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. В состав Туркестанского генерал-губернаторства вошли Семиреченская и Сыр-Дарьинская области. Уральская и Тургайская области были переданы в ведение Оренбургского генерал-губернаторства. Акмолинская и Семипалатинская — Западно-Сибирского, Букеевская орда — Астраханского губернаторства. Области делились на уезды, уезды — на волости, последние на аулы. Эти мероприятия свидетельствовали о реальном включении казахских земель в пространство Российского государства, чем создавались основания для их последующего изъятия в пользу империи.

Учитывая сложность ситуации, связанной с введением в Казахстане новых правил, администрация предпринимала попытки систематизировать действующее обычное право казахов. С этой целью формировались научные экспедиции по сбору информации о нормах обычного права, полученные материалы экспедиций внесли неоценимый вклад в изучение правовой системы казахского общества, они имели важное значение для исследовательской работы, но в практике народных судов они не нашли применения. «Ошибочная трактовка общественных отношений казахов объяснялась не только поверхностным их изучением, но и не в меньшей степени порочностью научной методологии буржуазных авторов. Не обладая научным методом познания общественных явлений, они в лучшем случае добросовестно фиксировали то, что им удавалось наблюдать. Законы, управляющие явлениями общественной жизни, были им неизвестны», — писал еще в 50-е годы XX века академик С.З. Зиманов [9, 13].

В результате изменения формата взаимоотношений между Казахским ханством и Россией стали возрастать противоречия. Отсутствие цивилизованных методов разрешения множества противоречий в казахско-русских отношениях привело к возникновению сопротивления в форме национально-освободительного движения. Активную позицию в условиях колониального Казахстана занимала казахская элита. Слово «элита» длительное время воспринималось как деление общества «на привилегированные высшие слои — элиту и остальную массу» [10].

В словаре С.И. Ожегова приводится и другое толкование этого слова: *лучшие представители какой-нибудь части общества*. Современные исследователи представляют еще более глубокое осмысле-

ние этого слова. Так, по мнению российского политолога Л.Н. Васильевой, элита — совокупность носителей наиболее значимых ценностей определенного человеческого общества, которые признаются членами этого общества, личностями, обладающими наивысшей компетенцией в каком-либо одном или нескольких видах деятельности этого общества — культуре, религии, социально-экономической сфере [11].

Казахская элита, в нашем понимании, это не только особая социальная группа в лице «аксуйеков», султанов, это люди, в целом отличающиеся от общей массы активным, равнодушным отношением ко всему происходящему вокруг, они всегда в центре основных событий. Весь ход исторических событий в Казахской степи, вся жизнь казахского общества определялись деятельностью его выдающихся представителей.

К такому выводу можно прийти после внимательного ознакомления как с произведениями русских авторов XIX века — А.С. Пушкина, Н. Лескова, Д. Мамина-Сибиряка, Г.И. Успенского, Ф. Достоевского, так и с произведениями представителей западной литературы — Ж. Верна, А. Янушкевича и других. Именно через эти труды (залежавшиеся в архивах и обойденные вниманием исследователей) несложно заметить реакцию представителей казахского общества того периода на политические и социально-экономические изменения в условиях активного втягивания Казахстана в систему Российской империи.

И если за главными героями в одних случаях стояли неназванные имена хана Кенесары (Феофан в романе «Курьер царя» Ж. Верна), Шокана Уалиханова (Версиков в романе «Подросток» Ф. Достоевского), хана Внутренней Орды Жангира (хан Джангар в повести «Очарованный странник» Н. Лескова), то целенаправленные действия элиты общества в лице султана Гази Уалиханова, Кунанбая Ускенбаева и многих других становились главными элементами художественно-документальных повествований польского писателя А. Янушкевича, русских писателей Н. Успенского, А.С. Пушкина и др.

Следует отметить, что произведения указанных авторов в течение длительного времени были объектами нашего изучения и в результате сопоставления ряда фактических данных позволили по-новому взглянуть на отношения представителей казахского общества XIX столетия с Россией, на казахско-русские связи. Эти работы если и

не позволяют расставить все точки над «і», то, на наш взгляд, способствуют совершенно иному взгляду на события прошлых лет, нежели те, которые преподносились читателям на основе советских учебников и советской литературы. Предмет изучения заставит нас еще не раз ссылаться на произведения авторов, труды которых содержат емкую информацию о том, как реагировал казахский народ на процессы, происходившие на стыке веков.

Сегодня аналитики много говорят о Казахстане, о его достижениях за короткий период независимости, о возможностях, которые сулит республике ее геополитическое положение. Только долгожданное суверенитет и независимость позволили казахстанскому народу совершить в кратчайшее время демонстрацию новых идей и начинаний. К этим достижениям казахский народ шел долго и трудно. Пером и оружием прокладывали ему путь лучшие из лучших сыновей и дочерей. Вспомним знаменитый подвиг шестисот орбуклаковцев во главе с ханом Жангиром, остановивших наступление джунгар, деятельность двадцатитрехлетней Сапары (Сапура) Матенкызы, вставшей на пути колонизаторской политики царизма. Если всемирная история воздала должное и возвеличила подвиг трехсот спартанцев, Жанны Д'Арк, то в историю Казахстана имена Жангир хана, Сапары и других его героев стали возвращаться только после приобретения независимости. Имена их, к сожалению, не были возвращены и в советский период отечественной истории, несмотря на то что такие маститые историки, как Е. Бекмаханов и др. в контексте изучения российско-казахских отношений предпринимали активные усилия вписать в историю Казахстана ее забытые страницы.

Долгое время события сентября 1775 года на территории Западного Казахстана, история о «человеке-невидимке» рассматривались как события, имевшие локальное значение, несмотря на то что они имели реальное основание и порождены были деятельностью человека, имя которого стало легендой. Движение Невидимки, или Коктемира, «явилось как бы откликом, новой формой борьбы после трагических событий весны и лета, когда карательными отрядами были жестоко подавлены волнения казахов Младшего жуза». Появлению легенды о Невидимке способствовали «...многочисленные слухи, особенно волновавшие умы населения в районах, где в прошлом бушевала Крестьянская война. В Башкирии, на Урале, на Волге, в Младшем жузе верили, что Пугачев жив, что он с войском находит-

сы в Крыму и вскоре вновь появится под Оренбург и Яицкий городок. Невидимка умело использовал эти слухи...» [12, 141].

Известно также, что в это время Российская империя стала создавать новые политические и социальные оплоты государства на своих окраинах. Что касается Казахстана, то здесь прежде всего необходимо было ликвидировать политические институты в виде ханской власти. Российский реформатор начала XIX века М.М. Сперанский предложил свое видение политических изменений: открытие внешних и внутренних округов, ликвидацию ханской власти, устранение от власти элиты казахского общества.

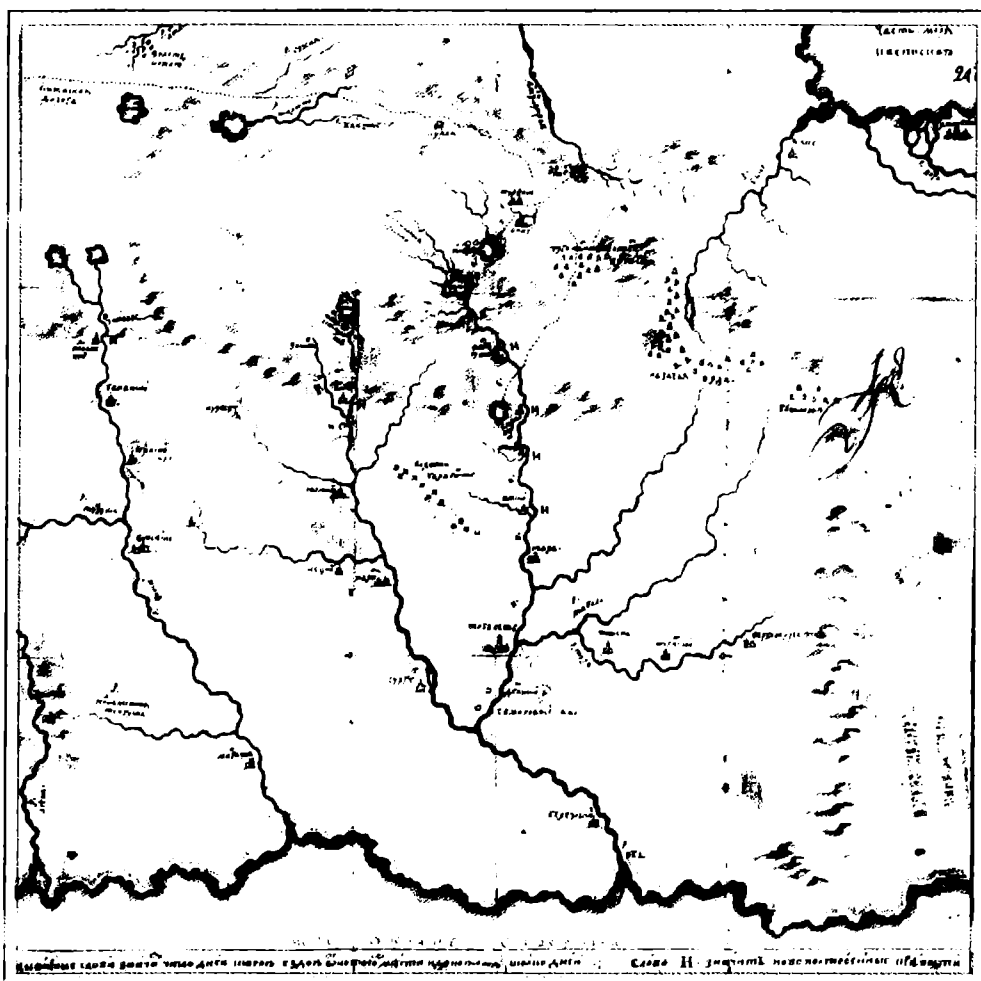
В начале XVIII века Петр Первый не стал рассматривать просьбу казахских ханов о подданстве, отказ был связан с обострением внешнеполитической ситуации (война России со Швецией), однако именно в период его правления были снаряжены экспедиции Александра Бековича-Черкасского и полковника Бухгольца. В первом случае экспедиция ставила целью изучение Каспия как прямого выхода на восток. В другом — изучение полноводной реки Иртыш как природной преграды на пути мощной Джунгарской империи.

Петр Первый так определял свои принципы международной политики: «Лучше можно видеть, что мы от союзников оставлены будем, нежели мы их оставим...». Наследница престола императрица Анна Иоанновна (1730–1740) также не очень внимательно отнеслась к просьбе хана Младшего жуза Абулхаира. Тем не менее, она отправила наиболее подготовленного дипломата своего времени Тевкелева с однозначным распоряжением — тщательное изучение причин, толкавших Абулхаира на сближение с Россией. Российский дипломат убедил власти России словами Петра Первого: казахские степи — ключ к воротам в Среднюю Азию.

Постепенно, по мере подчинения территорий Казахстана, в целях укрепления своей позиции Российская империя стала устанавливать новые порядки. Хотя звучали и иные голоса некоторых чиновников, не понаслышке знакомых с политико-управленческой системой Степи. Так, например, подполковник М.И. Красовский, офицер Генерального штаба, известный исследователь этнографии казахского народа, писал, что «на точном знании всех условий жизни народной массы должна строиться известная система управления этой массой, имсющая целью изменить народный быт к лучшему, но иногда достигающая результатов противоположных. Это случается именно тогда, когда с прежним бытом народа мы вовсе незна-

комы или очень мало... О степи вообще, в особенности о ее кочевых обитателях, мы знаем еще так мало, что всякое новое, хотя бы и на первый взгляд и неважное сведение о частной и общественной жизни киргиз не может быть названо лишнею подробностью, тем более, что для вновь присоединяемых к России азиатских стран, нашему правительству всегда приходится не столько охранять существующее, сколько созидать новое устройство, а при этом иметь понятие о прежнем более нежели необходимо» [13, 5–6].

Чертеж части Сибири и Средней Азии
с обозначением построенных по р. Иртышу крепостей
и пути из Ямышевской крепости к г. Эркет (1719 г.)

По мнению офицера Генерального штаба русской армии, знатоку казахского общества, «...в том случае, когда в страну с подобным аномальным порядком вторгаются более цивилизованные чужеземцы..., случаи открытого сопротивления правительственным распоряжениям становятся делом обыкновенным. Власть прибегает в этом случае или к уступчивости, или к насилию. Чтобы уничтожить всякий повод к проявлению оппозиционных стремлений в народе, казалось бы проще всего отказаться от опеки над ним, с тем чтобы народное мнение, путем правительства, могло свободно высказаться в пользу нового устройства. Не так однако поступает деспотическая власть, в которой общественное мнение подавлено» [13, 9].

Период вхождения Казахстана замечен тем, что теперь казахское общество стало представляться особой элитой, которая прогнозировала дальнейшее продвижение процессов в Великой степи в контексте происходящих в мире перемен. Так, представляя Казахскую степь как неременную часть мирового сообщества в составе мощного государства, они не могли оставаться в стороне от преобразовательных процессов в организме нового сообщества государств, образованного на евроазиатском пространстве — Российской империи. В этом отношении нельзя было оставлять в тени истории еще один фактор — голос казахской элиты, имевшей свои взгляды на переустройство межгосударственных отношений. Их взгляды эволюционировали по мере непосредственного познания российской системы изнутри. Подобная ситуация имела место в случае с французским писателем маркизом де Кюстином¹, который был приглашен в Россию царем Николаем I для того, чтобы Европа могла иметь представление о неведомой для нее стране из уст человека, познавшего далекую Россию не просто посетив ее, а прожив там определенное время. Итогом этих событий стала написанная маркизом де Кюстином книга «Россия в 1839 году».

Однако эта работа не получила желаемого одобрения со стороны российского самодержца. Его книгу запретили издавать и распространять в России, т. к. властям она показалась слишком пристрастной.

¹ *Маркиз Астольф де Кюстин* — известный французский путешественник и литератор XIX века. Широкому кругу известен он был и тем, что его дед генерал Адам-Филипп де Кюстин был казнен по приказу Робеспьера. Такая же участь в 1794 г. постигла и отца Астольфа.

Так, видимо, происходило и с представителями Казахской степи, взгляды которых, по мере познания российского общества изнутри, в корне стали отличаться от прежних их суждений. Прекрасно знавшие русскую культуру, активно пропагандировавшие ее Шокан Уалиханов, Абай, Ыбрай Алтынсарин имели сложившееся собственное мнение о России.

Как известно, в омский период жизни Ш. Уалиханов был знаком со множеством людей. Среди них были учителя Омского кадетского корпуса, его слушатели, российские чиновники и др. Впоследствии некоторые из них стали друзьями казахского ученого: Ф.Н. Усов — офицер Сибирского казачьего корпуса, член Русского географического общества; П.И. Лерх — ученый-ориенталист, один из компетентных исследователей истории Казахстана и Средней Азии. Правило расширять ряды хороших друзей сохранил Шокан и в последующие годы.

В августе 1860 года в письме родителям из Петербурга он пишет: «За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего... Об этом знают мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности, военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Однако до сих пор еще не был у Буткова и Гулькевича» [14, 138].

Здесь имеем в виду профессор военной кафедры, автор ряда капитальных трудов по истории войны Д.Д. Милютин, министр просвещения граф А.П. Толстой, знаток Сибири и Казахстана Н.И. Гулькевич. Неоднократно Шокан встречался с известными представителями казахской элиты в Петербурге, например с Альмухамедом Сейдалиным, одним из просвещенных казахских офицеров, выходцем из образованной казахской семьи, брат которого Т. Сейдалин являлся автором ряда работ о хозяйстве и культуре казахов [14, 139].

При этом Шокан выбирает себе друзей не случайных. Он общается с людьми, близкими к степной жизни, знакомыми со степными правилами и обычаями. Это видно по тому, что при переписке со своими друзьями ученый делится с ними мыслями о самом сокровенном: о жизни в Омске (из письма А.Н. Майкову), об отсутствии настоящих друзей, об отношениях с родителями, пишет о том, что их ориентиры в жизни — это взгляды, которыми наделены многие «киргизские» аристократы, имеющие «...множество как нацио-

нальных, так и сословных предрассудков и качеств» (из письма А. Майкову), которые могут быть изжиты только при непосредственном «столкновении» с русской культурой [14, 153].

Шокан Уалиханов был убежден, что русские в лице омских и других чиновников — это еще не все русское. А истинно русское находится в самой России, куда лишь следует попасть. Именно там он собирается найти справедливость. Из письма Уалиханова к А. Майкову: «Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват... Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать, или не удастся им это примирение? По-моему, что-нибудь да одно: или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого... Китайская середина теперь не идет к делу! Ведь национальных качеств, как говорит Бокль¹, нет, а образование должно быть общечеловечным» [14, 155]. Что могло повлиять на взгляды Шокана Уалиханова, одного из представителей «инородцев», если вдруг он стал делиться со знакомыми по поводу идейных взглядов представителей русской интеллигенции в лице Ф.М. Достоевского и что он имел в виду, относя национальные отношения ко второму плану, или он так же продолжает считать, что национальные чувства есть «предрассудки», присущие казахским аристократам?

Сложно прийти к однозначному выводу, ясно лишь одно: бросая реплику в сторону своего близкого друга Ф.М. Достоевского, Шокан Уалиханов, видимо, дает знать, что он не так уж далек от мысли, будоражившей Россию того периода: как обустроить страну так, чтобы в ней не было места оскорблениям и обидам на почве национальной принадлежности? Он уже однажды писал А. Майкову: «Об отношениях моих к сибирскому правительству? Вы, вероятно, слышали от Федора Михайловича (Достоевский. — *Авт.*), которому я писал об одном случае, где со мной поступили как с инородцем. А с инородцами в Сибири делают что хотят, только разве собаками не травят... но я несущ крест мой, как Иисус, но только с ропотом» [14, 155].

Для понимания внутреннего мира казахского ученого-просветителя следует обратить внимание на те обстоятельства, которые складывались вокруг него в Петербурге. Россия изнутри Шокану была

¹ Бокль Генри Томас — английский историк и социолог-позитивист. Основной труд «История цивилизации Англии».

малоизвестна. Если даже он испытывал к кому-то неприязнь, то, как это видно из его писем, это касалось тех людей, которые встречались ему по службе.

Ему тогда еще не были известны рассуждения, принадлежавшие, например, маркизу де Кюстину, о том, что «нужно жить в этой пустыне без покоя, в этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией, чтобы почувствовать всю свободу... Каждый, близко познакомившись с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране».

Нельзя сказать, что Шокан Уалиханов был абсолютно послушным исполнителем приказов царских чиновников. Да, он готов был нести свой крест во имя благополучия своего народа, поступая наперекор не только омской администрации, но в иных случаях — против собственных родителей, видевших для своего времени «свет в конце тоннеля» со стороны России.

При этом образцом ему служили Г. Потанин, Ф. Достоевский, учителя по Омскому кадетскому корпусу. На просвещенный мир России он смотрел через произведения русских ученых, определив «отцом казахской истории» А. Левшина.

По нашему мнению, Шокана Уалиханова следует отнести к числу самых активных участников преобразований Казахской степи, как одного из виднейших представителей казахской элиты своего времени.

При этом ряд исследователей считают, что черты Шокана Уалиханова отразились в образе Версилова, главного героя романа «Подросток». Ф. Достоевский в своих черновиках отмечал: «страшное простодушие, Валиханов, обаяние» [15, 43]. Современные исследователи также отмечают, что образ Версилова, его «идеологический» портрет можно соотнести с реальными историческими личностями. Среди прототипов Версилова называют Ш. Валиханова [16, 188].

В романе «Преступление и наказание» есть следующие строки: «...Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и его стад...» [17, 270].

Так устами своего героя размышляет Достоевский. Казалось бы, главного героя должны обворожить блеск и лоск цивилизации, а он думает иначе. Не это ли душевное состояние Шокана Уалиханова передает через своего героя Достоевский, хорошо знавший Шокана?

Другой современник Уалиханова, Н.М. Ядринцев, писал следующее: «Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации... Это был новый коран его жизни». Современник «промелькнувшего метеора» высказался, видимо, не совсем точно. Анализ и обобщение эпистолярного наследия Шокана Уалиханова, его переписка с родными и друзьями свидетельствуют, что он не только был готов «сродниться с русской средой», но и всеми своими силами пытался сделать это общество образцом не только для казахов, но и для русских в первую очередь. Тот же Ядринцев, например, пишет: «В 1863 году мы с ним встретились вновь в Омске. В это время воротилась из путешествия экспедиция Струве, в которой участвовал и Г.Н. Потанин. Эдуард Струве начал речь о том, что киргизы ненавидят казаков. Вдруг губы Уалиханова передернуло, он взглянул нежно на своего друга и школьного товарища Г.Н. Потанина... затем встал перед Струве и сказал: «Что у киргизов нет ненависти к лучшим представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимая бокал и целую моего казака-друга».

Представитель казахской передовой мысли глубоко уважал и любил своих русских друзей, с которыми он сдружился в годы обучения в Омском кадетском корпусе, в короткий промежуток времени пребывания в Петербурге. «Особенно дороги стали мои петербургские друзья, когда я живу в степи, хотя среди родных и окружен милыми земляками, но разъединенный с ними чем-то неодолимым. Иногда все идет хорошо, но как только дело доходит до убеждений, серьезных разговоров, мы начинаем расходиться... мои родные — люди добрые, честные и очень неглупые... имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств», — писал он в декабре 1862 года Майкову. Он бескомпромиссно боролся с беспорядками, допускаемыми представителями русского правительства на местах, бесчинством, творимым некоторыми чиновниками.

«Омск так противен со своими интригами, что не в шутку думаю его оставить», — писал он в декабре 1856 года Ф. Достоевскому [14, 133]. Тому были и другие причины. По словам Г.Н. Потанина, «он

любил преследовать пошлость в людях своими насмешками... потому в Омске у него было немало врагов. Страдания человека вызывало в нем глубокую жалость, и он способен был на великодушие, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой». Правда, после этого произошел ряд событий. После поездки в Кашгарию возросла слава молодого Шокана Уалиханова. Состоялась его поездка в Петербург, аудиенция у царя. Шокан — признанный ученый, действительный член Русского географического общества. Круг его знакомых пополнен знатными людьми теперь уже северной столицы России.

Работы Ш. Уалиханова пробудили определенный интерес в западных странах, ими заинтересовались в Англии. Так, Д. и Р. Мичелл отмечали, что «Перевод предисловия к английскому изданию трудов Ч.Ч. Валиханова и М.И. Венюкова и других русских путешественников о Центральной Азии» был вызван большим интересом, вызываемым за последнее время к Средней Азии... что побудило нас собрать самые важные материалы по этому вопросу и представить их на английском языке... Среди отчетов о путешествии в Среднюю Азию, представленных здесь, выдающееся место принимают сообщения капитана Валиханова о Джунгарии и Восточном Туркестане. Со времени Марко Поло ни один европеец, за исключением А. Шлагинтвейта, не проникал в эти страны».

Однако постепенно Шокан Уалиханов отходит от светской жизни. Тяжелая болезнь вынуждает его вернуться в Степь. По дороге он пишет своему другу Ф. Достоевскому: «Я теперь расстроен нравственно и телесно и многого писать не могу, а расстроен от того, что взял себе в Казани попутчика, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него не могу». Шокан действительно не мог отвязаться от человека по имени Мухаммед-Садык Сейфульмулюков, приставленного денщиком к нему еще в Петербурге, есть мнение, чтобы вести за Шоканом слежку [14, 144].

Наталкивает на особое размышление его реплика в письме: «расстроен нравственно». Но до того как прокомментировать это высказывание Шокана Уалиханова, необходимо вникнуть в то, чем мог заниматься он по возвращении на родину. Судя по некоторым письмам, он был согласен на мирное сосуществование с противниками. Это заметно из письма Ф. Достоевскому в январе 1862 года: «...с моим здоровьем, — пишет он своему другу, — в Петербурге постоянно жить нельзя. Поэтому хочу получить место в консуль-

стве в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам...» [14, 145].

Но обстоятельства сложились совсем не так, как представлял себе Шокан Уалиханов, возникли семейные проблемы, о которых он пишет Майкову в декабре 1862 года: «Отец огорчен... и объявил, что не намерен воспитывать детей по-европейски». Шокан специально выезжает в Омск, чтобы на месте разобраться в создавшейся ситуации, организовать помощь отцу. Попытка оказания всемерной помощи и поддержки отцу и своим землякам столкнула Шокана Уалиханова с твердолобой позицией омской администрации в лице отдельных ее чиновников, в чьих руках в действительности оказалась судьба не только близких и родных Шокана, а всего казахского народа. И только теперь он начинает понимать истинное положение дел.

Пытаясь изменить ситуацию, он предпринимает очередной шаг, кажущийся наиболее присмслемым в создавшихся условиях. «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя работе на пользу отечеству, защитить их от чиновников и деспотизма богатых киргизов, — пишет Шокан Уалиханов в очередном письме Ф. Достоевскому. — При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный — не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук» [14, 151]. Что касается честных выборов, то в результате активного вмешательства губернатора в итоги голосования Шокан Уалиханов оказался в числе проигравших, хотя за него проголосовали 24 из 39 участников выборов ага-султана.

Шокан Уалиханов в смятении. В январе 1863 года он пишет К.К. Гутковскому: «У нас есть слух, что будто Колпаковский назначается киргизским губернатором... Я сам нисколько не удивлюсь всем этим слухам и готов радоваться, если бы Колпаковского сделали ханом нашим, в той надежде, что он, вероятно, не захочет иметь при себе Кури... Я не знаю, что и думать о сибирском начальстве. Дело кончится скверно для Кури, потому я намерен совершить преступление и объявить, что до того преступления я был доведен несправедливостью сиб(ирского) правительства и особенно интригами Кури».

«Про меня они сочинили, — пишет Шокан. — Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху» [14, 157].

Шокан не мог представить, какое коварство против него готовили его соперники: они использовали его же оружие против него, по письмам Шокана сумели создать в обществе мнение о нем как интригане и клеветнике, действия которого привели к отставке одного из его верных друзей — Карла Казимировича Гутковского, к которому в последние трудные дни он обращался. «Я изумлен, прочитавши письма Семенова (Тян-Шанский), в котором он вину вашей отставки кладет на какие-то мои доносы... Я действительно писал статью о несправедливостях, сделанных мне при выборе меня в султаны, в «Русский инвалид», и писал по приглашению самого редактора, друга моего Романовского. Я упоминал письменно всех господ, которые интриговали против меня и брали взятки... именно: г. Кури, г. Ивашкевича, председателя Безверхова и, конечно, при этом не похвалил состояние нашей области». Такого поворота событий, видимо, не ожидал сам Уалиханов. Ему остается теперь лишь советовать Гутковскому обратиться по приезду в Петербург к П.П. Семенову-Тян-Шанскому, известному ориенталисту Е.П. Ковалевскому.

Последнее письмо из Омска Гутковскому, датированное 24 марта 1864 года: «Завтра мы высзжасм... Я в Аулие-Ата, чтобы пожинать победоносные лавры... Еду я признаться для того, чтобы получить чин. Черняев, кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет. Еду и для того, чтобы оттуда через Ак-Мечеть поехать на Оренбург. Если бы это удалось, было бы хорошо...».

Почему Оренбург? Или он вспомнил письмо Хусаина Фаизханова, с которым судьба свела Шокана в Петербурге, о том, что: «...Ильминский в Казани издал небольшую книжонку на казахском языке, но со многими недостатками. Ильминский хорошо знает казахский язык, и не приходится думать, что все это сделано по незнанию... книжка эта дает понять, что казахи Внутренней орды с помощью хана Джангира отатаризованы...». Хан Жангир ли виноват в том, что царское правительство на Западе Казахстана стало проводить более изощренные методы колонизации? И бороться с ними было важней, нежели противостоять интригам Кури, Ивашкевича [14, 211].

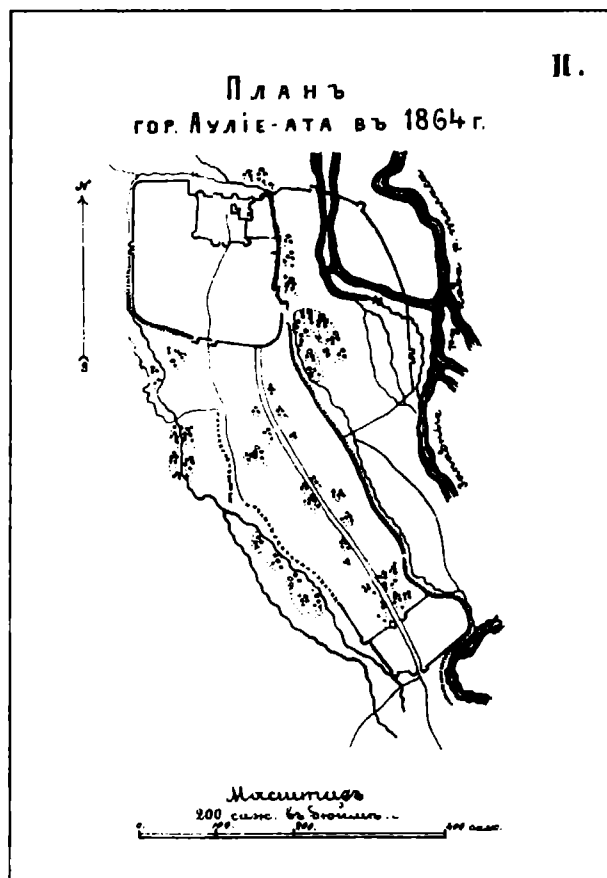
Встреча с генералом Черняевым развеяла наивные надежды Шокана на сотрудничество с «завоевателем», вылилась в ожесточенное

противостояние, в котором не было места либеральным надеждам и мечтаниям. По словам еще одного современника Ш. Уалиханова, А.Н. Пыпина, «когда генерал Черняев предпринял первый поход на Ташкент, Валиханов был приглашен к участию в походе, но не вынес военных сцен, и, кажется еще, расходился с генералом Черняевым во взглядах на военные дела...». «Люди, близко знавшие Валиханова, прибавляют, что по своим умственным симпатиям и направлению Валиханов был русским западником: он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления» [18, 84].

Неизвестно, какой разговор состоялся у полковника Черняева с штабс-ротмистром Валихановым 6 июня 1864 года в разрушенном артиллерией городе Аулие-Ате под причитания женщин, оплакивавших своих близких. В воспоминаниях Потанина причиной разрыва Шокана и Черняева названа расправа русских войск над единовверцами Шокана, а может быть, и над соплеменниками. Ядринцев высказывается неопределенно: «Не сошлись эти два деятеля, или Валиханов содрогнулся, и в нем запротестовало чувство ввиду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным». Но противостояние Шокана невежеству чиновников и завоевателей началось ранее конфликта с генералом Черняевым.

В казахстанских дневниках одного из представителей ссыльных поляков Адольфа Янушкевича встречаем много положительного о казахах. Но нет ни слова о Шокане Уалиханове. Неужели польскому революционеру ничего не было известно о человеке, который «скрестил шпаги» с одним из известных представителей польского революционного движения, знатоком казахского общества Виктором Ивашкевичем? Имя последнего немалое место занимает в дневниках Янушкевича. Почему в произведениях Янушкевича нет попытки дать оценку действиям Кенесары Касымова?! Данные вопросы далеки от критики деятельности представителей польского освободительного движения, которые боролись за свободу своего народа. Но их судьба тесно переплелась и с историей казахского народа. В деятельности молодых, талантливых людей в этот период также возникало множество противоречий при столкновении с жесткой административной системой. Наивная вера Шокана в генерала Черняева сменилась гневным противостоянием, когда он становится свидетелем жестокой расправы войск колонизаторов с мирным населением при взятии Аулие-Аты.

Из приложения к работе А.И. Макшева
«Исторический обзор Туркестана и наступательного
движения в него русских» (СПб., 1890 г.)

С самого начала своей деятельности российские власти стали уделять особое внимание специфике жизни казахского общества, отмеченной многими исследователями, в том числе М.И. Красовским. Это веками складывавшаяся система управления, нормы и обычаи традиционного общества казахов, надежными охранителями, носителями и пропагандистами которых зачастую выступала казахская элита. Например, 1–2 части 8-го тома сборника документов и материалов «История Казахстана в русских источниках» имеют название: «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах», собраны формулярные списки о службе казахских султанов, сведения о почетных казахах, именные списки султанов, биев, уважаемых народом

людей. Как отмечают составители книг, «...на страницах сборника предстают фигуры «хитрого» султана Губайдуллы Валиханова, «справедливого и пользующегося особенным уважением и доверием» Кунанбая Ускенбаева» [19, 7] и многих других.

В вышеупомянутой работе М.И. Красовского воссоздана объективная картина деятельности традиционного суда биев. Автор пишет: «Продолжая разбирать все случаи, нарушающие обыденное течение жизни киргизов в аулах, нельзя обойти молчанием тех советов старшин и биев, которые собирают более или менее значительную толпу народа. Киргизы любят стекаться на всякое производимое биями... судопроизводство. На этой любви, на желании всегда присутствовать при решении дел... и основывалось всегда гласное судопроизводство киргиз, несложное, непродолжительное, справедливое и совершенно понятное для народа, умевшего таким образом совершенно обойти столь вредный для страны бюрократический элемент... Присмотревшись к нашим порядкам по производству следствий и прочее, трудно не признать устройство своего суда несравненно для себя выгоднейшим...» [13].

Суд казахских биев, особенность деятельности которого и по сей день вызывает огромный интерес исследователей, а также разноречивые споры, получил свою характеристику и в работах офицеров Генштаба России, которые подчеркивают: «Такой простой, скорый, неотягательный для населения и всегда действительный суд мог появиться среди полудикого народа потому, что при всех, порождаемых невежеством, недостатках киргизов, в них есть же и присущие всем людям добрые начала, тоже успевшие вылиться в форму священных для народа обычаев». С одной стороны, это мнение офицера, проводящего имперскую политику метрополии, с другой — человека, столкнувшегося с реальной жизнью казахского общества, удивленного его самобытными нравами и устойчивыми традициями.

Стремление российских властей уничтожить складывавшиеся веками институты традиционного казахского общества, поставить всю жизнь Казахской степи под жесткий административный контроль вызывало противодействие. Одним из первых Шокан Уалиханов открыто выразил свои взгляды относительно производимого российскими властями переустройства. Проведенные в Омске годы, знакомство с деятельностью административно-чиновничьего аппарата дали основу для критических замечаний, направленных против негативных действий отдельных чиновников российского правительства,

при этом объективно предавались критике и отрицательные стороны казахского общества. В деле искоренения негативных явлений Шокан большое значение придавал просветительскому направлению как гаранту совершенствования жизни и переустройства быта казахов, однако не затрагивая духовную целостность традиционного казахского общества.

Не только просвещенный представитель казахского общества Шокан Уалиханов, но и послушные нововведениям российской администрации представители династии Абылая с возмущением воспринимали действия царского правительства по искоренению института ханства, изолированию легитимно признанных лидеров правления. При изучении жизни и деятельности знаменитого соотечественника мы отметили тот факт, что только из рода Абылая вышел целый ряд представителей, которые своими действиями также заняли достойное место в истории: Губайдулла Уалиханов, Болат Уалиханов, Гази (Султангази) Уалиханов, сын Болата Уалиханова (потомки последнего сменили свою фамилию на Султангазина).

Общеизвестен факт, приводимый в исторических исследованиях, что одним из претендентов на ханскую должность в Среднем Жузе в 20-х годах XIX века был внук Абылай хана Губайдулла. Однако в связи с введением вышеуказанной окружной системы он стал лишь ага-султаном Кокшетауского округа. Самоуправные действия российской администрации по уничтожению традиционных институтов власти стали причиной протестных движений Губайдуллы Уалиханова, вскоре примкнувшего к стану своего дяди Кенесары на Кургальджинских озерах. Задержанный позднее русскими отрядами на границе с Китаем, он был арестован. Сослан вместе со своим сыном Болатом в глубь России как человек, не внушающий политического доверия. По сегодняшний день имя Губайдуллы (по некоторым источникам — Габайдулла, Абайдильда, Абилада) вызывает интерес у современных исследователей не только потому, что он относится к числу последних правителей из династийной линии потомков Абылая. «Его взрослая жизнь пришлось на сложный период ослабления казахской государственности и ее последующей ликвидации, поэтому его политическая активность была царским правительством быстро и невозвратно пресечена», — считают исследователи.

Длительное время действия Губайдуллы преподносились как противостояние царскому правительству, как выражение противодей-

ствия политике России, отказавшейся признать его ханом. Но были и другие обстоятельства. В Степи происходило становление новой системы административного управления, вводимой царскими властями, неукоснительного соблюдения критериев которых ревностно требовали казацкие и другие вооруженные формирования. Действия последних все больше и больше вызвали недовольство местного населения.

Начиная с середины XIX века Казахская степь оказалась в эпицентре целого ряда политических событий, происходивших под эгидой метрополии. Царская администрация держала в фокусе своего внимания все происходящие здесь события, особенно если они имели антиправительственную направленность. В данном контексте действия потомка знаменитого хана Абылая Губайдуллы, имевшего законные притязания на ханскую власть Среднего жуза, не только не входили в планы России, но и настораживали правительство. Первые официальные донесения о Губайдулле Валиханове поступают в апреле 1824 года в связи с открытием Кокчетавского окружного приказа, где указано, что «старшим султаном был выбран сын покойного хана Валия султан Габайдулла (Губайдулла. — *Авт.*) [22, 211].

Спустя всего несколько месяцев после этого события, а именно в сентябре 1824 года, султан Касым Аблайханов направляет протест генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу в связи с введением окружных приказов. Султан Касым пишет, что происходит захват земель русскими, а «в волостях устроены диваны, в которых киргизы сделаны подданными, а как во время Государыни Императрицы и моего отца Аблая подобных сему обстоятельств не было, ныне ж произошли за чертой линии в орде сей расстройства, какие со времен предков наших не случались, на что сами здешние народы... весьма гневаются» [22, 215]. В протесте Касым-хана упоминается имя Губайдуллы по причине его ареста русскими отрядами: «Еще по наследству моего отца Абылая и брата Валия, — негодует султан Касым, — утвержден на ханство Габайдулла, который... насильственно захвачен с товарищем его Торуайгыром. По какой причине сие сделано и почему его волость с кочевков уведена? Если он, Габайдулла, учинил для России какие-либо злодейственные поступки, то о сем меня известить; если же он сделал что-либо вредное для киргизского народа, то должно было бы предоставить сие в разбирательство наше. Если Вы о поступке того родственника меня не известите, то мы найдем случай о сем просить и тогда на нас уж не гневайтесь» [22, 215].

Гнев султана Касыма имеет веские основания. Это можно заметить по документу выборов Губайдуллы ага-султаном. Очевидно, казахский султан при избрании имел определенные взгляды и соответствующие требования к властям. Как видно из содержания документа об избрании Губайдуллы старшим султаном, после официальной части церемонии «с тремя пушечными залпами» и «игрании марша на трубах» один из организаторов мероприятия Григоровский «...по усиленной просьбе всех султанов и старшин, он на другой день открытия приказа, т. е. 30 апреля, пришел к оным к ур. Азат (проехав расстояние в 70 верст. — *Авт.*), где в подробностях вел разъяснение о проводимом «благоустройстве в волостях». Можно предположить, что в данном случае казахские султаны и Губайдулла имели свои виды на образование Кокчетавского окружного приказа. Это заметно по тому, что «роды туртульские (торт ру. — *Авт.*) в состав Каркаралинского округа не вошли» (3000 юрт или семейств) и сообщили о желании войти в состав к Кокчетавскому округу; не были на выборах «ногай-караулские роды, кочующие совокупно с ханшей Айханымой Валиевой» (1000 юрт или семейств).

Возможно, поэтому генерал-губернатор Капцевич в августе 1825 года направляет тайное предписание войсковому старшине Лукину об установлении причин волнения среди казахского населения и трбует в подробностях отчитаться по поводу избрания Губайдуллы султаном: не было ли здесь притеснения, присягал ли Губайдулла добровольно и т. д. Указано об этом узнать и доложить, насколько было добровольным со стороны Губайдуллы принятие новой должности [22, 216]. В октябре этого же года полковник Броневской подтверждает, что «часть старшин и султанов увлечена беспокойным Губайдуллою в дальние степи на озеро Коргалыджин», что султан не принял отведенные ему подарки от «Величайшего двора» и они остаются на хранении [22, 223]. Противодействуя колониальной политике царской России в начале XIX века, Губайдулла и его близкие активно стали напоминать правительству, что подобное вмешательство в жизнь казахов и есть причина поиска казахами «новых случаев» противостояния, нежели письма-протесты.

Возвращаясь к статье в журнале «Нива» за 1891 год, необходимо обратить внимание на следующую проблему. Это исторические сведения, которые дают возможность по-новому толковать действия деда главного героя Губайдуллы Валиханова в 20-х годах XIX века. Этот

период совсем не похож на «Зар заман» («эпоха скорби») поэта Шортанбая.

Потомки Абылая, имевшие свое видение политики регулирования межгосударственных отношений, основы которой были заложены еще ханом Абылаем, при рассмотрении путей возрождения государственности страны выступали против вмешательства одного государства во внутренние дела другого. Так, возглавляемые султаном Касымом, его сыновьями Саржаном, Есенгельды, Кенесары, Наурызбаем, они были против новой системы административного управления Казахской степью, вводимой согласно реформам М. Сперанского. Однако не всем известно, что наиболее активную позицию занимал Губайдулла, действия которого исследователи долгое время объясняли лишь его меркантильными соображениями.

Сопоставив данные факты с материалами статьи П.Б. из журнала «Нива», можно заострить внимание на дополнительных сведениях, выпавших из нашего поля зрения: «Наше правительство (российское. — *Авт.*) с патентом звания подполковника отправило посольство с подарками старшему сыну Уали — Губайдулле. Хотя в грамоте Губайдулла назывался старшим султаном, ему этот статус не нравился. Кроме того, правительство требовало землю для построения города в Кокшетау. Он отказался дать землю, заявив, что если русские захотят насильно забрать землю для построения города, то за последствия будут отвечать сами, так же он отказался и от подарков», — пишет П.Б. [22, 88].

Таким образом, в статье констатируется факт противодействия султана политике царской администрации, его жесткий отпор процессу изъятия казахских земель. В статье в журнале «Нива» дана характеристика следующих событий. Не ожидавшая сопротивления со стороны казахской элиты, царская администрация решает обманным путем арестовать хана. «Однако хитрый Губайдулла не пошел на приглашение и начал бескомпромиссную борьбу против русских, — отмечает П.Б. — Он (Губайдулла. — *Авт.*) переселил часть орды, возглавляемой младшими братьями Кенесары и Наурызбаем в Улытау и Кишитау, а сам обосновался в Барнауле близ границы с Китайской империей... Из Барнаула он направил подмогу Кенесары и Наурызбаю и контролировал бои против наших отрядов. Через четыре месяца из Китая вернулись послы с грамотой, в которой Губайдулла признавался казахским ханом и великим князем Ки-

тайской империи Ван-гунем. По старинной традиции казахов, Губайдулла на белой кошме был возведен на престол. Встревоженные данным фактом, российские пограничные власти отправили в Барнаулу вооруженные отряды. Окруженный с трех сторон, после нескольких сражений Губайдулла и около 90 его биев были задержаны и сосланы в г. Березов Тобольской губернии» [23, 88–89].

Исходя из этих фактов, можно прийти к выводу, что действия Губайдуллы были целенаправленными и хорошо продуманными. Это было организованное вооруженное противодействие, учитывающее тактические результаты, имеющее далеко идущие стратегические цели. Основная цель этого движения не борьба за ханский титул, а попытка урегулирования межгосударственных отношений, защита интересов казахского народа. Неспроста встревоженное русское правительство направило отряды на поимку и ссылку более ста представителей казахской национальной элиты.

Предпринимая усиленные действия по сохранению целостности казахских земель, устоев казахской государственности, султан Губайдулла был даже вынужден прибегнуть к помощи третьей стороны, что нашло отражение в контактах с Китайским государством. Российские власти активно противодействовали налаживанию этих связей. Пытаясь изолировать Губайдулла от соотечественников, создав ему репутацию «честолюбца», колониальная администрация направляет посольство с подарками к его 16-летнему сыну Болату¹, присваивает ему чин майора. Несмотря на молодость, малоискушенный в политических перипетиях, но хорошо понимавший суть происходящего, Болат не идет навстречу притязаниям российских властей, за что и был сослан вместе с отцом.

¹ Информации о деятельности Болате Уалиханова мало. В книге «История Казахстана в русских источниках» приводятся следующие данные: «Булат Габайдуллин, султан Майли-Бакта-Агаевской волости 8-го класса, пожалован Золотой медалью на Александровской ленте с вытеснением его имени, также позолоченной сабли с резьбою его имени по-русски и по-татарски... но сии пожалованные награды хотя были предлагаемы ему, Габайдуллину, однако ж он не принял (по случаю удаления его с отцом Габайдуллой Валихановым в степь)». По предписанию омского областного начальства от 19 декабря 1831 г. № 3097 за неблагоприятные поступки со стороны приказа ведется наблюдение за поведением Габайдуллина.

В сборнике имеется именной список, составленный в 1842 году на султанов, биев, старшин, почетных киргиз, на которых «имеются почему-либо особые замечания». О Болате Габайдуллине: «Султан, 29 лет. Весьма раздражителен, мстителен, горд, корыстолюбив, умен... Был под судом за нанесение побоев часовому

Данный факт показывает, что политика российской администрации, пытавшейся подарками, присвоением чинов, оказанием других почестей привлечь на свою сторону казахскую элиту, оказалась не столь удачной. Стремление с помощью обмана заставить повиноваться русскому правительству, в ответ за почести воздвигнуть на казахских землях города, заполнить их крестьянами из центральных районов самодержавной России, ввести в этих городах законы русского государства и распространить их в Степи, встретило противодействие со стороны казахской элиты.

Сведения о деятельности Губайдуллы хана имеются и в работах исследователей того времени. Это статья русского писателя XIX века Глеба Успенского «Кочевники и русские переселенцы», опубликованная в 90-е годы XIX века в журнале «Новое время». Выходит статья «Султан Гази Валиханов» под псевдонимом П.Б. в 1891 году в журнале «Нива», № 11 (современный исследователь Марат Ескендир-Абишев считает, что П.Б. — это русский писатель Павел Быков) [20, 184]. В обеих этих статьях фигурирует имя одного и того же человека — султана Гази Уалиханова (у П. Быкова — Султангази Валиханов, у Г. Успенского — султан Гази Валиханов). «Кстати — пишет П.Б., — в «Новом времени» он (Султангази Валиханов. — *Авт.*) опубликовал собственное мнение о переселении жителей России в Акмолинскую степь» [20, 90].

Таким образом, статья, опубликованная в журнале «Нива», если не позволяет полностью восполнить пробелы казахской истории, то подтверждает тот факт, что деятельность Губайдуллы Валиханова, его сына Болат и внука султана Газы (Султангазы) отражает суть противоречий, имевшихся во взаимоотношениях между двумя государствами, дает возможность по-иному взглянуть на протестное движение, возникшее в казахской степи во второй половине XIX века против имперской политики России.

В 60–80-е годы XIX века царское правительство приняло решение о переселении около 800 тысяч русских и украинцев в

рядовому Патрушеву». Также отмечается в документах, что он имеет особенное уважение в народе.

В документе от 1851 года указывается: «Габайдулла Валиханов (отец Болат), султан, 73 лет. Хитер. Посредственное состояние... Под судом был за сношения с мятежным султаном Кенесарой Касымовым, за что был сослан в Березов в 1839 г.... прощен 29 сентября 1847 г. Прибыл в Кокчетав 30 ноября и находится под присмотром волостного управителя Бабакова.

Казахскую степь. В реализации переселенческой политики правительства принял активное участие назначенный в 1890 году генерал-губернатором в недавно созданную Акмолинскую область чиновник М. Таубе. Однако, по свидетельству русского писателя Глеба Успенского, «не такими благоприятными оказались намерения (Таубе. — *Авт.*)», для казахов, которые, едва им было объявлено о переселении к ним русских крестьян, «решили направить в Петербург депутацию и ходатайствовать — не переселять крестьян в Киргизскую степь». Казахский султан, так же как и губернатор Таубе, произвел экономический расчет эффективности переселенческой политики российской администрации в Акмолинскую область. При этом он обратил внимание и на социально-политические последствия перемещения большого количества людей из одной части России в другую. Иницилируя поездку группы казахов в Петербург, к царю, султан Газы Валиханов сопроводил их письмом, в котором предупреждал правительство: «Если существовавший досель порядок отбирания и захвата у киргиз земель продолжится еще немного...», то край лишится опоры в лице казахского населения.

Султаны Сибирского ведомства:
в центре – султан Чингис Валиханов (1891 г.)

Это было не голословное заявление, а точка зрения общественного деятеля, предвидевшего неблагоприятные социально-экономические, политические последствия переселенческой политики. Конфликт между генерал-губернатором и султаном Газы Валихановым не остался вне внимания русского писателя Глеба Успенского, получил свое отражение в его статье «Кочевники и русские переселенцы», опубликованной в 1891 году в журнале «Русская мысль». Уже в наше время публикации в «Северном вестнике» о Газы Валиханове заинтересовали казахстанского математика Аскара Жумадиляева. В целом проведенные нами исследования, сопоставление различных фактов привели нас к выводу, что Газы Вали хан (Валиханов) — потомок знаменитого Абылай хана. Он — сын Болат, Болат же — сын Губайдуллы. За активное сопротивление, оказанное царской администрации, Губайдулла вместе с Болатом были сосланы в город Березов [23]. На новом витке истории их начинания продолжает новый Уалиханов — теперь уже султан Газы, который также поплатился за то, что отстаивал интересы своего народа. Султан Газы Валиханов выступил против инициативы акмолинского генерал-губернатора Таубе по переселению русских и украинских крестьян в Акмолинскую область. Он подтвердил обоснованность своих позиций с научно-экономической, политической точек зрения. Не только доказал, но и «вооружил» этими доказательствами казахов, которые требовали аудиенции у царя. Действия казахского султана не остались без внимания и привели к общественным диспутам, что нашло отражение в статье под авторством Н.П.К. «Положение переселенцев в степном краю», опубликованной в 1891 году в журнале «Северный вестник». Таким образом, еще один представитель русского общества, скрывающийся под инициалами Н.П.К., ученый, исследователь Н. Коншин¹ также упоминает имя одного из славных потомков хана Абылая — Султангазы (султана Газы).

¹ Коншин Николай Яковлевич. Род. в 1864 г. Ред. газеты «Семипалатинская жизнь». Депутат Госдумы от населения Семипалатинской обл., талантливый исследователь. В 1898 секретарь статкомитета, собирал статданные о Семипалатинском крае, его истории, археологии, этнографии и географии. Его исследования по истории казахских родов — «Заметки о киргизских родах и султанах Каркаралинского края», «Очерк экономического быта киргиз Семипалатинской области», в т. ч. статья, опубл. в журнале «Северный вестник» в 1891 году. Современные исследователи указывают на знакомство Коншина с Абаем (см.: Тусумбаева Т. Н.Я. Коншин — историк, архивист, краевед/Казахстан мұрағаттары. 2010. 3(11). С. 48–49).

Султан Гази (Газы) Валиханов (1891 г.)

К большому сожалению, советская историография не смогла представить читателям научно воссозданный образ Султангазы Валиханова. Нельзя сказать, что имя этого представителя казахского общества было обойдено: например, оно встречается в книге И. Стрелковой «Чокан Валиханов» (из серии «Жизнь замечательных людей»), в статьях казахстанского краеведа Н. Ивлева. К сожалению, данные авторы характеризуют Султангазы Валиханова не более как «сплетника», «завистника» и «властолюбца». Мы не отрицаем тот факт, что в архивных документах действительно имеются данные о Султангазы и других представителях казахского общества.

Но, как отмечают современные исследователи, «характеристикам отдельных личностей присущ налет субъективизма, а некоторые явно несут отпечаток пристрастности авторов документов» [19, 9]. С подобным мнением нельзя не согласиться, т. к. характеристика представителей казахского общества создавалась, исходя из занимаемой

ими позиции относительно политики, проводимой российской администрацией на местах.

При этом следует отметить существующую имманентную связь в действиях представителей казахского общества: глубокую их заинтересованность в сохранении независимости Казахского государства в форме Казахского ханства.

Об этом можно судить по письму султанов Кенесары и Кучука Касымовых председателю Оренбургской пограничной комиссии, обнаруженному нами в архиве города Астаны: «По примеру предков наших хана Аблая, — писали они, — мы расположились кочевьем на Иесль-Нуре... не беспокоясь ни о чем, как только о спокойствии своего народа, но вдруг грянул на нас гром следующим образом».

Далее соответственно по годам (1825, 1830, 1831, 1832 годы) перечисляются деяния карательных отрядов, направленных против аулов Саржана Касымова в районе рек Терисаккан, Сары. Последствием этих военных операций было ограбление и убийства мирных жителей, арест Есенгельды и Кучука Касымовых, пленение жен и дочерей султанов. Далее из письма следует: «Нахожусь (Кенесары. — *Авт.*), не имея возможностей переносить безвинные притеснения, убийства и грабежи, не почитая себя ни против кого виновным и [неразборчивое слово] некому было доводить до сведения правительства о вышесказанном гонении, принужденными были удалиться на Каратау, для стеснения самого себя».

При этом хан Кенесары притеснением своим считает вступление его аулов на территорию, видимо, других потомков хана Абылая. Своими законными кочевыми местами он считает районы рек Ишим и Нура. Поэтому Кенесары и подчеркивает временность и вынужденность своих действий и отмечает, что «при обратном перекочевании открылись новые [неразборчивое слово] Вашему Превосходительству, какую жалобу писали на нас сибиряки, и как мы были безвинно гонимы ими, и [неразборчивое слово] принуждены были спастись бегством. Через сие [неразборчивое слово] против себя сибиряков, которые полагали, что мы не хотели будто бы повиноваться им. и не приглашаем к себе никаких родов. Сибиряки [слово непонятное] беспрестанно степь грабили и убивали людей, как своего ведомства, так и степных киргизов» [24].

Вместе с тем Кенесары признает неправомерность некоторых своих действий, например, проникновение его аулов на территорию дру-

гих кочевых родов. Во-вторых, он вынужден пересечь и Сибирскую линию, вызвав тем самым недовольство казаков. Но для объяснения последнего случая у Кенесары есть веский аргумент: «...перекочевал я (Кенесары. — *Авт.*) для того, чтобы искать у Великого Государя покровительства, приюта и убежища и довести до Оренбургского начальства о всех потерпевших мною бедствиях». А самое главное, в протесте Кенесары есть политический мотив: сибиряки, то есть военные, действуя от имени правительства, убивают людей, считая их людьми не своего ведомства.

Следует иметь в виду, что действия Касыма султана, его детей Саржана и Есенгельды, на последующих этапах — Кенесары, явление не случайное. В государственном архиве г. Астаны мы обнаружили текст лекции Катанова Николая Федоровича, известного хакасского языковеда и этнографа, исследователя тюркских языков и народов второй половины XIX — начала XX века. Это была специальная публичная лекция, прочитанная в свое время в Казанском университете. Н. Катанов говорил о политике, которую проводит Россия на «обширном степном пространстве, которое тянется от устья Волги на запад до Тарбагатай на Востоке и от Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи на юге до Иртыша и Оби на севере, занимаемый кочевым народом, известный нам более чем с XVIII столетия, но упомянутый еще в начале XVII века, именно в книге «Большого чертежа, составленного... по указу Михаила Федоровича (царь)».

Напомнив своим слушателям, что в книге этот народ назван «Казакской кочевой Ордой», Катанов отмечал: «во второй четверти XVIII века киргизы Средней и Малой Орды изъявили подданство России, но это было лишь формой. Изъявлением подданства киргизы хотели обезопасить себя от других народов Средней Азии, получив на это от России помощь... России было лестно присоединить к себе без кровопролития несколько сот новых подданных, умиротворить таким образом окраины и приобрести надежный оплот против калмыков» [24, л. 2–3].

Уже в советское время данная концепция была поддержана и авторами «Материалов по истории Казахской ССР», изданных в 1940 году в Ленинграде: «...в целях укрепления колониального господства царизма в казахских степях построен ряд новых крепостей и укреплены часть старых. Усилены пограничные гарнизоны. Наиболее крупным из колониальных мероприятий Игельстрома была попытка уничтожить власть хана и султанов путем утверждения в Ма-

лой Орде «расправ», деятельность которых предполагала поставить под контроль местную администрацию», — писали они [25, 1281].

Предложенная русской администрацией форма отношений уже тогда встретила противостояние со стороны элиты казахского общества в лице некоторых наследников ханской власти, султанов, батыров, среди которых находился и Ералы-султан, один из влиятельных представителей фамилии Абулхаира. Ералы-султан неоднократно оказывал крупные услуги царизму: в 1755 году при подавлении восстания башкир и в 1771 году — при бегстве волжских калмыков из России.

В «Материалах по истории Казахской ССР» наше внимание также привлекло содержание переписки между полковником царской службы Д.И. Гранкиным и султаном Ералы, которая зафиксирована августом 1787 года. На первый взгляд, причина переписки — это нападение людей султана Ералы на торговцев и отнятие их товаров, что вызвало недовольство со стороны представителя царского правительства в Оренбургском крае.

Вместе с тем высокопоставленный царский чиновник, полковник Гранкин «по-дружески» напоминал подданному о «...довольно известном высокославном русском оружии...», которое в любой момент может выступить инструментом присмирения непослушного и предлагал султану: «совет мой вам преподать... упасть к ногам великой нашей государыни, выговаривая, что виноват перед вами и престолом вашим» [25, 89].

На данное предложение тут же последовал не менее жесткий по своему содержанию ответ султана Ералы: «...мы обращаемся к вашему благоразумному усмотрению: мы ли первыми захватили тех упомянутых купцов или же ваш журт захватил хана вместе с султаном Айчуваком. Если вы разберете и расследуете это дело, тогда станет /ясно/ кто разумен, кто неразумен... А если вы решитесь действовать, полагаясь на свою мощь, то не обижайтесь, /если/ мы на ваши слова дадим такой ответ: /когда/ уральские башкиры подняли смуту, вы не смогли взять их силой, а отбили их мы, и это добро с нашей стороны забывают при наших делах. Кроме того, /когда/ торгоутские калмыки вырвались из ваших рук, вы также не смогли задержать их силой: те которые были захвачены — захвачены нами, а те которые не захвачены, спаслись и скрываются до сего времени. Обо всем этом мы не можем довести до вашего сведения. Сколько бы мы ни исполняли ваши предписания и распоряжения и как бы

хороши и справедливы ни были наши дела, вы ведь не считаетесь с нами: вы предпочитаете, чтобы мы были немymi, безрукими и близорукими трусами... Что это за угроза с вашей стороны? Поэтому, если вы говорите только насчет товаров купцов, то возвратить его легко... Когда у вас будут добрые отношения к нам...» [25, 95–96].

Склонность российской администрации в подобных случаях к силовым методам подтверждают слова офицера М.И. Красовского, который признавал: «...мы только несколько укротили наших беспокойных соседей силою оружия». В свое время о сложных отношениях между администрацией и местными жителями неоднократно напоминал в своих посланиях Сырым Датов. В сентябре 1792 года он отправляет письмо генерал-губернатору Симбирского и Уфимского наместничества А.А. Пеутлингу: «...ежели ваша императрица нас желала признавать себе подданными, ... то почему... без нашего выбора и совета над нами удостоен негодный человек ханом. Каковы ваши намерения мы поняли, ибо перед сим вы, россияне, скольких, обласкивая серебром и прочим, довели в свое рабство» [25, 139].

Вышеприведенный отрывок взят из письма Сырыма Датова и других влиятельных людей Младшего жуза, написанного после того, как оренбургское начальство без согласования с местными представителями назначает на должность хана Ералы-султана, зная, что на эту должность путем избрания был уже определен Есенгали, также являющийся представителем династии Абулхайра. Чтобы реально представить тактику царского правительства в выборе кандидатуры на должность хана, мы решили тщательно проанализировать переписку губернатора Оренбурга Игельстрема с императрицей Екатериной Второй. Как свидетельствуют источники, этому представителю русской администрации принадлежит идея отказа от методов колонизации края, предложенных его предшественниками на раннем этапе принятия Казахстаном подданства России. Так, аргументируя свое видение приобщения Степного края в состав самодержавной империи, Игельстром резко возражал «запасному» плану Неплюева в своем «Объяснении в ответ на обвинения, выдвинутые полковником Д.А. Гранкиным» и писал Екатерине Второй, что ошибка его предшественника заключается в том, что у Неплюева, предложившего в начале 1744 года окружить казахов со стороны Урала и Сибири путем концентрации на границе войск, не «было другого способа управиться с киргиз-кайсаками, как резать их».

По убеждению Игельстрома, явные насильственные методы колонизации края, предложенные Неплюевым и его сторонниками, привели к тому, что «в трех местах появились сильные скопищи киргизские под предводительством Сырыма, Барака, Джанчуры и Джанбулата батырей», что, в свою очередь, вынудило составить Указ от 3 июня 1786 года. «Выбор хана мы столь же невыгодным находим, как и начальства нынешнего, и для того сие всяческие отдалить, но дабы не производить в киргизцах подозрения, что будто бы хотят их притеснить в управлении, должно советовать им иметь для доброго порядка правление, состоящее в их же лучших старшинах из главнейших родов, а когда станут отзываться о дозволении выбрать хана, то внушать им, покуда настоящий жив, неудобно к ним приступить, со временем же сие лучше учредить можно» [25, 109, 110, 486].

Из рескрипта Екатерины Второй барону О.А. Игельstromу от 12 ноября 1786 года: «...не можем мы ни избрание его (Каип хана) в ханы, учиненного некоторыми из киргизских родов подтвердить, ни позволить, чтоб кто-либо другой в сие достоинство избран был. Но буде бы необходимость обстоятельств потребовало достоинство хана в Орде восстановить, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения об умножении их числа и чтоб каждый из таких ханов не был силен в Орде и зависел от вас... сии старшины суть сильнейшая в Орде, по отменной привязанности и доверенности, которые народ к ним имеет» [25, 98].

При Неплюеве Абулхаир хану было дано обещание допускать посольство в Санкт-Петербург один раз в три года. Вопрос о посольстве 1787 года был возбужден собранием старшин. Нужно отметить, что это посольство добилось очень существенного для казахов разрешения перегонять скот на зиму на «внутреннюю сторону». Сам Игельstrom вынужден был признавать, что одно из основных требований казахов о дипломатическом решении вопроса исходило именно от старшин и народа. При этом он отмечал: «Вид и поступки сих депутатов, воспользовавшихся щастием предстать пред Высококомнаршее вашего И. В. лице, доказывают, что они люди не низкого состояния и не таких качеств, что можно было их купить за 300 рублей (119), где крупнейший богатством имеет по несколько тысяч лошадей и 10 000 или 20 000 баранов» [25, 114].

Русское же правительство не могло допустить такой вольности казахам: предоставить им возможность самим регулировать политический статус Казахского ханства, ибо за самостоятельным ре-

шением казахов стояли более важные для России вопросы: регулирование проблемы политической важности для России как, например, башкирский вопрос, решение которого было возможным на примере подданства казахов. Это не сложно проследить в той же переписке Игельстрома с Екатериной Второй. Игельстром, пытаясь защитить себя от нападков своего оппонента полковника Д. Гранкина, объясняет свои действия интересами России, принявший в свое подданство казахов. «Справедливо, — пишет он императрице, — что нынешнее положение киргизкайсаки неопасны, но ежели происки турков, врагов империи Вашего Величества, успеют возбудить их к общему мятежу... тогда 60 000 диких мятежников не могут быть неопасными. Также сумнительно, что в то время башкирцы, которых преподаватель (полковник Гранкин) известий... избирает к усмирению и истреблению их (казахов)», так как башкиры, по убеждению Игельстрома, «при внезапном киргизкайсацком мятеже не суть те защитники этого края... Вражду же, введенную г. действительным тайным советником Неплюевым в башкирцах против киргизкайсак, при нынешним обстоятельствам не без нужно удержать» [25, 122].

Как указывает Маргарет Тэтчер, три элемента присущи были правителям России всегда. Они никогда не признавали ничьих прав собственности; не допускали ни малейшего институционального или даже теоретического контроля над своєю властью; не признавали разделения между духовной и политической сферами. М. Тэтчер отмечает: «Эти три элемента переплелись удивительным образом с четвертым — путем, на котором становление государственности в России совпало с превращением ее в империю».

Особенности внутривластного устройства, политики, проводимой российскими властями, получили отражение в трудах французского путешественника и писателя маркиза де Кюстина, приглашенного в первой половине XIX века в Россию императором Николаем I. Впоследствии маркиз прославился своими «Письмами из России» (1839). Встреченный самим царем, получивший его благословение донести истинную правду о России европейскому читателю, французский писатель после публикации своей работы ощутил на себе весь гнев и опалу царя Николая и его окружения. Он отправился в Россию как почитатель России, а возвратился ярким критиком. Именно его перу принадлежали слова: «Характеристику политического состояния России можно дать только в одном пред-

ложении, эта страна, в которой правительство говорит то, что ему нравится, поскольку право говорить имеет только оно... В этой стране к историческим фактам относятся ничуть не лучше, чем к святости клятвы...». Мы можем понять и в какой-то степени принять сторону, которая сегодня не совсем лестно отзывается об этом человеке. Но при этом ссылаемся на мнение данного представителя Европы, которому была предоставлена возможность посмотреть на жизнь российского общества того времени изнутри. Вместе с тем не можем не признавать того, что размышления Кюстина оказали влияние на мнение русских демократов (писателей, публицистов, ссыльных революционеров).

Надо отметить, что становление новой элиты Казахстана происходило в весьма противоречивых условиях. Прежде всего, царская администрация не желала появления казахской интеллектуальной элиты, предвидя в ней будущего соперника в области социально-политических отношений. Как писал в своих стихах великий Абай:

Интернатта оқып жүр
Талай қазақ баласы —

...

Балам закон білді деп,
Қуанар ата-анасы
Ойында жоқ олардың
Шариятқа шаласы...

...

Ойында жоқ бірінің
Салтыков пен Толстой,
Я тілмаш, я адвокат
Болсам деген бәрінде ой...

Несмотря на пессимистические рассуждения Абая Кунанбаева, период XIX — начала XX века ознаменовался рождением новой когорты выдающихся людей казахского общества. Это было отмечено Т. Седельниковым в работе «Борьба за землю в киргизской степи»: «Приготавливаясь к выбору своих представителей в первую Государственную Думу, киргизы, вместе с остальными мусульманами России, приняли программу конституционно-демократической партии. Но... по аграрному вопросу у киргизов вышло некоторого рода неприятное недоразумение. Дело было так. Переводя на киргизский язык программу к.-д., Уральская группа киргизов — кадетов по зе-

мельному вопросу, вместо официального текста, вставила следующую самостоятельную композицию.

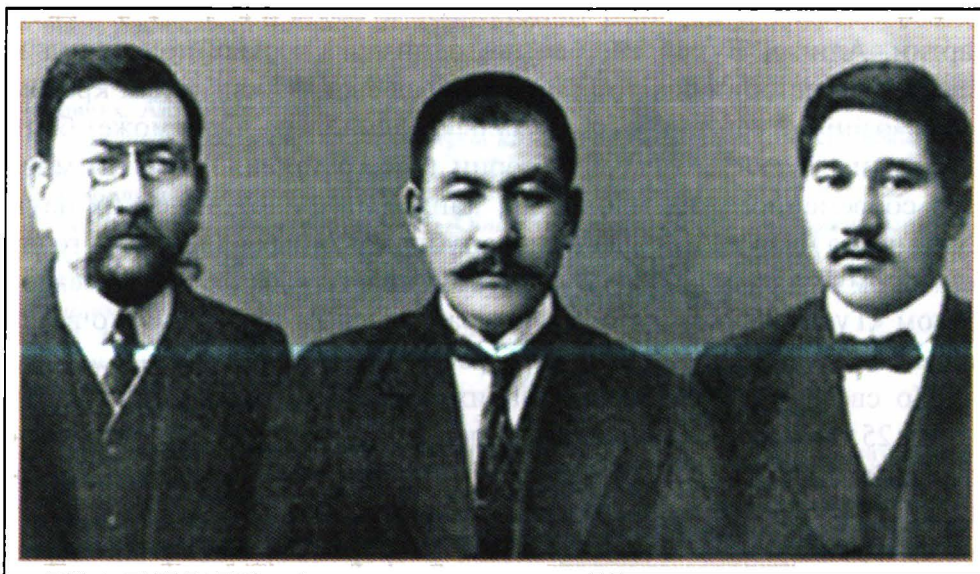
«В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргизов русские не должны отбирать землю, **ни во временное пользование, ни на вечность**» (выделено нами. — *Авт.*). Газетное сообщение о такой «подделке программы» заставило «авторитетного знатока» степной колонизации г-на Кауфмана выступить печатно, чтобы дать должный отпор ни с чем не сообразным, по его мнению, притязаниям киргизов по признанию за ними исключительного права на занимаемые земли (обратите внимание: снова Кауфман, снова его волнует земельный вопрос, поднимаемый казахами. — *Авт.*).

С такого рода «исправлениями» партийной программы, исходящими от наиболее влиятельного и богатого меньшинства степного населения, партия народной свободы, по мнению г. Кауфмана, никоим образом согласиться не может, так как в ее расчеты не может входить закрытие того, наиболее надежного и даже последнего колонизационного района, какой представляют собою многоземельные киргизские степи. Наоборот, партия ставит своей задачей широкое содействие переселению, которое, по выражению г. Кауфмана, является одним из немногих путей, где находит себе исход народная нужда в земле, пишет Т. Седельников [26, 101].

Что касается землеотводного дела, то оно поставлено в степи на довольно рациональных и справедливых началах; отбиралась до сих пор только ничтожная часть тех «излишков», какие были определены «на основании богатого статистического материала, собранного экспедицией Щербины», которая отражала интересы киргизов «слишком широко, нежели недостаточно». Только условно, вероятно, на случай, если ему это будет сказано, г. Кауфман соглашается на пересмотр организации переселенческого дела в степных областях, «в связи с интересами киргизского народа и широкой русской колонизации».

Таким образом, в начале XX века протест казахов стал носить более аргументированный характер. Они чаще стали требовать свободы действий, принятия самостоятельных решений по важным для казахского общества вопросам. Исходя из чего Т. Седельников пи-

шет: «Приступая к разбору аргументации г. Кауфмана против типично-киргизского проекта решения земельного вопроса в степи, мы прежде всего должны заметить, что г. Кауфман далеко не достаточно объективен, сводя главную причину протеста туземного населения против колонизации степи исключительно к своекорыстным проискам и интересам киргизской буржуазии» [26, 103].

Лидеры партии «Алаш»:
А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов

Налицо факт, когда недовольство рядовых казахов, вызванное нововведениями в Казахском крае, колониальная администрация выдает лишь за желание определенной части казахского общества, мечтающей разбогатеть за счет большинства. Как пишет Т. Седельников, «из этого совсем не следует, что все киргизские протесты против колонизации вещь вздорная, искусственно вздутая, не имеющая под собой никакой серьезной основы в виде важных, жизненных и конкретных интересов широких масс киргизского народа. Факт взаимной борьбы различных слоев и элементов степного населения на почве хозяйственно-экономических и земельных отношений... не дает повода к безусловному заключению... что в деле отстаивания своих общих национальных прав и интересов, в деле протеста против пра-

вительственного произвола и угнетения киргизы-бедняки и киргизы-кочевники, как сторона, страдающая от оседлой степной буржуазии, не захотят идти вместе с ней, а пойдут какой-то своей собственной дорогой» [26, 104].

Поняв, что голос народа может быть услышан только в случае его объединения вокруг политической организации, казахская элита начала XX века во главе с А. Букейхановым, М. Дулатовым, Б. Каратаевым и другими приступают к созданию политической партии. Алихан Букейханов также одним из первых приступил к написанию истории своего народа, избрав своим жизненным кредом девиз «өзінің өткен тарихы жоқ, халық болмайды» — «не может быть народа, не имеющего своей истории (своего прошлого)». По мнению современного исследователя, кандидата филологических наук Султанхана Аккулулы, ряд статей, опубликованных в 1903, 1910 годах Алиханом Букейхановым на страницах газеты «Казах» под псевдонимом «Түрік баласы», изобилуют фактическим материалом о взаимоотношениях Казахского края с российской администрацией [2].

По сведениям современных алихановедов, Бокейханов написал около 25 статей, в корне опровергающих суть и содержание столыпинской аграрной реформы. Член редколлегии 8-го—22-го томов знаменитого словаря Брокгауза—Ефрона, сотрудник трех газет («Омич», «Иртыш», «Голос степей») в 1906—1907 годах, он твердо отстаивал свое мнение и в условиях прихода к власти в России партии большевиков. Партия Ленина была вынуждена прислушиваться к его словам, ибо Алихан являлся признанным лидером среди своего народа. Только годы страшных репрессий оборвали жизнь великого знатока особенностей Казахской степи и ее благоустройства.

Первая мировая война, затем две революции в России не сказались благотворно на объединении казахской элиты. Вместо этого они прямо воздействовали на разделение казахского общества на правых и левых. Таким образом, всевозрастающее противостояние колонизации края в условиях самодержавной России уступило место социалистическим лозунгам большевиков.

Список использованной литературы

1. Мировая политика и международные отношения. СПб.: Питер, 2006. 448 с.
2. Романов П. От Ивана III до Дмитрия Медведева. СПб.: Амфора, 2008. 365 с.

3. См.: *Шакимов Б.* Присоединение Казахстана к России. Как трактовали события в степи русские историки в год 300-летия Дома Романовых//Избиратель. 1990. 20 октября.
4. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867): Сборник материалов и документов. Алма-Ата, 1964. 575 с.
5. *Мажиденова Д.М.* Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики (с древнейших времен до Венского регламента). Социологическая и политологическая литература. Астана: Күлтегін, 2003. 240 с.
6. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО, вып. III, Семипалатинск, 1907. С. 63–64//См.: Материалы по истории государства и права Казахстана. Алматы: Атамұра, 1994.
7. *Новиков Ю.* Конец абсолютного пастбища//Простор. 1989. № 6.
8. *Швецов С.П.* Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Алма-Ата, 1926.
9. *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.
10. Большая Советская энциклопедия. В 30 т. Т. 29. М., 1975.
11. *Васильева Л.Н.* Теория элит//Общественные науки и современность. 2005. № 5.
12. *Бекмаханова Н.* Об участии казахов в восстании Е. Пугачева или легенда о Невидимке. М., 1972.
13. *Красовский М.И.* Образ жизни казахов степных округов/2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 287 с.
14. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984.
15. См. *Достоевский Ф.М.* ПСС в 15 т. Т. 11. Л., Наука, 1989.
16. *Наседкин Н.* Достоевский. Энциклопедия (Серия: Русские писатели). М.: Алгоритм, 2003.
17. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. ПСС в 15 т. Т. 5. Л., Наука, 1989.
18. *Пыпин А.Н.* О Чокане Чингизовиче Валиханове//Валиханов Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984.
19. История Казахстана в русских источниках. Алфавитные и именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. — 9 августа 1917 г. Т. VIII. Ч. I. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах/Сост., предисл. и комментарий Б.Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.
20. *Ескендір-Әбдешев М.* Қазақ портреттерінің тарихы. Алматы, 2008.
21. Протест султана Касыма Аблайханова генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу в связи с введением окружных приказов в Среднем Жузе //Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867 годы): Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964.
22. Казахско-русские отношения в XIII–XIX веках (1771–1867 годы): Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. 376 с.
23. См.: *Кашкимбаев А.Н.* Казахская элита в произведениях русских авторов/Евразийский сборник. Астана. 2005; Его же. Казахская элита в условиях колониальной политики Российской империи//Мемлекет тарихы. История государства. Астана, 2009. № 2.
24. Архив г. Астаны. Ф. 430. Оп. 10. Д.
25. Материалы по истории Казахской ССР (1717–1825 гг.). Т. 5. Л., 1945.
26. *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи. Библиотека казахской этнографии. Т. 59. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007.
28. Алаш айнасы. 2010. Январь.

Глава 4

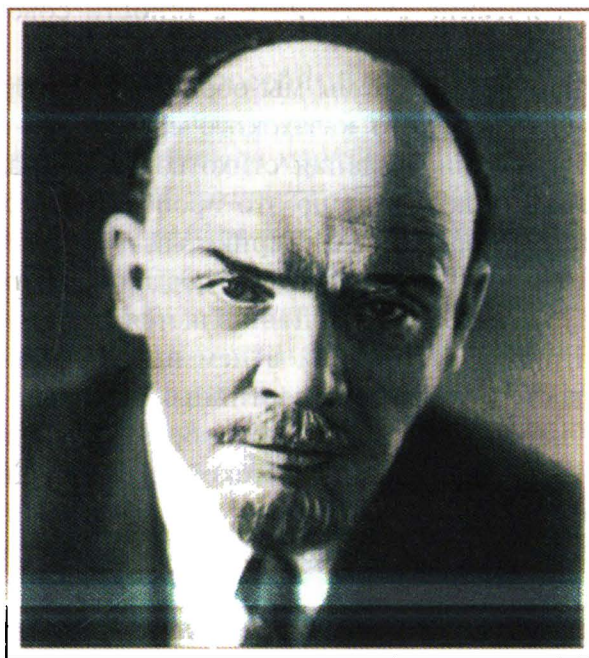
КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ СССР: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Объективное переосмысление взаимоотношений между Казахстаном и Россией невозможно без исторического анализа советского периода. Хотя в эпоху социализма официальных исследований, посвященных данной проблематике, не было, ибо отношения между Казахстаном и Россией просматривались через призму унитарного государства, когда «формально принимая ленинский принцип федеративного устройства, большевики реально проводили курс на создание унитарного государства и последовательное сворачивание прав республик до уровня автономии, как планировал Сталин» [1, 168].

Вместе с тем в истории Советского Союза был период, именуемый «временем триумфального шествия советской власти». После того как эхо революции из центра России дошло до ее периферии, находившиеся в крайне угнетенном положении народы окраин России разделились на два лагеря — красных и белых — и наиболее ущемленная часть их пошла за партией большевиков, предложившей новую социалистическую систему государственного устройства, провозгласив право наций и народов на самоопределение. Таким образом, было положено начало осуществлению вековой мечты «инородцев России», в том числе казахов, о государстве, которое будет действительно защищать национальные интересы, будет способствовать возвращению исторического названия наро-

да. Действительно, советская власть «вернула» населению Великой степи историческое название — казахи. Именно с установлением советской власти в Казахстане, впервые за долгое время, начинается процесс государственного строительства.

После принятия двух исторически важных документов: «О революционном комитете по управлению Киргизским [Казахским] краем» в июле 1919 года, а затем «Декрета об образовании Автономной Киргизской [Казахской] Социалистической республики» 26 августа 1920 года, Казахстан обрел советскую государственность, будучи включенным на правах национальной автономии в состав Российской Федерации. С 1922 года начался работа по объединению республик в единый союз, а 22 февраля 1922 года всеми советскими республиками было подписано соглашение о передаче РСФСР права представлять их интересы на общеэкономической конференции в Генуе. Это был новый шаг к дипломатическому объединению и начальный период становления новых межгосударственных отношений.

**Основатель партии большевиков
и Советского государства В.И. Ленин**

Это не было новым явлением для казахского народа, ибо уже в ходе двух революций в России 1917 года различные слои казахского общества активно потянулись к политике, в «процессе роста революционного движения и усиления классовой дифференциации одни поддерживали идею создания казахской национальной автономии в рамках демократической России...» [2, 21]. Вместе с тем это было продолжением дискуссии о двух началах вступления казахской государственности на путь новых преобразований в 20-х годах XX века.

«Дискуссии о сущности внутреннего содержания советского социализма возникли еще со времен становления советской власти. Но особенно активизировались в 60–80-е годы XX века... В ходе дискуссий был представлен широкий спектр различных, порой взаимоисключающих, позиций по вопросу определения социализма — от апологетических до полемических, но предлагаемые схемы эвристической модели понимания категориального понятия... не были приведены к общему понятию. Поиск истины значительно усложняло то, что советские исследователи, казахстанские в том числе, практически лишены были возможности высказать какие-либо критические суждения о сущности советского общества» [3, 10].

В контексте данной проблемы мы обратились к перипетиям трагической судьбы известного казахского советского поэта Сакена Сейфуллина, к истории создания стихотворения «Азия». По мнению ряда исследователей, именно это произведение сыграло роковую роль в судьбе автора романа «Тернистый путь». Сегодня сложно определить, что подтолкнуло поэта к созданию стихотворения, в котором Западу жестко противопоставляется сила, энергия Азии. Яркие «евроцентристы» усмотрели в нем вызов, брошенный «инородцами», предостережение для партийных лидеров, игнорировавших интересы народов окраин. Стихотворение наводит на мысль, что даже у верных сторонников советской власти возникали сомнения в правильности выбранного курса, так как спешные и непродуманные действия большевиков по советизации окраин России привели к противоречиям во взаимоотношениях между народами. При этом многие действия большевиков строились в расчете на мировую революцию.

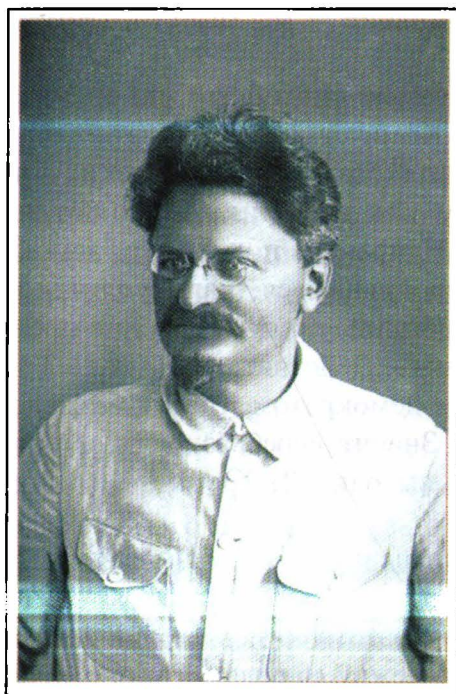
Апологет теории мировой революции Л.Д. Троцкий так оценивал создававшуюся ситуацию: «Дорога на Индию может оказаться для нас

в данный момент более проходимой и короткой, чем дорога в советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости; дать прямой толчок восстанию народных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения... Между тем, международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. Необходимо сосредоточить где-нибудь на Урале или в Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, которая в ближайшее время может оказаться гораздо более дееспособней III-го Интернационала. Нужно сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении и сосредоточению необходимых сил лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров — всеми нам доступными средствами и способами. Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации... Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что совершенно вне сомнения — мы сами отодвинулись с запада на восток» [4, 12].

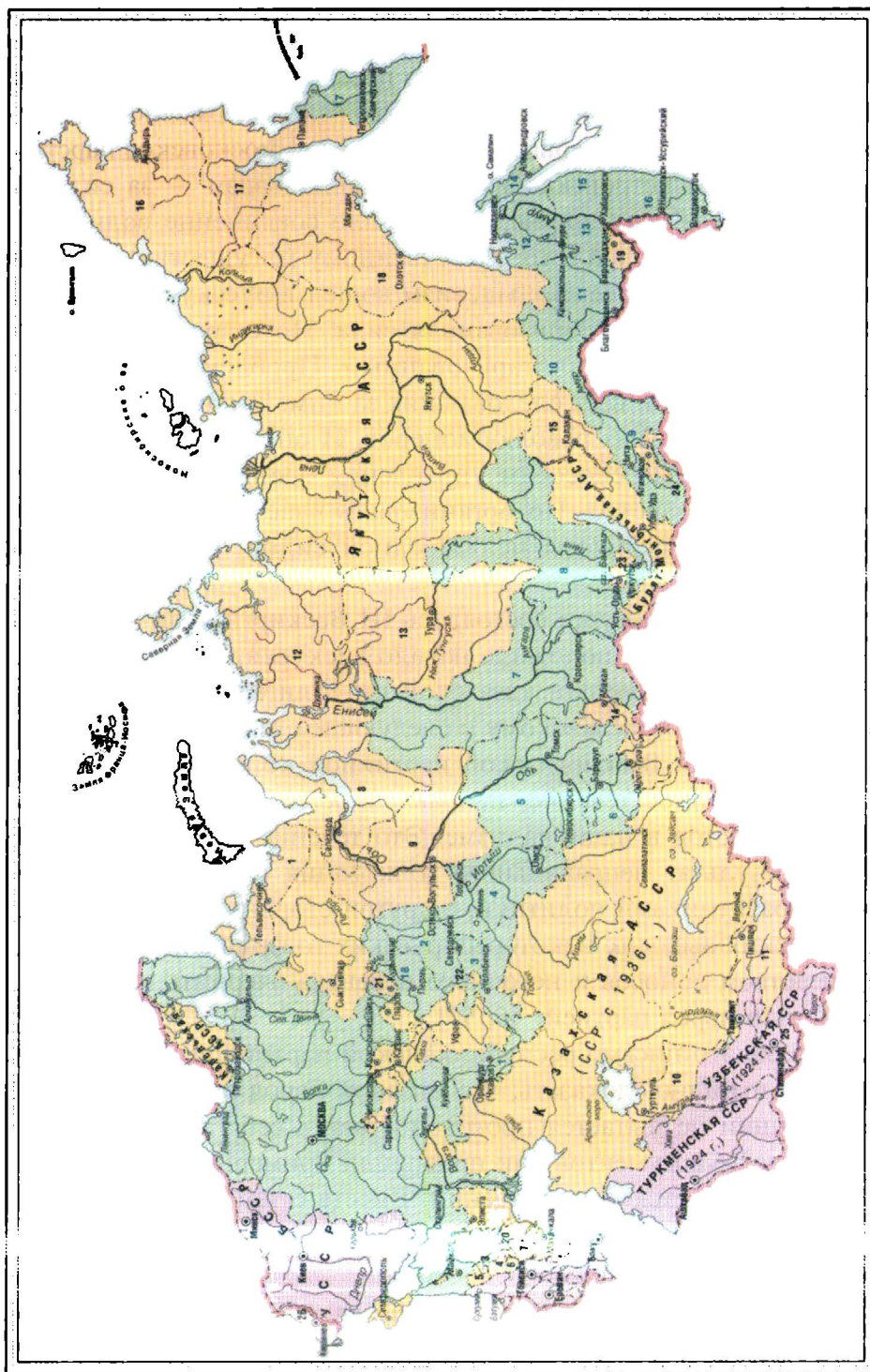
«Л. Троцкий — самый способный, по оценке Ленина, человек в ЦК (Центральный Комитет. — *Авт.*), безусловно, превосходил Сталина в качестве истолкователя марксистских догм, но он явно проигрывает Сталину как политик, — пишет известный историк В.А. Шестаков. — Направляя под флагом демократизации главный удар против «переродившегося, капитулянтского» большинства в политбюро ЦК, Троцкий, по существу, не предлагал никакой позитивной программы... Действительно, пока Троцкий был у власти, он вовсе не был демократом, требуя безжалостного подавления всех саботажников. Значит, своеобразное видение национального вопроса не случайная выходка Л. Троцкого и многих других лидеров большевиков».

Но при этом большевики прекрасно знали, что объединение народов России под любым форматом — это единственный способ остаться у власти. Поэтому с первых дней на повестке дня стоял вопрос о создании между народами экономических и политических связей. «В августе 1922 года, — отмечают исследователи, — для выработки планов сближения союзных республик была создана спе-

циальная комиссия под председательством Сталина. Комиссия рассматривала все предложения от республик. Однако партийно-советский аппарат навязал понимание союза как вхождение советских республик в новое государство. Этот союз был создан благодаря тому, что делегаты съезда, на котором было принято это решение, были в основном из коммунистов (94,1%). Вместе с тем около половины делегатов имели начальное образование, среди делегатов были малограмотные и неграмотные представители. Они были далеки от теоретических построений касательно объективных и субъективных предпосылок развития взаимоотношений между народами бывшей Российской империи. Стремившимся к свободе людям указали преимущества нового объединения, тех, кто не принимал идей, предавали жестокому преследованию. Для примера обязательно преподносили факты из недавнего прошлого, где представители состоятельных слоев демонстрировались в качестве жупела» [1, 168].

Один из лидеров партии большевиков Л.Д. Троцкий

Национальное строительство в 1924-1937 гг.

Обстоятельную аналитическую характеристику природы большевизма приводит крупнейший философ русской послереволюционной эмиграции Н.А. Бердяев: «Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм — за сильное централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая волна оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным. Проблема власти была основной у Ленина и всех следовавших за ним. Это отличало большевиков от всех других революционеров. И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием» [5, 99].

В 1923 году в Оренбурге состоялась III Всекиргизская партийная конференция, которая положила начало дискуссии о казахском национализме. Представители казахской интеллигенции (14 человек) обратились к Е.Б. Ярославскому с следующим письмом: «С первого момента открытия Всекиргизской партийной конференции наблюдается определенное течение, направленное на обвинение киргизских коммунистов в национализме. Это течение является ошибочным как результат неправильного толкования о проводимой киргизскими работниками политики, с другой стороны, вследствие колониаторских выходов некоторых русских товарищей, старающихся посредством доносов и неточного перевода очернить киргизских коммунистов перед партией» [6, 95].

Направляя это письмо республиканской партийной организации, авторы его пытались доказать, что степной народ в лице казахской интеллигенции не пытается противопоставить себя какой-либо нации. В качестве аргументов они приводили примеры активного участия в работе советских учреждений. Вместе с тем они считали неприемлемыми методы властных структур, вынуждающих к послушанию и приспособленчеству.

Взять под жесткий контроль непокорную казахскую интеллигенцию должен был новый партийный миссионер Ф. Голощекин. Вышестоящее руководство намерено было прекратить затянувшуюся

полемику по стилю и методам партийного руководства, поставить под неусыпное наблюдение всю национальную интеллигенцию. Новый ставленник центра, не имевший никакого представления о Казахском крае, специфике экономического уклада, традициях и быте казахского народа, начинает целенаправленную кампанию против местных «националистов».

Несмотря на данные факты, первостепенным связующим звеном в новых взаимоотношениях людей должны были стать и становились дружеские отношения, складывавшиеся между народами на протяжении столетий. Народы страны Советов готовы были к этому. Связанные географическим соседством и культурной близостью, они искренне стремились сообща преодолевать вызовы судьбы. Их не смогли разъединить трагические события времен насильственной коллективизации, когда от голода умирали миллионы людей, а лучшие представители общества становились жертвами репрессий. Суровым экзаменом на прочность стала война. В годы Великой Отечественной войны в ряды советской армии, противостоявшей фашистским захватчикам, влилось почти 2 миллиона казахстанцев, то есть каждый четвертый житель республики отправился на фронт. При этом Казахстан играл ведущую роль в тыловом обеспечении страны — республика давала стране 60 процентов добываемого молибдена, 65 процентов металлического висмута, до 79 процентов полиметаллических руд. В народе всегда будут помнить и ценить тот вклад, который внесли казахстанцы в дело великой Победы.

Однако со временем все успехи на пути социалистических преобразований стали преподноситься как феноменальность русского народа, поведшего за собой все остальные народы, в том числе и казахский. Это, видимо, следует рассматривать как следствие того, что «...нас выгодно было держать в прежнем качестве» [7, 387–388], то есть, Казахстан по-прежнему оставался буферной территорией, базой сырьевого обеспечения наступательных шагов социалистического государства. Поэтому высокопарными выглядели эпитеты относительно Казахстана как «лаборатории дружбы народов», «страны славных целинных эпопей» и другие. Привыкшие видеть Казахстан в качестве одного из главнейших поставщиков сырья, сегодняшние «горе-прорицатели» никоим образом не могли представить само существование Казахстана без твердой руки «старшего брата». При этом они не принимали во внимание то, что в период социали-

стического строя проблема состояла не только в нерешенности экономической самостоятельности Казахстана.

За высокими партийными словами и лозунгами о справедливости, равенстве многие годы накапливалась плесень официальной лжи и исторического самообмана, которые в конце концов привели к «величайшей катастрофе XX века» — развалу СССР. Распаду мощного государства сопутствовали множество причин, федеративное развитие страны, экономическое развитие республик, формирование национальных элит, политизация этничности.

Накапливались противоречия во взаимоотношениях между нациями и народами союзного государства. Русский народ по воле руководителей партии и правительства стал преподноситься как доминирующий и объединяющий этнос в составе СССР. Данные процессы совпали с периодом крайнего усиления идеологического контроля партии, которая превращалась в «военно-идеологический орден, носителя власти в Советском государстве». Избрав первыми объектами нападок сферу культуры (литература, кинематография, театр), перейдя к атаке на «философском фронте», не «забывая по пути» и экономистов, под особый контроль партия взяла общественные науки, особенно их направление, непосредственно связанные с идеологией.

Националистическая кампания была обращена и на переоценку прошлого. Таким образом, практически все деяния даже царской России (особенно все войны, которая она вела) вдруг приобрели справедливый и прогрессивный характер. Колониальные захваты царской России восхвалялись и превозносились как положительное явление. Исследователи вдруг запамятовали, что буквально до начала сороковых годов XX века в исторической литературе царская Россия называлась не иначе как «тюрьма народов».

А.Н. Сахаров, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института Российской истории РАН отмечает: «Сегодня мы часто и много говорим о великой России. А что такое великая Россия? Как понимать понятие «величие России»? Одни считают важным, чтобы нас уважали и боялись, чтобы была огромная страна, сильная армия, сильная промышленность, блестящее образование, прорыв в космос и т. д. Другие говорят, что это величие было, но состоялось оно в отсталой, нищей стране за счет людей. Я считаю, что великая Россия — это прежде всего величие человека» [8].

Свой незатейливый взгляд на современные события излагает в книге «Русский мировой порядок» один из оракулов современной

России Юрий Петухов: «Россию и великий русский народ способна спасти от тотального уничтожения великая национальная идея, достойная великой нации. Только всечеловеческий подвиг спасет саму Россию, наделит ее силой, процветанием и могуществом... Наша святая задача и священная миссия — не только спасти человечество от зверя и бездны, но и обустроить Европу, Азию, Африку и Америку — вырвать страны этих континентов из лап плутократии и «финансовой пирамиды» ростовщиков-олигархов» [9, 9].

«Обустроив» по-своему все страны и континенты, Ю. Петухов вновь обращается к истории России, излагая следующие суждения о временах тоталитарного режима, когда искусственно был возвышен один народ над всеми другими: «Не веря ни единому слову... Сталин мобилизует весь великий народ, всю страну. Враги народа и ее командование, евреи-выродки и инородцы, проводившие карательные операции против русского крестьянства (тухачевские, блухеры, гамарники и прочие предатели и палачи) сурово наказаны. Допускаются лишь две роковые ошибки: первая — не отменен институт комиссарства, вторая — армии, стоящие на западных рубежах, укомплектованы сплошь «интернациональным» составом (узбеки, киргизы, казахи, молдаване, таджики, кавказцы). Первая ошибка приводит к полному хаосу и дезорганизации в первые дни войны — комиссары нелепыми распоряжениями разрушают единую систему обороны. Вторая ошибка приводит к тому, что «интернациональные» дивизии, состоящие из представителей народов, не имеющих навыков постоянного ведения войны, стойкости, сдаются целыми подразделениями — ротами, батальонами, полками, дивизиями, зачастую расстреливая русских, украинских командиров... После этой катастрофы Сталин перестал быть наивным «интернационалистом» [9, 251–252].

Подобные опусы автора приводят к вопросу, почему общество «великих русских» столь легко поддается сомнительным лозунгам «американского экспансионизма», «комиссаров-евреев», «немецкого шпиона и предателя Ленина»? Нужны ли данные сомнительные измышления русскому народу, корни которого своими народными традициями и самобытностью уходят в глубь истории?

Таким образом, реальный союз между национальными республиками не удалось осуществить. Одну из причин этого явления итальянский историк Джузеппе Боффа видел в том, что по мере укрепления позиции социализма должны были усилиться роль и место на-

циональных республик в этом процессе. Однако, как пишет Дж. Боффа, большие права, предоставляемые им, «в определенной степени усилили национализм как реакцию на ослабленный, но не исчезнувший русский национализм, поощрявшийся Сталиным» [10, 497]. И это было в новой общественно-экономической формации, как считает итальянский ученый, когда «район мира, который не знал современной экономики», когда «капиталистический путь, по которому шла промышленная революция народов Западной Европы и американских колоний, оказался во время исторической проверки менее универсальным, чем заставляла верить культура, рожденная этой революцией» [10, 544].

Таким образом, универсальные идеи социалистического толка продемонстрировали наличие широких возможностей для мобилизации энергии народа во имя благих целей, и наоборот, как преступления, совершенные государством, могли породить множество проблем юридического и морального характера. Дж. Боффа пишет: «...Гражданин (советский. — *Авт.*) размышлял не только о законе, но и о своих отношениях с государством... Потребность эта была настолько сильной, что руководство обществом считало себя обязанным отреагировать на него не только потому, что претендовало на роль носителя новой морали, но и потому, что не у властей искал гражданин ценностей, которых был лишен...» [10, 498].

А искать, по нашему мнению, было где: в национальных корнях, национальной самоидентификации. Примерно к такому же мнению заставил прийти советский реализм в свое время и одного из ярких противников советского строя З. Бжезинского. В книге «Великая шахматная доска...» он отмечает, что после Второй мировой войны противостояние, происходившее между СССР и США, должно было решиться в пользу Америки, ибо она превосходила СССР в культурном плане. Американский политолог отметил, что в это же время наблюдался подъем экономики важных союзников США — Японии и Германии. «Россия в культурном отношении вызывала презрение со стороны большинства вассалов в Центральной Европе и еще большее презрение со стороны своего главного и все более неговорящего соседа — Китая, — пишет З. Бжезинский. — Для представителей Центральной Европы российское господство означало изоляцию от того, что они считали своим домом с точки зрения философии и культуры: от Западной Европы» [11, 5].

Но еще неприятней признавать, что были внутренние факторы, отрицательно сказавшиеся на дальнейшем состоянии братства союзных республик. Этого не могли не заметить и те, кто внимательно следил за новым государственным объединением в лице СССР, явившимся, с одной стороны, результатом «десяти дней, потрясших весь мир», но, с другой — не сумевшим отстоять свои завоевания. З. Бжезинский пишет: «...внутри самого Советского Союза 50% населения, не принадлежавшего к русской нации, также отвергло господство Москвы. Постепенное политическое пробуждение нерусского населения означало, что украинцы, грузины, армяне и азербайджанцы стали считать советскую власть формой чуждого имперского господства со стороны народа, который они не считали выше себя в культурном отношении» [11, 5–6].

Государственные архивы (особенно КНБ) содержат множество дел, связанных с национальным вопросом в Казахстане. Подтверждение тому — статья доктора исторических наук Ж. Кыдыралиной, опубликованная на страницах газеты «Нұр Астана» под заголовком «Мединститутта болған «бүлік». В октябре 1965 года студенты казахской национальности высказывали публичное мнение по случаю закрытия казахской формы обучения в Алматинском медицинском институте. Их действия совпали с действиями творческого объединения «Жас түлпар», организованного группой молодых казахов в Москве. Наиболее активными из них были аспирант восточного факультета МГУ им. Ломоносова Мурат Ауэзов, студенты Московского государственного института международных отношений Болатхан Тайжанов, Рижского авиационного института Шамил Ыбыраев, Ленинградского инженерно-строительного института Тимур Сулейменов, Ленинградского электротехнического института им. Ульянова Сарсенгали Коспанов, Московской консерватории им. Чайковского Амангелды Сембин, Московского института связи Софы Сматаев. По сведениям, содержащимся в письме КГБ СССР от 8 марта 1965 года, во время зимних каникул в Алматы прибыли активисты «Жас түлпар» из Москвы, Ленинграда, Украины и Прибалтики. Судя по содержанию данного письма, группа аспирантов, обучающихся в Москве (М. Ауэзов, Б. Тайжанов, Б. Аманжолов, М. Гылманов, М. Жусупов и др.) по четвергам проводили собрания, где предавалось обсуждению демографическое положение казахов, а также выставляли на повестку дня проблему невыполнения тогдашней конституции о государственности [12].

Вместе с тем в многонациональном Советском Союзе были существенные предпосылки для новых идей, а их импульсы, пусть слабые, пронизывали общество, будоражили умы и сердца людей. Вспомним, когда казахский поэт О.Сулейменов высказал мысль о евразийской закваске в своей знаменитой книге «Аз и Я»: Русь и Степь не только враждовали — здесь торговали, заводили знакомства, любили и брали в жены «басурманок» — российские профессора, воспитанные в духе традиционного прочтения «Слово о полку Игореве», потребовали сатисфакции. Тогда вариантов не существовало: жаловались в «Ленинский Центральный Комитет». Олжаса Сулейменова на месте пожурили, но на «съедение» Москве не отдали.

В Казахстане, после антикоммунистических выступлений ша-руа 30-х годов, не было широко развито правозащитное движение. Встречались лишь отдельные факты (беспорядки в Шымкенте в 1967 г., дело Быкова в Алма-Ате в 1967 г., беспорядки в 1979 г. в Целинограде), когда граждане в открытую подвергали сомнению эффективность национальной и социальной политики государства. В Казахстане в 70–80-е годы диссидентство было представлено такими лицами, как М. Кулмагамбетов, Хасен Кожаметов, которые, открыто споря с официальными доктринами, пришли к явному столкновению с аппаратом власти. Махмет Кулмагамбетов был арестован в 1962 году в г. Рудном Костанайской области и осужден по 58-й статье на 10 лет. Свой срок М. Кулмагамбетов отбывал вместе с известными правозащитниками Буковским, Синявским, Гафтом; после освобождения трудился на строительстве газопровода в Сибири, затем эмигрировал за рубеж. В 1983 году М. Кулмагамбетов давал показания на международных слушаниях по вопросам использования принудительного труда заключенных на различных стройках. Длительное время работал в Казахской редакции радиостанции «Свобода», где с критических позиций оценивал экономическую, социальную и национальную политику КПСС, советского правительства. Деформации в области национальной политики, попытки ассимиляции и «русификации» народов, проживающих на территории СССР, в том числе и Казахстана, вызывали возмущение и недовольство многих граждан республики. Но лишь немногие отважились выразить открыто, как он, свой протест. Одним из тех, кто открыто выражал свое отношение к политике властей, был Х. Кожаметов. Проживая и работая в г. Иссык Алма-Атинской области, он в период с осени 1975 года по апрель

1977 года систематически занимался «самиздатовской деятельностью». За указанный период Х. Кожаметов с целью распространения среди населения своих взглядов и идей по переустройству общества размножил на казахском языке 670 экземпляров статей и воззваний, где подвергал сомнению и критиковал национальную и социальную политику КПСС. 29 апреля 1977 года он с целью распространения изготовленных листовок приехал в Алма-Ату, где при попытке передачи обращений студентам зооветинститута был задержан и передан в органы КГБ. Решением Алма-Атинского областного суда от 30 ноября 1977 года был осужден по статье 170-1 Уголовного Кодекса Казахской ССР к двум годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Ему также вменялась в вину попытка создания общественной организации «Жас казах». Вторично Х. Кожаметов был осужден 22 апреля 1987 года за участие в декабрьских событиях 1986 года. Он был обвинен в совершении преступлений, предусмотренных статьями 60 и 65 УК Казахской ССР. Кардинальный поворот, произошедший в советском обществе в конце 80-х — начале 90-х гг., позволил Х. Кожаметову получить реабилитацию. В 1990 году судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда республики оба приговора в отношении Кожаметова Хасена Карибжановича отменила за отсутствием в его действиях «состава преступления». На наш взгляд, в новейшей истории Казахстана было совершено немало несправедливых судов за инакомыслие, политическую оппозицию над гражданами Казахстана; причем состав осужденных был интернациональным.

В декабре 1986 года казахский народ со своими сторонниками в лице представителей других национальностей резко выразил недовольство против бесчинства властей, уже открыто игнорировавших интересы народов СССР. Это был не стихийный бунт, как считают некоторые современные исследователи. Появление на партийно-государственной сцене Казахстана нового «варяга» в лице Г. Колбина означало, что центральное руководство страны вместо поиска новых путей разрешения накопившихся в стране социально-экономических проблем вновь пошло по пути выдвижения серых масс в партийное руководство страны, в том числе Казахстана. Это было уже не ново. Советский народ уже претер-

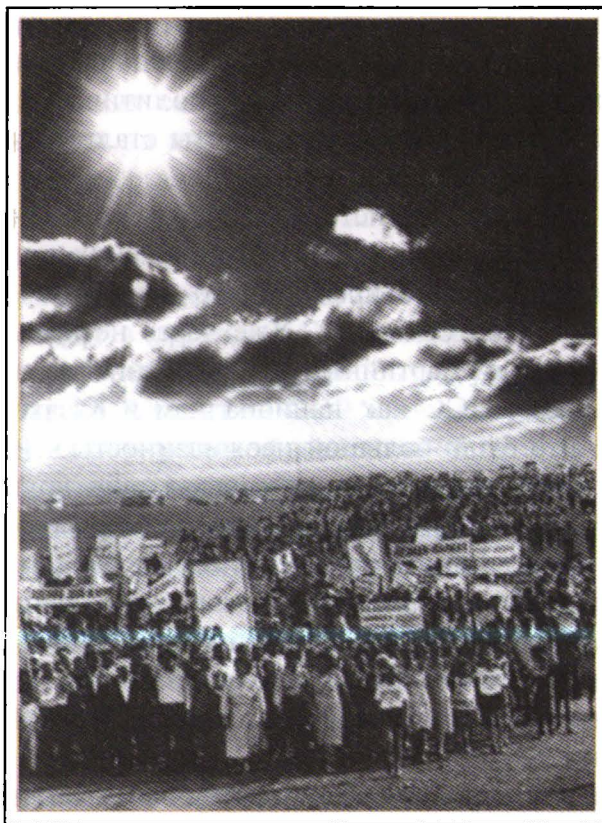
пел над собой подобный эксперимент, когда руками «шолак белсенділер» («куцых активистов») удалось ликвидировать лучшие умы общества: ученых, военных, политических лидеров всех народов СССР, а затем неучи-активисты стали во главе преобразовательных процессов.

Не будем углубляться в историю декабрьского противостояния в Казахстане, ставшего началом демократических преобразований в республике, защищавшего прежде всего национальные чаяния народа. Скажем только об одном. Уже через несколько дней после декабрьских событий партийный центр оценил их в принятом постановлении ЦК КПСС как национализм в **Казахской** партийной организации. Это было большой неожиданностью. Ибо до этого во всех официальных партийных документах шло другое наименование: «**Казахстанская** партийная организация», работающая под эгидой КПСС.

Казахский народ в декабре 1986 года впервые вынудил Центральное руководство партии коммунистов признать публично, что в СССР не был решен самый главный социальный вопрос — национальный. Парад суверенитетов начался по объективным причинам именно с Казахстана.

В развертывании процессов демократии в Казахстане следует особо подчеркнуть роль интеллигенции, которая стала за короткие сроки центром притяжения оппозиционных настроений. Наиболее отрицательно к практике «советского социалистического строительства» была настроена молодая по возрасту ее часть, которая в условиях постепенного падения «железного занавеса» оказалась наиболее подготовленной для восприятия либеральных ценностей и их приложения в конкретных казахстанских условиях. Организационному оформлению оппозиции в Казахстане и способствовали декабрьские события 1986 года [13].

То, что власти применили силовые методы, привело к открытой конфронтации. Использование всей мощи административных, силовых, пропагандистских методов подавления государством инакомыслия породило открытые антикоммунистические настроения. В политической истории Казахстана начался новый отсчет времени, когда населением общественно-политическая жизнь республики стала оцениваться через призму декабрьских событий 1986 года. Более того, данные события стали постоянным детонатором общественной активности казахской молодежи.

Митинг движения «Невада–Семипалатинск» (1990 г.)

Участники декабрьских событий и сочувствующие им стали инициаторами создания неформальных общественных движений: «Желтоксан», «Азат», «Жер уюк». Неформальные политические союзы Казахстана можно классифицировать по следующим критериям. По территориальному признаку в первые годы перестройки были созданы такие международные движения как «Некст-Стоп», мощное антиядерное движение «Невада—Семипалатинск». Союзные организации на территории Казахстана были представлены отделениями Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал», Хельсинкского союза по правам человека, союза «Чернобыль» и др.

Вследствие целого ряда как объективных, так и субъективных причин в Казахстане либерализация политического климата развивалась мирным путем. Оппозиционные КПСС движения «Азат»,

«Желтоксан», Социал-демократическая партия имели возможность для проведения своих политических акций, выпускали газеты, вербовали сторонников. И все же практически все ключевые должности занимали представители Компартии Казахстана. Хотя и в среде коммунистов возникали разногласия, так, летом 1989 года был создан Алма-Атинский городской клуб избирателей «Кенес», инициаторами открытия которого выступили члены КПСС Анатолий Сафронов, Садык Абдрахманов, Виктор Мезенцев. На заседаниях клуба уже в открытую говорилось о неспособности КПСС быть «руководящей и направляющей силой советского общества», звучали призывы к реформированию Коммунистической партии Казахстана. Если в 1987–1989 годах главным направлением демократически мыслящих лидеров КПСС было стремление найти пути и способы активизации народа, создания массовой поддержки реформ «снизу», то к 1990 году ситуация принципиально изменилась. Общественные движения сами стали оказывать давление на политические институты, в первую очередь на организации Компартии Казахстана.

Ключевым моментом в реализации курса демократизации общественной жизни стало продвижение реформы политической системы, суть которой сводилась к созданию эффективно действующих механизмов демократического народовластия. Но к 90-м годам XX века в Казахстане еще не была кардинальным образом решена проблема достижения независимости и построения демократического общества с присущими ей элементами: разделением ветвей власти, свободной печатью, независимыми выборами, устоявшейся многопартийностью. Судьба Казахстана по-прежнему решалась в Москве. Многие вопросы общественной жизни по-прежнему решались на основе рекомендаций партийных органов.

Американский ученый Дж.М. Джэнссуолд отмечает, что на данном этапе также возникли следующие противоречия: в вопросах о национализме и национальной идентичности; в вопросах и спорах о распределении ресурсов, органически привязанных к национальному вопросу. С одной стороны, немало русских с неодобрением относились к большим инвестициям, вливаемым в экономику союзных республик, с другой стороны, республики были недовольны московской политикой распределения. Излишняя бюрократизация и несправедливость в распределении в массовом порядке порождали коррупцию и взяточничество, вызывавшие недовольство на местах.

Также в данный период русские национальные движения в 80–90-е годы не смогли стать опорой разваливающегося СССР. Во многом это обстоятельство объясняется усилением недовольства социальной политикой КПСС русского населения, раздражением на действия высшего политического руководства во главе с М.С. Горбачевым. Нерешенность многих вопросов национальной политики в совокупности с иными проблемами сыграли важную роль в дезинтеграции СССР. Именно эти процессы, развившиеся вне аппарата управления, предопределили агонию советской системы, утверждает исследователь.

Таким образом, исследование тенденций и динамики развития Казахстана в составе СССР, в период так называемого «развитого социализма», позволяет констатировать, что к началу 70-х годов по всей стране, в частности по Казахстану, наметилась неблагоприятная социально-демографическая ситуация, выразившаяся в падении средней продолжительности жизни населения, резкой диспропорции показателей рождаемости и смертности населения вкупе с негативными процессами социального характера. Во второй половине 80-х годов изменение статусных позиций этнических общностей привело к обострению национальных противоречий, межэтнической напряженности, особенно между представителями автохтонного и русского населения. Но в силу специфических и объективных причин в Казахстане межэтническая напряженность не переросла в открытое противостояние, как это случилось в Закавказье, Молдавии.

По мнению современных исследователей, к моменту приобретения независимости бывшими союзными республиками наиболее актуальными стали вопросы о национально-государственных общностях. Как отмечала руководитель Центра российско-казахстанских исследований ИНИОН доктор политических наук И.И. Глебова: «Особое напряжение эти вопросы приобрели в постсоветской России. Причина ясна. СССР был не просто центром «социалистического лагеря», но и единственной страной, которая произвела «реальный социализм» («социализм с тоталитарным лицом») из себя, без посторонней помощи. Для России, вышедшей из СССР, проблема поиска «образа себя» оказалась непосредственно связана с выбором пути развития» [14, 6–7].

«После распада СССР Н.А. Назарбаев стал перед выбором различных моделей развития страны. Долгое время он стремился дер-

жаться рядом с Россией, в одном экономическом пространстве, даже в рублевой зоне... Правда, многие его представления о мире с тех пор претерпели существенные изменения, да и Казахстан стал другим», — писала Ольга Видова в своей книге «Нурсултан Назарбаев. Портрет человека и политика» [15, 296–297].

И если Казахстан и Россия демонстрируют в настоящее время эффективную модель двустороннего сотрудничества, то это яркий пример того, как эти два государства сумели сориентироваться в суровых условиях после развала СССР и вышли на новый путь налаживания отношений по принципу «Ближний сосед лучше дальней родни».

Список использованной литературы

1. Шестаков В.А. Новейшая история России. Владимир: ВКТ, 2008. 479 с.
2. Народы Казахстана. Энциклопедический справочник. Алматы: Арыс, 2003. 352 с.
3. Аяган Б.Г. Апогей и закат советского социализма. Казахстанский полигон. Алматы, 1999. 147 с.
4. Троцкий Л.Д. Меморандум Льва Троцкого//Родина. 1990. № 10.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
6. Михайлов В. Хроника Великого джута. Алматы, 1990.
7. Назарбаев Н.А. Рынок и социально-экономическое развитие. М., 1994.
8. Аргументы и факты. 2010. 1 августа.
9. Петухов Ю.Д. Русский мировой порядок. М.: Алгоритм, 2008. 304 с.
10. Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.:/Пер. с итальянского. М.: Международные отношения, 1990. 632 с./Аргументы и факты. 2010. 21 августа.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. С. 112.
12. Кыдыралина Ж. Мединститутта болған «бүлік»//Нұр Астана. 2009. № 2.
13. История Казахстана. Очерки. Алматы, 1993.
14. Глебова И. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в постсоветской России//Россия и современный мир. 2009. № 1 (62).
15. Видова О. Нурсултан Назарбаев. Портрет человека и политика. Алматы, 1998.

Глава 5

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОИСКИ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Как считают ученые, глобализацию необходимо рассматривать как общемировую экономическую, информационную и культурную тенденцию, нивелирующую национальную самобытность исторических культур народов мира. Подобное суждение вытекает, очевидно, из последствий глобальных процессов, повлекших за собой в различные исторические периоды особые изменения масштабного характера: доминирование той или иной идеологии, поглощение империями государств. Российский ученый А.Я. Флиер считает, что тенденция культурной глобализации с началом нового времени вступает в имперский этап. Включая Россию, а позднее и СССР в число империй, он пишет: «...власти подобных империй, как правило, не вмешивались в культуру... народов, но самым категорическим образом навязывали им единый язык официального делопроизводства, единых распоряжений, единую систему государственных законов» [1, 123].

Например, в так называемой дружной семье народов обязательный язык для всех этносов становился «гарантирующим условием» образования, престижных профессий и должностей. И это вело к появлению фобических настроений. Фобическое мировосприятие, в свою очередь, стачивало нравственные устои общества: постепенно разрушался естественный процесс взаимообогащения культур, заведомо формируя неприятие нормального обмена духовны-

ми ценностями и недоброжелательное отношение к инациональной культуре. Сегодня нет однозначного подхода к освоению целины, вовлекшему в свою орбиту огромное пространство Казахстана. Целинная эпопея, мало чем отличающаяся по содержанию от переселенческой политики царского самодержавия (и там, и здесь — проблема продовольствия, разрядка политической атмосферы), процесс переселения массы людей в Казахстан, а затем переселение самих казахов в коллективные хозяйства, превращение традиционных пастбищных угодий в пахотные, — эти результаты вызывают неоднозначное отношение. В свое время мы по этому поводу писали: «Практика сегодняшнего дня требует изучения проблемы целины не только в плане показа одних ее положительных сторон. К этому вопросу пора подходить не только в том плане, что сделано, а в том, что можно сделать и как это сделать лучше» [2].

Поэтому перед исследователями все чаще возникает дилемма, одним из главных параметров которой становится необходимость определения в условиях глобализации твердых устоев нравственного понимания дружественных взаимоотношений и делового равноправного партнерства в различных областях общественного развития. Глобальная цивилизация, по мнению исследователей, может заявить о себе, утвердить себя в качестве феномена культуры [3, 159]. Универсальная природа данного феномена была заметна по положению, которое занимала историческая наука и литература России, Казахстана и других стран бывшего СССР. Читателям были хорошо известны имена лучших представителей творческой интеллигенции, их сочинения, переведенные на русский язык, доступны были любому. Великолепные произведения М. Ауэзова, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова, О. Сулейменова были знакомы в советское время практически всем. Теперь же развитие и распространение историко-художественной литературы в широком масштабе крайне затруднено, прежде всего, из-за барьеров в пространственном и языковом отношениях. Научные труды по актуальным проблемам исторической науки, новые подходы в развитии национальной культуры, художественно-литературные достижения, если даже и доходят до читателей соседних государств, то в отрыве от главного контекста.

К примеру, при проведении исследований относительно истории формирования польской диаспоры в Казахстане (Астрахань-

ский район Акмолинской области), где компактно проживают поляки, мы задали им вопрос: «Как жили и трудились вы в советское время, как вам живется сейчас?». Ответ прозвучал так: «В экономическом плане лучше живем сейчас, духовно жили хорошо в советское время».

По некоторым статистическим данным, в течение 1990-х годов в Россию из стран СНГ прибыло около 3 млн мигрантов, в том числе без малого 1,9 млн человек только из Казахстана. Руководитель центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма института социологии РАН профессор Э.А. Паин считает, что «...беспрецедентный по мировым масштабам и мирного времени миграционный поток остался почти незамеченным в политической жизни страны (в начальный период, именуемый в российской научной литературе эпохой революции, или периодом правления Б. Ельцина. — *Авт.*). Напротив, в «эпоху стабилизации (так характеризуется время президентства В.В. Путина. — *Авт.*) проблема выдворения русских из бывших союзных республик стала одной из самых расхожих тем в политическом обиходе» [4, 123]. Эти данные вновь подтверждают необходимость проведения новых исследований в области межнациональных отношений на современном этапе.

В этой же статье содержатся небезынтересные результаты социологического опроса жителей России. Так, в начале распада СССР зона актуального интереса россиян за пределами России ограничивалась лишь двумя славянскими республиками — Украиной и Белоруссией, а также Казахстаном, который продолжал восприниматься как *наполовину русская страна* (выделено нами. — *Авт.*). В 2002 году по сравнению с 1998 годом увеличилось число приверженцев радикально-националистических тенденций: с 45 до 55% [4, 123]. Как отмечает ученый, в эпоху стабилизации все более популярными стали представления о комплексе обид, нанесенных русскому народу, со стороны «иных народов» [4, 126].

В журнале «Общественные науки и современность» опубликована статья Э.С. Кульпина: «Две смуты: опыт сравнения». Автор публикации анализирует причины, приведшие к распаду некогда мощной империи — Золотой орды, и период выхода из смутного времени Московского государства. На наш взгляд, содержателен вывод. Даже в Средневековье, как отмечает автор, с его слабыми торговыми отношениями, «богатое и процветающее общество и государство, в максимальной мере включенные во внешнеторговые связи, но не-

достаточно интегрированные,.. могут саморазрушаться... Напротив... государства,.. консолидированные этнически и идеологически, способны не только преодолеть тяжелейший... кризис, но и выработать «формулы» социально-экономической стабильности и социально-политического договора, обеспечив себе трудное, но неуклонное развитие» [5, 203].

Итак, глобализация, с одной стороны, может служить отталкивающим фактором, так как в отдельных исторических условиях данный процесс становился причиной исчезновения особенностей национальной культуры и истории, превращая целое общество в «серую массу» манкуртизированных людей. Вместе с тем наиболее приспособленное к культурной интеграции общество стимулировало культурный подъем народов. Известно, что в XVI веке казахский хан Касым одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности определил сближение с Московским княжеством. Символично, что именно тогда австрийский посол Герберштейн в своих письмах сообщал о появлении на исторической арене новой этнической общности — казахов.

Выделившись из так называемой татарской общности, известной европейцам благодаря трудам Марко Поло, Гильома Рубрика, Плано Карпини, впервые этноним «казах» доходит до Европы через Русское государство. Россия становилась связующей нитью между Европой и Казахстаном. Первые памятники тюркской письменности стали открытием благодаря «засылке» в Сибирь Петром I немца Мессершмидта. Именно ему в начале XVIII века удалось обнаружить «руническую письменность», ставшую основой дешифровки «Кюльтегинской надписи». В Петербургском архиве РАН хранятся рукописи ученого-путешественника, доктора медицины Даниила-Готлиба Мессершмидта, содержащие сведения историко-этнографического характера о тюркских народах, в том числе и о казахах. Остается лишь сожалеть, что труды таких ученых не в полной мере попадали на страницы печати, а вырванные из общего контекста сюжеты не всегда способствовали раскрытию объективной картины прошлого. Труды европейских ученых представляют большой интерес, потому что их содержание в свое время вызывало определенную дискуссию, в том числе и по вопросам русско-казахских отношений. В 1788 году «ложь и клевета... грубые во всех родах ошибки» заставили отставного генерала Ивана Болдина написать двухтомное критическое обозрение труда Лек-

лерка. Автор писал, что «насильственное исправление нравов опасно. Желаящему исправлять нравы должно иметь великое желание человеческого сердца». Ибо казахи «...хотя и называются подданными России... управляются своими обычаями и начальниками... и в деяниях своих никому отчета не дают... и что киргизкайсаки никогда не были ожесточены противу России, не имели к ней злобы».

В современной исторической науке отсутствует всесторонний, объективный анализ истории становления и развития взаимоотношений России и Казахстана. А ведь в истории русско-казахских отношений немало примеров, свидетельствующих о взаимовыгодном сотрудничестве между ними не только по политическим вопросам. Задача историков-исследователей донести их до сегодняшнего общества, руководствуясь главным принципом — принципом историзма.

Вопрски известной формуле о наличии вечных интересов и отсутствии вечных друзей, Казахстан и Россия — страны, которым судьбой определено быть вечными друзьями. Таков вердикт истории, свидетельствующий о длительном пути совместного существования двух народов. С первых дней независимости Президент Н.А. Назарбаев определил отношения с Российской Федерацией приоритетом и все эти годы Казахстан твердо привержен своим союзническим отношениям. Отрадно то, что высшее руководство Российской Федерации видит в лице Казахстана своего ключевого союзника и надежного делового партнера.

Сегодня Россия активно и успешно восстанавливает позиции в мире, подкрепляя свой международный авторитет не только военным потенциалом, но и поступательным ростом экономической мощи и результативной внешней политикой. Казахстан искренне приветствует успехи великого соседа и исходит из того, что процветающая демократическая Россия — это благо как для Казахстана, так и для всего мира. Ибо следует помнить, что принятие тех или иных решений всегда выходило за рамки исключительных прерогатив отдельного государства и должно происходить в контексте общих интересов государств, находящихся в определенном регионе и имсющих общие экономические и другие интересы, обеспечивающие государственную безопасность в силу этнополитических проблем не только одного государства. И здесь главная ответственность ложится на государство, которое должно выступать гарантом правильности из-

бранного страной курса на сближение с другими субъектами международного процесса.

Так, например, из 30 тысяч вопросов, поступивших на «прямую линию» с Главой государства в декабре 2009 года, более 300 относились к сфере внешней политики. Казахстанцев в первую очередь интересовал широкий круг вопросов, касающихся основных направлений внешнеполитической деятельности государства, двусторонних отношений с региональными соседями и т. д. Чрезвычайно высокая актуальность темы казахстанско-российских отношений просматривается на примере заданных вопросов: «Как оцениваются перспективы и текущий уровень взаимоотношений Казахстана с Российской Федерацией? Какие проблемные моменты и подводные камни здесь можно заметить?», «Почему государственными органами Казахстана не предпринимаются меры, когда граждане Казахстана подвергаются насилию со стороны экстремистских группировок (скинхедов) в соседней России и даже лишаются жизни на национальной почве?», «Почему наш МИД проигнорировал реплику А. Проханова о том, что «исконные земли России, Беларуси, Украины и Казахстана возвратятся назад в Россию»?». Эти и многие другие вопросы, поступившие после телеобщения Президента с народом, — не просто возмущение негативными явлениями, имевшими место в отношениях между Казахстаном и Россией, но свидетельство и глубокой озабоченности и заинтересованности со стороны простых жителей, причем не только Казахстана [6].

В начале 1990-х годов Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев отмечал: «...у нас еще до сих пор многие путают причину и следствие, цели и средства их достижения... К великому сожалению, мало кто... берется проанализировать весь спектр причин... и уникальность переживаемого нами периода» [7, 386]. В тот момент, когда Президент с этими словами выступал перед депутатами Верховного Совета, никто не предполагал, что очень скоро уже независимым республикам предстоит решать все эти проблемы в условиях глобализации международных отношений.

По многим объективным и субъективным причинам союзные республики, в том числе и Казахстан, отказавшись от советских принципов объединения, вступили на путь самостоятельного развития, пошли по пути определения современных методов связи между государствами. Теперь перед исследователями все чаще воз-

никает задача выявления и определения в новых условиях тех основ взаимопонимания, дружественных взаимоотношений и делового равноправного партнерства в различных отраслях общественного развития, которые должны стать базовыми для идей, выдвигаемых руководителями государств и которые могут стать образцом взаимоотношений между всеми государствами глобализирующегося мира.

Как отмечают исследователи новейшей истории России: «В прогнозируемый период с территории бывшего СССР исчезнут политико-экономические реликты совместного советского прошлого, ныне еще позволяющие рассматривать страны, расположенные на этом пространстве, как единое целое. Совокупность государств, объединенных историческим наследием, экономическими связями и типом политической системы, перестает существовать в качестве отдельного целостного региона, хотя и сохраняет культурно-цивилизационную общность. Переход к отношениям, основанным на принципах международного права и рыночной экономики, становится ведущей тенденцией на постсоветском пространстве. Новые независимые государства, развивая свои собственные внешнеэкономические связи и выстраивая систему долгосрочных союзов, уже действуют в рамках геополитических и геоэкономических регионов, центры которых часто расположены за пределами границ и даже зон влияния бывшего Советского Союза» [8, 8].

Взоры аналитиков, ведущих мониторинг межгосударственных отношений, были обращены на Казахстан и Россию, отношения между которыми с 90-х годов прошлого столетия приобрели новый импульс. «Казахстанско-российские переговоры... можно считать новым важным этапом отношений наших государств. Россия выбрала путь демократии и рыночных реформ, окончательно отказалась от имперских притязаний бывшего Союза. И это вызывает удовлетворение. На деле строить стратегические добрые отношения с Россией — это в интересах нашего народа», — так писал Н.А. Назарбаев в своей работе «Рынок и социально-экономическое развитие», сделав акцент на установление дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. 22 октября 1992 года был подписан Протокол об обмене полномочными представительствами [7]. «Сегодня мы с удовлетворением можем констатировать, что все эти годы российско-казахстанское сотрудничество интенсивно развивалось по всем на-

правлениям — начиная с политического и экономического взаимодействия и заканчивая гуманитарными и культурными связями. За небольшой, по историческим меркам, период странам совместно удалось сделать очень многое. Поэтому нет ничего удивительного в том, что отношения между Россией и Казахстаном многими политиками, экспертами и журналистами рассматриваются как образцовые».

Следует отметить, что именно Н.А. Назарбаев и наиболее прогрессивная часть политической элиты Казахстана и России осознали старую истину, что демократией надо управлять, а не пускать ее на самотек, как это произошло в 80-е годы в период правления М. Горбачева. При этом особое внимание уделялось роли государства как локомотива модернизационных процессов.

«Казахстанско-российские отношения сводятся к простой формуле, определяющей полное совпадение интересов: «Казахстан не может обойтись без России, но и Россия вряд ли обойдется без Казахстана», — отмечает К.К. Токаев. — Благодаря кропотливой дипломатической работе, подкрепленной встречами и контактами высших руководителей, Казахстан и Россия создали беспрецедентный потенциал взаимовыгодного сотрудничества и вошли в XXI век стратегическими союзниками, которые объединены узами вечной дружбы. Это в высшей степени важно для будущего существования народов двух государств. Стабильные добрососедские отношения между Казахстаном и Россией являются весомым фактором долговременной и прочной безопасности на обширном пространстве Евразии. Кроме того, сотрудничество между двумя соседними странами в значительной мере обеспечивает стабильность Содружества Независимых государств как крупного регионального объединения» [9, 85].

Знаковым событием следует считать подписание 25 мая 1992 года президентами двух стран Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, заложившего прочный фундамент официальных межгосударственных взаимоотношений и ставшего правовой базой практически всего спектра двустороннего сотрудничества. В этом документе зафиксировано, что Россия и Казахстан опираются на исторически сложившиеся прочные связи двух государств и на этой основе строят свои дружественные отношения. Это был новый документ, юридически подтверждающий «основные принци-

пы и направления сотрудничества двух новых субъектов международных отношений» [10, 208].

Таким образом, Казахстан впервые в своей истории вступал в равноправные отношения с Российским государством. Ученые Института истории государства, авторы учебника «Современная история Казахстана» отмечают в этом контексте основополагающее значение в казахстанско-российских отношениях Декларации «О вечной дружбе и сотрудничестве», подписанной сторонами в 1998 году. Именно этот документ дал толчок положительному решению ряда существовавших проблем между Казахстаном и Россией, в том числе в финансовой сфере, в совместном использовании космодрома «Байконур». Декларация имела огромное значение, став началом успешного определения границ между двумя государствами в период президентства В.В. Путина [11, 334–335].

Вместе с тем следует учесть, что это официальная сторона отношений между двумя странами. Другая сторона — это отношения между гражданами этих государств. К большому сожалению, новая Россия не сразу смогла отойти от искусственного противопоставления народов. Одну из причин такого явления некоторые исследователи видят в теллуροкратической политике, характерной для прошлой России (с 1917 года — Советская Россия). В новых условиях она приобрела новый идеологический мотив и стала в тот период более агрессивной, чем во времена Российской империи, считает Виктор Дубовицкий, доктор исторических наук, эксперт «Фергана. РУ». По его мнению, подобное особенно присуще было эпохе Ельцина, когда российские политики «во многом напоминали младотурок времен раннего Кемаля Ататюрка, которые жаждали из огромной Оттоманской империи вычленить Турецкую республику».

Идейной и мировоззренческой платформой (конечно, негласно) пришедших к власти в начале 90-х годов российских либералов были установки А. Солженицына, представленные на страницах газеты «Комсомольская правда» от 18 сентября 1990 года в статье под названием: «Как нам обустроить Россию». В ней всегда отличавшийся сдержанностью и интеллигентностью политик, за что его приветствовали не только россияне, внезапно дал волю своей безудержной фантазии: «Сегодняшняя огромная его (Казахстана. — *Авт.*) территория нарезана была коммунистами без разума, как попадая: если где кочевые стада раз в год проходят, —

то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем не важно, где границы проводить, — еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый назвал вопрос границ «даже десятистепенным». До 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразованных и восстроенных русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня в раздутном Казахстане казахов меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом».

Президент РК Н.А. Назарбаев и Президент РФ Б.Н. Ельцин.
Москва, 25 мая 1992 г.

По этому поводу К. Токаев в своей работе «Свет и тень» пишет: «...в начале 90-х годов в полную силу действовал имперский синдром, миллионными тиражами расходилась статья А. Солженицына «Как нам обустроить Россию», в которой северные области Казах-

стана назывались «южной Сибирью». Набирали обороты воззвания В. Жириновского к «русскому народу ближнего зарубежья». Данные тенденции во внутренней политике, конечно, сказывались на внешней стратегии России» [12, 263].

К сожалению, эпигоны Солженицына не унимаются. Некоторые примеры по этому поводу мы приводили в начале своей работы. У русского народа имеется пословица: «О мертвом либо хорошо, либо ничего». Жаль, что славное имя одного из виднейших старцев, «завоевавшего мировую известность» борца за демократию, автора знаменитой повести «Один день Ивана Денисовича», человека, заставившего призадуматься самого Н.С. Хрущева — Александра Солженицына мы вынуждены отнести к числу противников казахской государственности. У Джузеппе Боффа читаем: «Главный редактор «Нового мира» Твардовский, защитник Солженицына и его повести был одним из проникательных деятелей культуры и политики тех лет... Он поощрял сотрудничество в своем журнале весьма критически настроенных людей, например Солженицына. Он был убежден, что их слова могут и должны стимулировать общие усилия, направленные на дальнейшее развитие страны и социалистического общества». Казахи же говорят: «Жабулы қазан, жабулы күйінде қала берсін» (смысловой перевод — «Нежелательно возвращаться к давно сказанному»).

Но здесь иной случай. Речь идет о судьбе нации, целого народа, историю которого иные до сих пор не желают принимать как многовековую. Мы обращаемся к фактам. Целенаправленные действия людей типа Солженицына, некогда способствовавшие развитию в обществе демократии, как ни странно, в новых условиях становятся флагманом квазинационализма.

Приведенный пример — еще одно подтверждение того, что отдельные направления исследования казахстанско-российских отношений (на различных этапах) все еще находятся под влиянием советской методологии изучения как исторического прошлого, так и современных взаимоотношений между теперь уже независимыми государствами. Теперь уже становится ясным, что в свое время начавшаяся по воле верхов «националистическая кампания была обращена и на персценку прошлого..., — писал Дж. Боффа. — Хотя пропагандируемый патриотизм чаще всего определяли как «советский», а не просто как «русский», но ведущей национальной силой страны оставалась Россия» [13, 332].

Россия, как великодержавная страна, трудно воспринимала новые реалии жизни. Особенно то, как вчерашние никем не замечаемые союзные республики вдруг приобрели суверенный статус и без ведома Москвы стали принимать самостоятельные решения. Это было заметно по тому, с какой легкостью относились некоторые руководители высшего ранга России к преобразованиям в независимых республиках. К.К. Токаев, например, приводит следующий факт: «...в 1993 году МИД получил срочное задание организовать визит в Алматы нового премьер-министра России В. Черномырдина. Мы постарались сделать так, как это принято в международной протокольной практике. Российского премьера решили принимать как высокого иностранного гостя. Далеко не все тогда одобрили действия внешнеполитического ведомства... Кстати, и сам В. Черномырдин оказался не готовым к такому приему. Мидовскому протокольщику, который поднялся на борт самолета, чтобы приветствовать высокого иностранного гостя, он сказал: «Вот делов наворотили. Казахстан — уже за граница!» [10, 214].

Президент РК Н.А. Назарбаев и Президент РФ В.В. Путин.
Москва, 19 марта 2007 г.

Но время расставило все на свои места, завершалась «эпоха Ельцина», в период правления которого получили развитие новые тенденции в российско-казахстанских отношениях. Приход к власти энергичного, деятельного В.В. Путина придал новый импульс дву-

сторонним отношениям, предоставил новые возможности для укрепления многогранного сотрудничества с Россией. В двусторонних отношениях наступил этап активных личных контактов президентов и достижения новых договоренностей. Как отмечают аналитики, В.В. Путин совершил более 20 визитов в Казахстан. И ему принадлежат сказанные однажды слова: «Я скоро поселюсь у вас».

Символично и то, что преемник В.В. Путина — Д.А. Медведев свой первый официальный визит совершил именно в Казахстан.

В то же время реликты недавнего прошлого, противоречия советского периода, порой приводили к неадекватному восприятию новых преобразовательных процессов в Казахстане, так же как к появлению фактов противопоставления Казахстана и России. Эти вопросы становились предметом обсуждения между представителями научного мира, общественными деятелями. В то же время вопрос о том, как будут развиваться отношения между бывшими союзными государствами, несомненно был наиболее важным и не однажды становился предметом бурного обсуждения. Отмечая особую важность процесса становления взаимоотношений России с постсоветскими государствами, Касымжомарт Токаев приводит в своей работе «Свет и тень» следующие факты: «Вспоминается любопытный эпизод, произошедший во время научно-практической конференции в Астане с участием президентов Казахстана, России и глав некоторых других постсоветских стран. Внимательно читавший программу конференции В. Путин вдруг резко, во всеуслышанье заявил: «Эту бумагу готовили враги Назарбаева». В ответ на мертвую тишину он продолжил: «Здесь Россия значитесь как вне-региональная сила наряду с США и другими силами. С каких пор мы стали внерегиональными?» [10, 295].

По словам К. Токаева, это было глубоким упреком тем, кто занимался организацией и подготовкой той конференции, и по существу Президент России В. Путин был прав. Мы бы позволили себе дополнить сюжет и сказать, что лишь пройдя «через тернии», Казахстану и России удастся поставить твердую точку над многими проблемными вопросами. Если первые воспоминания К.Токаева опубликованы в книге, изданной в 2007 году, то в работе «Преодоление...», вышедшей в 2009 году, К. Токаев пишет: «Москва... из-за неадекватности своих представителей утратила исторический шанс сохранения и укрепления своего влияния на постсоветском пространстве» [10, 215].

**Первый официальный визит Президента РФ Д.А. Медведева
в Казахстан. Астана, 2008 г.**

При Президенте России В. Путине на смену изоляционизму в отношении государств Центральной Азии пришло понимание, что уход России из региона в корне противоречит интересам самой России. Хотя на этом пути порой также возникали сложности и противоречия. К примеру, в свое время (1995 г.) между двумя государствами были подписаны документы огромной значимости: Договор о правовом статусе граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации и аналогичный документ касательно граждан Российской Федерации, проживающих на территории Казахстана, а также Соглашение об упрощенном приобретении гражданства гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан.

По словам К. Токаева, специалистам, которые непосредственно работали над подготовкой этих документов, есть чем гордиться, так как эти соглашения беспрецедентны в международно-правовой практике и затрагивали судьбы многих людей. «К сожалению, — отмечает К.К. Токаев в книге «Преодоление...», — шесть лет спустя, с принятием в России Закона о гражданстве, Соглашение об упрощенной

процедуре проиобретения гражданства утратило свою былую актуальность, отошло на второй план. Надо сказать, что принятие упомянутого Закона было воспринято так называемым «русскоязычным населением» Казахстана с большой тревогой. В. Путину самому пришлось отвечать на этот вопрос во время неформальной встречи лидеров стран СНГ в Алматы в начале марта 2002 года...» [10, 218–219].

На одном из заседаний Совета Федерации, где присутствовали казахстанские коллеги, российские докладчики с большим сожалением отмечали, что в российском обществе как никогда остро стоит вопрос возрастания ксенофобии, межнациональной розни и межрелигиозных противоречий. Депутат Государственной Думы РФ С. Смирнова отмечала, что основными причинами отдельных проявлений националистической идеологии выступают недостаток политической культуры в условиях свободы, этнический нигилизм, гиперболизация уникальности и самобытности народов в ущерб универсальности и развития, экстремизм меньшинств, в немалой степени обусловленные правовым бессилием. В докладе также была затронута проблема миграции. Будучи в целом полезной для экономик государств, трудовая миграция создала серьезные проблемы из-за отсутствия механизма управления этими процессами.

В данном случае участники дискуссии сошлись на мнении, что для успешной реализации этнонациональной политики особенно важным является решение таких задач, как совершенствование законодательной базы в вопросе регулирования межэтнических отношений, выработка мер раннего предупреждения межнациональной напряженности и конфликтов, создание благоприятных условий для приема соотечественников, проживающих за рубежом, содействие в приобретении ими гражданства в упрощенном порядке [16].

Предостережением, на наш взгляд, прозвучали в этих условиях высказывания Иман Валерии Пороховой, действительного члена Академии гуманитарных наук, члена Правления Евразийской международной академии культуры, действительного члена Российской Академии естественных наук, автора девяти переводных изданий Корана на русский язык, в ее интервью газете «Казахстанская правда» «Политика толпы, религия — никогда». В частности, на вопрос корреспондента о том, что собой представляет «исламский экстремизм», она отвечает: «Так или иначе, в XXI век человечество вошло с проблемой «исламского экстремизма», как в XX век входило с пробле-

мой экстремизма социалистического. Ислам — это образ жизни, построенный на мире, это чистая вера в Бога — Аллаха. Нельзя этим пренебрегать и использовать веру — самое сакральное и святое для человека — в политике». При этом Порохова не одинока, она ссылается на видного политолога Альфреда Грессера, которому принадлежат слова: «До тех пор, пока у нас будет такая мощная дискриминация одних религий другими, не будет никакой толерантности и мира» [17].

В связи с этим можно сделать вывод, сколь сложный путь пришлось пройти Казахстану во главе с Президентом Н.А. Назарбаевым, чтобы сохранить стабильность в стране в условиях, когда в республике появились опасные формирования националистического толка, которые носили не только антикоммунистический, но как антирусский, так и антиказахский националистический характер. Опирающиеся на рост национального самосознания организации «Азат», «Желтоксан», «Алаш» и объединения «интерфронтовского типа» «Единство», «Отечество», основанные на идее первичности русской культуры, периодически конфликтовали между собой, обвиняя друг друга в «национализме» и «великодержавном шовинизме». Ситуация особо обострилась и тогда, когда позиция отдельных лидеров народа Казахстана по национальному вопросу (О. Сулейменов и его интервью японской газете «Токио симбун») глубоко встревожила казахстанское общество, и когда в связи с ухудшением экономического положения некоторые партии перешли в оппозицию [14, 377–379].

Благодаря превентивной политике в казахстанско-российских отношениях удалось сохранить стабильную обстановку. В тот сложный период необходимо было признать свершившийся факт распада Союза и перейти к поиску новых форм взаимных отношений, ибо (это особенно наблюдалось на примере Казахстана) имелся серьезный сдерживающий фактор: наличие экономики и инфраструктуры, непосредственно связанных в народно-хозяйственном комплексе Союза, разрушение которого оказалось катастрофическим не только для Казахстана.

По случаю десятилетия установления дипломатических отношений между двумя странами В. Путин направил личное послание Н. Назарбаеву. Российский Президент по существу подтвердил приведенную выше формулу добрососедства: «...наши связи, скрепленные Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и Декларацией о вечной дружбе и союзничестве, ориентированными в XXI

столетие, приобрели характер подлинного стратегического партнерства», — говорилось в тексте телеграммы.

Ученый, политик и дипломат Ж. Сааданбеков отмечает: «Обретенный Казахстаном национально-государственный суверенитет для Н. Назарбаева отнюдь не был конечной целью и абсолютной ценностью. Юридическая независимость — лишь предпосылка полнокровного национального возрождения. Как реалист, он сознавал, что суверенитет ничего не стоит без многосторонней взаимосвязи с другими республиками, особенно с Россией. Но ирония истории состоит в том, что именно Россия — основной хребет Советского Союза — в лице Президента Б. Ельцина проявила неукротимую волю к независимости» [14, 130]. В то же время, по мнению Ж. Сааданбекова, в России были довольно влиятельные силы, которые не признавали территориальную целостность республики, считали, что Северный Казахстан, населенный преимущественно русскими и русскоязычными, является естественной частью России. Тогда в Казахстане усиливалась национал-демократическая оппозиция, возникновение которой было вызвано кризисом советской системы» [14, 369].

В данной сложной обстановке руководители двух стран продемонстрировали свою приверженность высокому уровню двустороннего сотрудничества и благодаря этому в конце 90-х годов общая правовая база, регулирующая сотрудничество во всех областях, насчитывала около 300 договоров и соглашений. Поступательному продвижению двусторонних отношений способствовали последовательные решения важнейших вопросов в политической, экономической, военно-технической, культурно-гуманитарной и других областях. Уместно упомянуть ряд из них, в том числе Протокол о разграничении северной части Каспийского моря, долгосрочное Соглашение о транзите нефти, Соглашение о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур». Только в 2004 году подписано 14 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов.

Несмотря на данные факты, отношения между Казахстаном и Россией не всегда получают объективную оценку со стороны «пишущей братии», порождая порой недоумение у читателя. Иногда же простое удивление перерастает в обиду, так как некоторые публикации носят негативный, уничижительный характер. И кажется, что за переговорами на высоком уровне стоит что-то недоговоренное. Очевидно, это последствия того, что целое поколение людей при-

выкло к «советским чудесам». Генрих Гейне писал: «Пока мы читаем о революциях в книгах, все это красиво на вид, подобно пейзажам, выгравированным на белой веленовой бумаге: они так чисты, так приветливы; однако потом, когда рассматриваешь их в натуре, они, может быть, и выигрывают в смысле грандиозности, но в деталях представляют очень грязное, мерзкое зрелище».

Президент РК Н. Назарбаев подчеркивал: «Разумеется, в отношениях Казахстана с Россией бывают и проблемы, и они не всегда просты. И в этом нет ничего необычного. Подобное происходит во взаимоотношениях между любыми государствами... они преодолимы и будут преодолеваются, поскольку оба государства стремятся не к противоборству, а к сотрудничеству. Взаимное доверие отвечает интересам наших народов и государств».

Основные тенденции, сложные моменты во взаимоотношениях между Россией и Казахстаном анализируются в трудах известных казахстанских политиков. К.К. Токаев в своей книге «Прсодоление. Очерки дипломата» пишет: «Взять, например, Россию. Ее внешняя политика с начала 90-х годов и до настоящего времени претерпела очевидную эволюцию. Вначале был взят курс на максимальное сближение с Западом, затем в середине 90-х годов Москва развернула ожесточенную дискуссию по поводу расширения границ НАТО... С приходом в Кремль нового Президента во внешней политике России стал превалировать здоровый прагматизм, основанный на экономических интересах страны» [10, 207].

Особое место известный дипломат и политик уделяет сложившейся ситуации в ходе подготовки и подписания одного из важнейших документов — Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Трудности были вызваны рядом вопросов, которые с приобретением независимости бывшими республиками стали узловыми проблемами. Уже до подписания данного документа у первых руководителей Казахстана и России по многим пунктам имелись разногласия. «Температура во взаимоотношениях двух стран подогревалась и нерешенностью вопроса о гражданстве, — считает К.К. Токаев. — В России в то время превалировало мнение о необходимости внедрения двойного гражданства во всех постсоветских республиках. Но далеко не все разделяли это мнение. Поэтому на обсуждение этой проблемы (в различных форматах — двусторонние и многосто-

ронные консультации) ушло около полутора лет, начиная с 1993 года».

Учитывая, что предложение России о двойном гражданстве могло иметь ряд негативных последствий для молодой независимой республики, казахстанская сторона имела в виду, что отсрочка решения данного вопроса может вызвать нежелательное противостояние со стороны России. Возникшая проблема вызывала тревогу Н.А. Назарбаева, который, подчеркнув серьезность вопроса, дал следующую установку: подготовить соглашения, создающие возможность решения проблем для российских граждан, живущих в Казахстане, и казахстанских граждан, живущих в России.

В результате эффективной, действенной работы казахстанских специалистов, при поддержке их предложений со стороны министра иностранных дел РФ Андрея Козырева во время визита Н.А. Назарбаева в январе 1995 года в Москве были подписаны важные документы: Договор о правовом статусе граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, и граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан, а также Соглашение об упрощенном приобретении гражданства гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан [10, 216–219].

В то время взоры многих были прикованы к действиям Президента РК Н.А. Назарбаева. Было много скептиков, молча взирающих, как Казахстан набирает темпы по динамичному обновлению общества, определяет новые векторы вхождения в сообщество мировых государств, тем самым обеспечивая вокруг себя благоприятный международный климат для налаживания сотрудничества в политической, экономической и культурной областях со многими странами мира. Двусторонние документы по вопросам гражданства в 1997 году вступили в силу, и в этом смысле опыт Казахстана и России представляет собой яркий и убедительный пример конструктивного сотрудничества в решении сложной проблемы.

Анализируя договорсности между двумя государствами в делах, связанных с гражданством, можно видеть, насколько нелегким, но верным был избранный Казахстаном и Россией путь взаимных компромиссов и разумного учета интересов друг друга. Целый комп-

лекс вопросов, относящихся к этой проблематике, окончательно получил свое правовое оформление, разрешив проблемы многочисленной диаспоры в обеих странах. Так например, известно, что большое количество представителей казахской национальности проживают в Московской области. Есть многочисленная казахская диаспора в самой Москве, 80 процентов из них занимаются интеллектуальным трудом. Среди них есть известные деятели культуры, общественные деятели. Согласно публикации газеты «Айқын» от 2 февраля 2010 года, более 20 лет существует организованное в Москве казахское культурное общество «Мұрагер», под эгидой которого действует печатное издание «Қазақ тілі» одноименного краевого общественного объединения, а также газета «Казахи России». По словам одного из представителей казахской диаспоры в Москве ветерана труда Алимжана Мухамеджанова, до 1946 года он жил и работал в Семипалатинской области. Бывший военный служащий, сын его как высококвалифицированный специалист числится среди известных врачей Москвы. Известна активная деятельность председателя фонда «Астана» в Москве Жаркын Конырбайқызы Отешевой, муж которой Рахимбай Мынжасаров является деканом МВТУ им. Баумана [18].

На страницах новейшей истории России и Казахстана запечатлены на века и период поиска, и определение новых форм взаимодействия, направленных прежде всего на достижение благополучия и казахстанского, и российского обществ. С высоты времени становится понятным и то, что образцом взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества является, к примеру, совместный казахстанско-российский проект строительства на Байконуре космического ракетного комплекса «Байтерек».

Но до достижения этих высот были дни кропотливой работы во имя спасения уникального творения человеческих рук на земле Казахстана — космодрома «Байконур». 31 августа 1991 года он стал собственностью Казахстана в условиях распада Советского Союза. Построенный общими усилиями Страны Советов, теперь он также нуждался в совместных усилиях во имя его спасения. Идея создания на базе Байконура международного космического комплекса представлялась достойным решением проблемы. В Послании народу Казахстана «К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации» Н.А. Назарбаев делал ставку на то, что «крайне важно перенести акцент с времен-

ных выгод от сдачи в аренду комплекса «Байконур» на реализацию совместно с Россией космических программ и проектов». В 1991 году в Казахстане было создано Агентство, которое затем было преобразовано в Национальное космическое агентство. Перед НКА была поставлена задача активного поиска партнера, результатом которого стали подписанные между Казахстаном и Россией в 1994 году два судьбоносных для Байконура документа: Соглашение об основных принципах и условиях использования комплекса «Байконур» (28 марта 1994 г.) и Договор аренды комплекса «Байконур» (10 декабря 1994 г.). Срок аренды был определен в 20 лет.

На стартовой площадке космодрома Байконур

По мнению наблюдателей, с 2004 года начался новый этап в функционировании комплекса «Байконур». Президенты Казахстана и России в Астане подписали соглашение о продлении срока аренды до 2050 года. Цель подобных действий раскрывает Совмест-

ное заявление глав государств от 2 июня 2005 года, в котором говорилось: «Казахстан и Россия и впредь будут делать все необходимое, чтобы космодром Байконур оставался в авангарде развития мировой космонавтики. Служил символом научно-технического прогресса, ярким свидетельством многогранного и взаимовыгодного сотрудничества между Республикой Казахстан и Российской Федерацией». Казахстан выходил на эти переговоры, исходя из следующих соображений. Как показывает мировая практика, существуют два основных пути вхождения в клуб мировых космических держав. Если первый вариант предполагает данный путь за счет приобретения готовых космических систем и оказываемых услуг другими сторонами, то второй путь — это создание собственной космической инфраструктуры. И если большинство из стран шло к державному космическому состоянию через первый путь, то из-за отсутствия научно-технической базы для создания ракетно-космической техники и космического сегмента Казахстаном был выбран второй путь.

Важным направлением казахстанско-российского сотрудничества стали усилия двух государств по решению проблемы, связанной с Каспием. 6 июля 1998 года был подписан еще один важный документ — Соглашение о разграничении дна в северной части Каспийского моря. Наряду с Декларацией о вечной дружбе, Соглашение об урегулировании правового статуса Каспийского моря имело эффект разорвавшейся бомбы. Эта тема активно комментировалась в мировых средствах массовой информации и специалистами во многих странах. Суммируя все эти отклики, которых было очень много в те дни, можно сказать, что это был «прорыв». Именно это слово чаще всего использовалось в комментариях политических обозревателей и средствах массовой информации.

Огромные усилия Казахстан приложил для достижения договоренности о строительстве Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Вот как оценивает значимость этого договора К.К. Токаев: «Весной 1991 года мне вместе с Н. Балгимбаевым довелось открывать церемонию запуска Каспийского трубопроводного консорциума в Атырау. Трудно описать, с каким волнением мы отправляли первую партию казахстанской нефти в далекий Новороссийск. Ведь давний план Н. Назарбаева — прорыв к открытым морям — наконец-то реализовался. И значение этой акции трудно переоценить» [10, 225].

В формировании отношений между двумя государствами долгое время витала иллюзия о сохранении рублевой зоны на территории двух стран. За создание такой зоны нового типа высказывались не только российские, но и казахстанские руководители. В своей книге «На пороге XXI века» Н.А. Назарбаев пишет: «Я старался сохранить рублевую зону. Этому были две причины. Во-первых, разрыв рублевой зоны означал бы размежевание со странами СНГ... во-вторых, по правде говоря, мы не были готовы». Возможно, что принцип сохранения сотрудничества между бывшими союзными республиками на основе единой рублевой зоны и нашел бы своих сторонников. Однако некоторые российские чиновники в этой ситуации показали себя не равными партнерами, а скорее жаждущими наживы людьми: они инициировали массовый выброс на казахстанский рынок денежных знаков старого образца и тем самым способствовали созданию гиперинфляции, выпустив российские рубли нового образца, имеющие хождение только на территории России. По мнению политологов, это был результат недальновидной политики российских специалистов. Последствия ее были для России очень сложными. Некогда мощная держава все более утрачивала свое влияние на постсоветском пространстве [10, 214].

Подтверждение тому, что в начале 90-х годов политика России характеризовалась весьма прохладным отношением к государствам ближнего зарубежья, мы находим и у других авторов. Так, Ж. Сааданбеков пишет: «К концу 1991 — началу 1992 года относится первый этап российских радикально-либеральных преобразований. Это был откровенно западнический курс реформ, разработанный от имени Международного валютного фонда» [14, 214–215]. В данном контексте наглядным примером является «выталкивание» Казахстана, как и других центральноазиатских республик, из рублевой зоны. Несмотря на надежду, появившуюся после назначения В. Черномырдина главой правительства России, действия А. Шохина оказались «выше» и рублевая зона распалась тогда, когда российские дельцы пытались наводнить казахстанский рынок банкнотами старого образца. Президент Казахстана по этому поводу писал: «Бог знает, может не стоит обижаться на А. Шохина. Возможно, он был прав в тот момент. Нет худа без добра... Но я надеялся на то, что Россия все же не захочет в одночасье разорвать наши экономические связи... Верил, потому что убежден в том, что дружественная, экономически сильная Россия

нужна Казахстану как стратегический партнер. Но и экономически развитый, сильный, демократический Казахстан также необходим России» [15, 144–148].

11 октября 1993 года Президент Казахстана Н.А. Назарбаев объявил о переходе независимого государства на национальную валюту. По мнению Президента Казахстана и подавляющего большинства казахстанцев, это было началом независимого развития Казахстана. Однако ощущение недосказанности, незавершенности все же существовало в атмосфере двусторонних отношений. После инцидента с единой рублевой зоной в Москве усилилась антиказахстанская риторика. С резкими заявлениями, по существу направленными на подрыв добрососедского сотрудничества, стали выступать некоторые известные российские политики, особенно усердствовал В. Жириновский. В такой ситуации не могли остаться в стороне различные силы по обе стороны границы.

Однако реалии оказались сильнее, ведь союзнические отношения между нашими странами — это не только исторически сложившийся факт, но постоянный развивающийся процесс с конкретными делами и действиями, которые вытекают из взаимоотношений двух государств, договоренностей и контактов на различных уровнях. Примером этого являются форумы межрегионального сотрудничества, в частности V форум в Актобе в 2008 году, VI форум в сентябре 2009 года в Оренбурге, VII форум в 2010 году в Усть-Каменогорске.

Форумы межрегионального сотрудничества Казахстана и России — апробированная форма регионального взаимодействия, которая влияет на характер российско-казахстанского торгово-экономического сотрудничества. Ранее инициатива была направлена на развитие приграничного партнерства. Однако позднее главы государств договорились сменить формат, и теперь это форумы межрегионального сотрудничества, которые в полной мере соответствуют духу казахстанско-российских отношений.

На встрече в Оренбурге президент РФ Д.А. Медведев отметил, что значительная часть двустороннего товарооборота — 70–75 процентов — приходится на межрегиональные связи. В свою очередь, Н.А. Назарбаев затронул ряд вопросов по конкретным проектам, реализация которых важна для Казахстана и России. В частности, расширение Каспийского трубопроводного консорциума, строительство Прикаспийского газопровода, который обеспечит дополнитель-

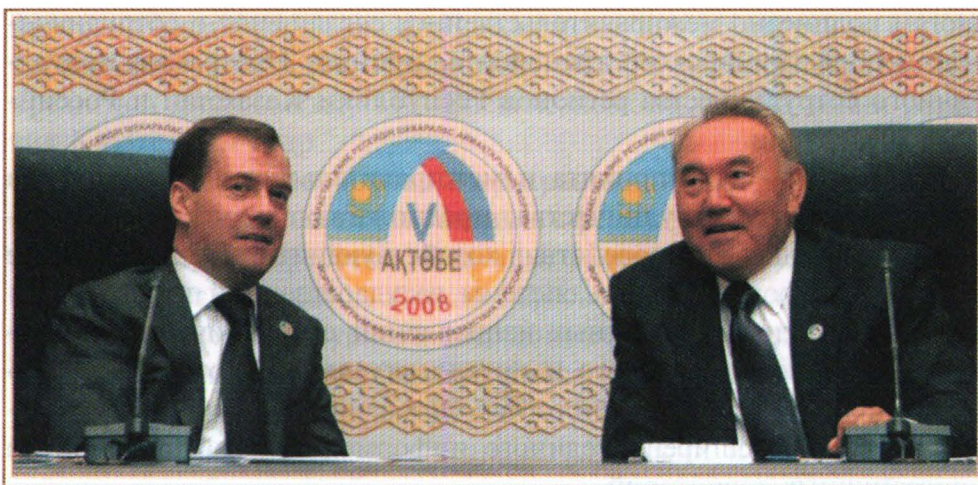
ные поставки казахстанского и туркменского газа через Россию в объеме до 40 млрд кубометров ежегодно.

По совместному освоению месторождений «Имашевское», «Хвалынское» и «Центральное» Н. Назарбаев отметил, что правительствам Казахстана и России необходимо четко контролировать ход исполнения взятых на себя обязательств.

Вообще начало форумам представителей приграничных регионов Казахстана и России было положено в Омске в 2003 году. С того времени проведено уже восемь форумов, которые дали импульс крупным межгосударственным и региональным проектам, способствовали более оперативному рассмотрению целого ряда системных вопросов, касающихся транспортного сообщения, таможенной сферы, пограничного контроля. Интерес к подобным мероприятиям растет из года в год как со стороны деловых структур, так и со стороны общественности.

Приграничное сотрудничество — значимая составляющая казахстанско-российских отношений. Между Казахстаном и Россией самая протяженная в мире сухопутная граница — около 7,5 тысячи километров, вдоль которой расположено двенадцать российских и семь казахстанских административно-территориальных субъектов. По официальным данным, на их долю приходится более 70 процентов товарооборота России и Казахстана, объем которого только к началу 2009 года приблизился к показателю 20 миллиардов долларов. Однако структура взаимной торговли не в полной мере соответствует возможностям нашей страны. В российском экспорте в Казахстан 26,2 процента составляют машины, оборудование и транспортные средства; 29,9 — минеральные продукты; 16,2 — металлы и изделия из них. Россия импортирует из Казахстана в основном минеральные продукты — 50,3 процента; продукцию химической промышленности — 20,1, металлы и изделия из них — 12,5 процента.

В двусторонней кооперации вместе с тем наблюдается неравномерная вовлеченность сопредельных регионов в систему пограничного сотрудничества. Наиболее активными участниками внешнеэкономической деятельности с Казахстаном являются Челябинская, Оренбургская, Тюменская, Омская, Новосибирская области и Алтайский край. На их долю приходится более 50 процентов всего объема приграничного сотрудничества. Более пассивными партнерами Казахстана выступают Самарская, Курганская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская области и Республика Алтай.

Главы двух государств во время одного из регулярных форумов приграничных регионов Казахстана и России. Актобе, 2008 г.

Уральский регион остается одним из активных российских игроков в процессе укрепления межотраслевых связей Казахстана и России. Существует соглашение, подписанное еще в 2003 году, о создании Автомобильного консорциума «Казахстан-КамАЗ», куда входят российское предприятие ОАО «КамАЗ» (Набережные Челны), ОАО «Искер», ОАО «Семипалатинский машиностроительный завод», ОАО «Казахстантрактор», ТОО «Костанайский завод по ремонту двигателей». Главной целью консорциума является развитие автомобиле- и тракторостроения Казахстана путем создания совместных производств, освоения производства комплектующих на предприятиях Казахстана и развития технического обслуживания автомобильной техники.

В традициях масштабных диалоговых площадок проработка актуальных для обеих стран тем, что является подтверждением тесной и многопрофильной интеграции Казахстана и России в рамках ЕврАзЭС и Таможенного Союза. Так, состоявшийся в октябре 2007 года в Новосибирске IV форум приграничного сотрудничества с участием глав Казахстана и России был посвящен теме «Наука и образование в XXI веке». В рамках форума был проведен симпозиум, посвященный вопросам интеграции в сфере науки, технологии и образования, выставка «Инновационный потенциал казахстанско-российского сотрудничества в сфере наукоемких технологий». По

итогах подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области морского транспорта, принята Программа приграничного сотрудничества регионов Республики Казахстан и Российской Федерации.

Кроме того, была принята и межправительственная программа экономического сотрудничества, предполагающая меры по созданию условий для взаимодействия хозяйствующих субъектов, прежде всего путем формирования системы государственной и региональной поддержки приоритетных направлений сотрудничества, сохранения и развития трудового и интеллектуального потенциала, эффективного и взаимовыгодного использования существующей инфраструктуры, расширения единого информационного пространства приграничных территорий.

Следует отметить, что прямыми участниками казахстанско-российского приграничного сотрудничества являются семь областей Казахстана и тринадцать субъектов Российской Федерации. В 2008 году формат традиционных ежегодных встреч был расширен: в V форуме в Актобе, основной темой которого стало развитие сотрудничества в области высоких технологий, помимо производителей приграничных областей приняли участие представители Астаны, Алматы и Карагандинской области, а со стороны России — Москвы, Санкт-Петербурга, Свердловской области и Республики Татарстан. С тех пор форум не ограничивается участием только регионов-соседей и является межрегиональным.

Подобные встречи дают мощный импульс развитию сотрудничества между предприятиями двух стран, обеспечивают предпосылки создания совместных предприятий, подписания взаимовыгодных контрактов. Так, по итогам V форума, помимо ряда межправительственных соглашений, в том числе по дополнению пунктов пропуска через казахстанско-российскую государственную границу, подписаны меморандум о сотрудничестве между Комитетом таможенной службы Минфина РК, АО «НК «Казақстан Темір жолы» и Федеральной таможенной службой РФ и ОАО «Российские железные дороги»; между Министерством транспорта и коммуникаций РК и Министерством транспорта РФ о сотрудничестве и развитии автомобильных дорог, связывающих Западную Европу и Западный Китай по маршруту Санкт-Петербург — Казань — Оренбург — Актобе — Алматы — границы КНР; соглашение между акиматами ряда казахстанских областей и субъектов Российской Федерации о

приграничном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве; соглашения об общих условиях открытия кредитной линии между ГК «Внешэкономбанк» и АО «Банк развития Казахстана» и др.

В настоящее время только в приграничной зоне функционирует около 450 совместных предприятий в сфере строительства, машиностроения, деревообработки. В целом, между регионами заключено более 240 соглашений в области торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Энергетической теме был посвящен VI форум, состоявшийся в 2009 году в Оренбурге. В рамках выставки «Инновационные технологии в сфере ТЭК» были представлены крупнейшие предприятия России и Казахстана, новейшие разработки в области электроэнергетики и энергосбережения, нефтегазовой промышленности, энергомашиностроения, информационных технологий, в которых приняли участие свыше 60 предприятий Казахстана и России. По итогам оренбургского форума были подписаны важные межправительственные соглашения о строительстве и эксплуатации третьего блока Экибастузской ГРЭС-2, о сотрудничестве в сфере совместного контроля на российско-казахстанской границе, о разработке и реализации программ в области военнотехнического сотрудничества.

Экибастузская ГРЭС-2 — это урок, полученный в ходе создания казахстанско-российских совместных предприятий. Это выводы по тому, как не надо строить отношения, ибо на этом примере можно понять, как могут войти в тупик межправительственные отношения по совместному осуществлению того или иного проекта. Переговоры вокруг создания казахстанско-российского предприятия на базе Экибастузской ГРЭС-2 начались в 1999 году, в то время, когда дела на предприятии шли как никогда плохо: накопились большие долги по заработной плате, продолжались забастовки рабочих предприятия против «комиссаров».

Тогда российская сторона, представленная РАО ЕЭС (А. Чубайс), предлагает перевод долга «Казахстанэнерго» в размере 240 миллионов долларов в ее долю в совместном предприятии. Долг же «Казахстанэнерго» формировался в течение примерно четырех лет за счет поставок российской электроэнергии в то время, когда казахстанская экономика находилась в трудном положении и мощностей для самообеспечения не хватало. Тогда казахстанское правительство обращается к А. Чубайсу с просьбой помочь с поставками электро-

энергии. Но ни одна из сторон, видимо, не предполагала, что эта помощь со стороны российских энергетиков станет со временем поводом для манипуляций.

Как свидетельствуют источники, к концу 1990-х годов отдельные члены казахстанского правительства стали говорить о нецелесообразности создания совместного с РАО ЕЭС предприятия. Просьбу казахстанского правительства они относили к определенной уловке. С трудом, но подобные попытки внести раскол в процесс совместного решения проблем были пресечены. Но это потребовало больших усилий как со стороны Казахстана, так и со стороны России. А обоюдное стремление сторон к созданию совместного предприятия в энергетике дважды фиксировалось в совместных документах по итогам казахстанско-российских переговоров на высшем уровне.

В Оренбурге президенты Казахстана и России отметили важность развития сотрудничества в области использования водных ресурсов. Разработанный в контексте этой встречи Комплексный план совместных с Российской Федерацией действий по сохранению и восстановлению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал был передан на рассмотрение российской стороне. Проведенный в 2010 году в Усть-Каменогорске и посвященный темам устойчивого развития и высоких технологий VII форум дал старт реализации ряда крупных совместных проектов, таких как «Токмак», «Мирный атом», «Наш общий дом Алтай». Именно здесь примером межгосударственных отношений среди стран СНГ назвал Н.А. Назарбаев взаимодействие Казахстана и России. «Если мы таким образом будем развивать наши отношения, то их ждет блестящее будущее, — отмечал Президент России Дмитрий Медведев на двусторонней встрече с Н.А. Назарбаевым перед началом форума. — Это не бумажные проекты, а работающие идеи, которые сейчас уже внедряются в практику. Это доходы предприятий, а в конечном итоге — наших людей».

В работе форума участвовали представители семи областей Республики Казахстан и двенадцати субъектов Российской Федерации. Были обсуждены вопросы рационального использования природных ресурсов без ущерба для экологии, возможности экономического роста за счет применения новых технологий. Важно отметить, что в настоящее время ряд проектов в рамках подписанных ранее соглашений уже вступают в стадию практической реализации. В июне 2010 года дан старт строительству третьего энергоблока Экибастузской ГРЭС-2. В рамках проекта «Западная Европа — Западный Ки-

тай» за счет займа Европейского банка реконструкции и развития по всему маршруту от Санкт-Петербурга до Алматы завершены изыскательские работы и осуществлено детальное проектирование. Интерес к участию в мероприятиях межрегиональных форумов со стороны бизнес-структур, общественных организаций обеих стран ежегодно возрастает. К примеру, если в 2009 году в выставке товаропроизводителей в области топливно-энергетического комплекса приняло участие порядка 60 компаний, то в 2010 году эта цифра возросла вдвое. В выставке в Усть-Каменогорске, например, участвовали 53 казахстанских и 68 российских компаний.

Не менее важным аспектом казахстанско-российских отношений является взаимодействие в сфере культуры, духовные контакты. Плодотворное сотрудничество Казахстана и России в области культуры и образования опирается на двусторонние документы, гарантирующие свободное и равноправное развитие культур народов, проживающих на территории двух стран, путем создания благоприятных условий для сохранения и развития национальной самобытности, реализации их духовных и религиозных потребностей. Важным событием стали торжественные мероприятия, концерты и празднования в Москве, Санкт-Петербурге, Астраханской, Оренбургской, Курганской областях и других регионах России, посвященные юбилеям Абая, Жамбыла Жабаева, Мухтара Ауэзова. В то же время на современном этапе для 700–800-тысячной казахской диаспоры на территории Российской Федерации практически нет школ на родном (казахском) языке обучения.

Все это позволяет говорить о появлении более прагматичной тенденции в обосновании современного курса России. Вот что пишут авторы коллективной монографии «Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить»: «Главная угроза России... — недополученная выгода от неучастия в региональных и интеграционных процессах. России необходима «Большая азиатская стратегия». В контексте данного утверждения вновь актуализируется содержание казахстанско-российских отношений, которые, как подтверждается множеством фактов, будут иметь длительную перспективу.

Взаимодействие Казахстана и России на стратегическом уровне имеет не только экономический, но и более важный аспект — элемент европейской и евразийской безопасности. В чем же конкретно проявляется характер новых угроз? Ответ может дать казахстанско-российское сотрудничество в сфере безопасности.

В своей книге «Критическое десятилетие» Н.А. Назарбаев очертил новый круг угроз. Это экспорт международного терроризма, деструктивное влияние религиозного экстремизма и фундаментализма, возможные конфликтные зоны, которые возникают и могут возникнуть на Каспии, геополитические интересы приграничных и иных держав в районе Каспийского бассейна и Центральной Азии. Не случайно, видимо, известный аналитик З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» назвал данный регион «Центрально-азиатскими Балканами» [19].

Углублению и интенсификации связей между Казахстаном и Россией руководством обеих стран уделяется повышенное внимание. Об этом говорит тот факт, что только в 2010 году состоялось 11 встреч глав государств. Во время одной из последних встреч, 17 марта 2011 года в Москве, превалировал вопрос интеграции, в том числе многосторонней. В целом, два соседних государства приложили много усилий по созданию Единого экономического пространства. Казахстан и Россия являются общепризнанными «локомотивами» объединительных процессов на постсоветском пространстве, ключевыми субъектами действующего с июля 2010 года Таможенного Союза Казахстана, России и Беларуси. За год работы Таможенного Союза российский экспорт в Казахстан увеличился на 25 процентов и составил 11,8 млрд долларов США, а казахстанский в Россию увеличился на 5 млрд долларов США. В 2011 году с 1 июля ликвидированы таможенные посты между Казахстаном и Россией. При этом накрепко закрыты южные границы республики. Продолжается сотрудничество в космической сфере и по совместному использованию комплекса «Байконур».

Особое внимание во взаимоотношениях двух государств уделяется положению диаспор. В феврале 2011 года в интервью главному редактору РИА «Новости» Н.А. Назарбаев, отвечая на вопрос, как активно происходит интеграция русских в казахское общество, отмечал: «В условиях Казахстана некорректно вести речь об интеграции русского населения, поскольку оно давно уже интегрировано. Можно вести речь об адаптации русских в начале 90-х годов к новым историческим условиям, возникшим после распада СССР, к потере ими статуса титульной или государствообразующей нации».

Что касается тех, кто не смог принять реалий новой жизни, Президент далее сказал: «Те, для кого потеря статуса была неприемлема, кто не верил в будущее нашей страны, уже давно покинули

Казахстан. Для тех же, кто готов был считать Казахстан своей родиной, наше государство создало все условия для психологически комфортного перехода в новое качество — гражданина многонационального Казахстана, для удовлетворения языковых, культурных и религиозных потребностей...».

Сотрудничество между Казахстаном и Россией не раз сталкивалось с серьезными испытаниями на прочность. Однако жизненную необходимость и стратегическую важность взаимоотношений между двумя странами стали понимать многие, хотя и здесь есть свои нюансы. В этом отношении уместно вспомнить высказывание Маргарет Тэтчер из ее книги «Искусство управления государством». Она пишет: «Россия — огромная страна... Это дает России уникальную возможность вмешиваться в дела других стран». При этом экс-премьер-министр Великобритании отмечает: «Перед лицом подобных проблем у нынешней Российской Федерации и ее соседей возникает ощущение, что они опять находятся в зловещей тени бывшего Советского Союза», ибо политика советского государства была направлена на поддержку «...интересов русских в ущерб интересам представителей других национальностей...» [20, 119–120]. Таким образом, слова М. Тэтчер следует воспринимать как предостережение, ибо, как пишет она, «Россия всегда отличалась уникальной способностью удивлять. Любой прогноз в отношении нее должен быть ограничен массой оговорок, если предсказатель не желает попасть впросак» [20, 95].

Казахстанско-российские отношения — предмет различных исследований, анализа, научных гипотез. Если сторонники одной гипотезы всерьез комментируют последствия взаимодействия двух государств как результат колониальных измышлений России, то их оппоненты не перестают преподносить Россию как страну-альтруиста, пострадавшую из-за непосильной борьбы против «тьмы и невежества». Все это, видимо, результат того, что историки не научились сами и не научили других говорить языком исторических фактов, сопоставления данных.

Отношения между Казахстаном и Россией, берущие начало из глубины веков, относятся к категории наиболее сложных. Процесс, начавшийся несколько веков назад, претерпевает сегодня множество изменений, которые нельзя отнести к косметическим. Большинство аналитиков современности склоняются к тому, что от прозрачности казахстанско-российских отношений во многом зависит

не только процесс интеграции на постсоветском пространстве, но и будущность связей этих государств с мировым сообществом.

Выступая в 2007 году в Московском государственном институте международных отношений МИД Российской Федерации, Президент Казахстана Н.А. Назарбаев сказал: «Меня часто спрашивают, какими я хотел бы видеть наши двусторонние отношения. В этой аудитории я хотел бы ответить с помощью очень известной цитаты. Она звучит так: «География сделала нас соседями. История сделала нас друзьями. Экономика сделала нас партнерами. Необходимость нас сделала союзниками».

Список использованной литературы

1. Флиер А.Я. Страсти по глобализации//Общественные науки и современность. 2003. № 3.
2. Кашкимбаев А.И. Деятельность Компартии Казахстана по осуществлению аграрной политики КПСС: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1987. 19 с.
3. Колотаев В.В. Восстание квокультур. К проблеме глобализации локальных культур//Общественные науки и современность. 2003. № 2.
4. Паин Э. Этнический маятник: Цикличность этнополитических процессов в постсоветской России//Т а м ж с. № 5.
5. Кульпин Э. Две смуты: опыт сравнения//Т а м ж е.
6. Казахстанская правда. 2010. 12 декабря.
7. Н.А. Назарбаев. Рынок и социально-экономическое развитие. М., 1994.
8. Шестаков В.А. Новейшая история России. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. 479 с.
9. Токаев К. Дипломатия Республики Казахстан. Астана: Елорда, 2001. 552 с.
10. Токаев К. Преодоление. Очерки дипломата/Сер. «Международные отношения». М.: ЦЛНГ, 2009. 512 с.
11. Аяган Б., Абжанов Х., Селиверстов С.В., Бекенова М.С. Современная история Казахстана: Учебник для студентов неисторических специальностей (бакалавриата) высших учебных заведений/Под общ. ред. Б. Аягана. Алматы: Раритет, 2010. 432 с.
12. Токаев К. Свет и тень. Астана, 2007. 570 с.
13. Боффа Дж. История Советского Союза. В 2 т. Т. 2. М., 1990. 632 с.
14. Сааданбеков Ж. Нурсултан Назарбаев. Законы лидерства. Астана: Күлтегін, 2005. 608 с.
15. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. Алматы, 1998.
16. Казахстанская правда. 2007. 24 февраля.
17. Казахстанская правда. 2007. 12 апреля.
18. Айқын. Республикалық қоғамдық — саяси газет. 2010. 2 ақпан.
19. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
20. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М., 2003.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позади двадцать лет независимости. Основопологающим фактором этого периода является то, что национальные государства только теперь ощутили на себе весь смысл того, что вкладывали теоретики в понятие «самоопределение нации».

В 90-е годы XX века кажущийся внезапным распад СССР стал кульминацией накопившихся в социалистическом обществе социальных проблем, своевременно нерешенных лидерами социалистического государства. Но даже после приобретения суверенитета и независимости довольно сложная картина вырисовывалась в отношениях между близкими соседями — Россией, Кыргызстаном, Узбекистаном и Казахстаном.

В этих непростых условиях нужен был новый формат взаимоотношений между государствами. Взаимоотношения, которые вмещали бы не только теоретическое осмысление, но и находили конкретное отражение в практике. Одним из первых среди новых руководителей возрожденных национальных государств инициативу взял на себя Президент Казахстана. Ибо многие новые государства, в том числе и «государства Центральной Азии ждали ясных сигналов из России относительно перспектив будущего обновленного и равного партнерства. Однако им, в основном, адресовались гневные филиппики российских реформаторов по поводу консервативности, тоталитарности, недемократичности власти или коммунистического прошлого новых президентов» [1, 563].

«Если говорить о наших приоритетах в области двусторонних контактов, — подчеркивал Н.А. Назарбаев в 90-е годы, — то важнейшее значение для Казахстана имеет развитие отношений с Российской Федерацией. Это обусловлено ее политическим и экономическим весом в мировом сообществе, большой протяженностью наших общих границ. Россия — крупнейший торговый партнер нашей республики. Во многом совпадают наши позиции по большинству международных вопросов. Наконец, миллионы наших граждан связывают родственные узы. Это делает Россию естественным союзником нашего государства» [2].

Сотрудничество между Казахстаном и Россией не раз сталкивалось с серьезными испытаниями на прочность. Со времени образования национальных государств свои действия они предопределяли, прежде всего, «государственными интересами». Как писал К. Маркс: «Начиная с Макиавелли, Гобса, Спинозы, Бодема и т. д., в новейшее время, не говоря уже о ранних авторах, сила изображалась основой права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали».

Как ни странно, от морально-правового принципа межнациональных отношений были далеки и советские правители. Теоретически провозгласив принцип самоопределения наций, они на практике и не помышляли о соблюдении ими же самими провозглашенных лозунгов. Касательно же казахско-русских отношений, как принято было говорить в советской историографии, в дореволюционный период интересы государства преследовали не только правители России. Отсюда и множество коллизий в отношениях между Казахстаном и Россией на определенных этапах развития.

Вместе с тем независимость предоставила возможности исключительно по-новому строить отношения между Казахстаном и Россией. Двадцать лет независимости показывают, как было трудно и сложно вступать в новый этап взаимоотношений. Теперь наступают времена, когда есть условия идти по пути либеральной концепции международных отношений.

Иницилируемые на сегодняшний день начинания Казахстана и России по совершенствованию отношений между двумя странами важны не только для этих государств. На многие явления в казахстанско-российских отношениях международное сообщество начинает присматриваться как к факторам, выступающим в роли

связующего звена, как к подчинению международной политики интересующим людей социальным нормам. Это и есть на сегодняшний день самое главное в совместных действиях России и Казахстана на пути совершенствования межгосударственных отношений.

Список использованной литературы

1. *Сааданбеков Ж.* Нурсултан Назарбаев. Законы лидерства. Астана: Күлтегін, 2005. 608 с.
2. *Назарбаев Н.А.* Укрепление независимости через устойчивое развитие//Казахстанская правда. 1995. 16 декабря.
3. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М., 2003.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Путешествие господина Антония Дженкинсона
из города Москвы России до города Бухары (Boghar)
в Бактрии в 1558 г., описанное им самим
для лондонских купцов Московской компании

«...Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы».

*Английские путешественники в Московском государстве в XVI в./
Пер. с англ. Ю.В. Готье (Иностранные путешественники
о России). Л.: ОГИЗ, 1937. С. 167–192*

Добавления к путешествию Дженкинсона.
Несколько заметок, собранных Ричардом Джонсоном
(бывшим в Бухаре с г. Антонием Дженкинсоном) о сообщениях русских и
других иноземцев относительно дорог из России
в Китай и о различных иноземных пародах

«Cassim (Касимов) на левом берегу Оки — главный город региона с таким же названием в Рязанском княжестве, с историей, уничтоженной, как и древние стены Рязани, монгольскими ордами в 1376 г. Древняя грамота, акты упоминают о нем под названием Мещерск, а в 1452 г. это место, должно быть, настолько восстановило свои былые позиции, оправившись от потрясений, что можно предположить тот факт, что Великий князь Василий Слепой преподнес его в дар татарскому князю Касиму в знак благодарности за помощь, оказанную ему в избавлении его княжества Московского от захватчика по имени Шемяка. С тех пор город был больше известен как Касимов, хотя поздние акты продолжают упоминать его под его древним названием. В течение более чем двух столетий, с 1452 до 1677 гг. татарские князья, или царевичи (т. е. сыновья царей) Касимова оставались верными сторонниками Москвы и помогали ей в ее войнах против татар, Новгорода, Литвы и Польши. — Семенов, статья «Касимов».

Cassaks (Kazzaks), ошибочно названные киргизами «kirghiz», составляют большую часть полукочевового населения Центральной Азии наших дней. О них впервые услышали как об узбеках-казаках («Uzbek Kazzaks») примерно в середине XV века, когда они составили часть наследства потомков Чингиса и приняли участие в войнах, которые происходили между этими князьями и преемниками Абулхаира из династии Шейбанидов. Их численность быстро возрастала, Kazzaks (казахи) стали державой в Центральной Азии. Говоря об их хане Касыме, Бабек отмечает, что в его орде порядок был лучше, чем у любого другого хана, и что его войска насчитывали примерно 300 000 человек. Их разбили ногайцы, но при Назар-хане (Ak (Nak) Nazar-khan), который подчинил себе Могулистан, или Кашгарию, и совершал набеги на Туркестан, они снова возродились. Примерно в середине XVI века они заняли оба берега Таласа, захватили города Туркестан (Хазрет) и Сабран и угрожали Бухаре. Данило Губин, русский посланник, докладывал в 1535 г., что казахи (Kazzaks) стали очень могущественными и взяли Ташкент. Название «kazzak» означало «пират, флибустьер, разбойник, корсар», «независимый, свободный», или «мародер».

Howorth, pt. II, pp. 627-634; Зернов В., ч. II. С. 330

**№ 261. Донесение правителя Западной части
оренбургских казахов султана Мухаммедгали Таукина
в Оренбургскую пограничную комиссию. 1856 г., апреля 11.**

№ 1178

Ставка близ Затонного форпоста

«Пограничная комиссия от 24 ноября 1855 г. за № 15752 обязала меня избрать на должность начальника 8-й киргизской дистанции вместо подполковника султана Мухамеджана Баймухамедова, определенного исправляющим должность правителя Средней части орды [1], благонадежного ордынца, об утверждении которого в должность войти с представлением в Комиссию.

На это имею честь донести Пограничной комиссии, что 8-я дистанция включает в себя 12 местных начальников и 2 сборщиков и весьма много, в сравнении с другими дистанциями, кибиток, а именно: в настоящем году против станиц Буранной 358, Ново-Илецкой 742, форпостов Линевского 159, Озерского 591, Сухоречинского 145, Затонного 611, Илекского городка 693, Студенского форпоста 249, по рекам Чингирлау 353, Хобде 109 и озерам Джиреню и Менису 165, в Оренбургском казачьем № 2 полку 31 и в Бузулукском уезде 34, а всего 4260 кибиток.

Многочисленность этой дистанции и дальнейшее протяжение ее весьма много затрудняли подполковника султана Баймухамедова в исполнении разных поручений начальства, через что происходила медленность, иногда в делах важных, несмотря на то, что подполковник Баймухамедов имел большое влияние на киргизов 8-й дистанции, приобретенное известностью покойного отца его и долговременным управлением этой дистанцией. Следовательно, всякой другой ордынец, поступивший на место Баймухамедова, без сомнения встретит еще более затруднений в управлении 8-й дистанцией по обширности ее.

Поэтому, в видах пользы для службы, а в особенности кибиточного сбора, я полагал бы дистанцию эту разделить на две и в одной половине определить начальником дистанции султана Исеналия Абдулмукуминева, подчинив ему местных начальников против Буранной, Ново-Илецкой и Линевской станиц, по р. Хобда и озерам Джиреню и Менису (всего 1533 кибитки), а другую половину поручить особому ордынцу, подчинив ему местных начальников против Озерского, Сухоречинского и Затонного форпостов, Илекского городка, Студенского форпоста, по р. Чингирлау и сборщиков во 2-м полку и Бузулукском уезде (у них у всех 2727 кибиток), с

производством этим начальникам дистанций жалованья по примеру других.

Донося о сем Пограничной комиссии и представляя список по форме о султани Исеналие Абдулмукминове, я, впоследствии предписания ее от 28 января сего года за № 1381, смею покорнейше просить разрешения на утверждение означенного мнения моего. При чем имею честь доложить, что я об определении во вторую половину 8-й дистанции начальника войду с особым представлением в Комиссию по избрании такового, а до того времени управлять будет этим местом исправляющий теперь временно должность начальника 8-й дистанции хорунжий Исянгул Исбулаев».

Подполковник султан Мухамедгалий Тяукин.

Письмоводитель Ячменев.

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 14–15. Подлинник

К док. № 261

Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев в представлении от 8 ноября 1855 г. № 167 на имя оренбургского и самарского генерал-губернатора графа В. А. Перовского писал: «После гибели султана-правителя Средней части Зауральской орды подполковника Араслана Джантюрина при нападении на него шайки карабашевца Исета Кутебарова, последовавшем 8 июля сего года, управление этой частью киргизов перешло временно к помощнику покойного, ссаулу Махмуду Алгазыеву. Но так как этот последний ни по способностям, ни по оказываемому усердию к службе не мог бы, по мнению моему, быть преемником Джантюрина в звании султана-правителя, и как в то же время и никого другого из султанов Средней части орды не находил я по той или другой причине достойным и способным носить это звание с пользой для службы, то, доведя о сем до сведения вашего сиятельства, докладывал, не угодно ли вам будет назначить исправляющим должность султана-правителя Средней части начальника 8-й дистанции подполковника Мухамеджана Баймухаммедова — ордынца умного, хорошо знающего порядок нашего делопроизводства, привычного к управлению, употреблявшегося успешно по разным поручениям, знакомого киргизам Средней части и, наконец, известного вам лично. Вместе с этим объяснил я также, что при заслугах Баймухаммедова были за ним дела неблагоприятные и даже по многим жалобам состоит он под следствием в настоящее время; но что если затрудняться подобными обстоятельствами в служебных назначениях ордынцев, то пришлось бы определять большей частью людей неспособных: киргиз умный и влиятельный никак не может прожить без того, чтоб не запутаться в какие-либо интриги, в том или другом случае не употребить влияния своего во зло и не подпасть вследствие того под ответственность; что, наконец, с целью видеть в состоянии ли Баймухаммедов оправдать оказываемую ему доверенность и следует не тотчас же ходатайствовать об определении его султаном-правителем, а поручить ему исправление этой должности временно.

Ваше сиятельство изволили принять соображения мои во внимание и, приказав вызвать Баймухаммедова в Оренбург, удостоили его приема и личных объяснений. Вследствие чего честь имею спрашивать ныне окончательного распоряжения вашего относительно подполковника Баймухаммедова».

На документе имеется карандашная помета: «На это изъявлено согласие г. генерал-губернатором в предписании от 15 ноября 1855 г. за № 1842».

**№ 265. 1859 г., август. Краткие сведения о посланных
в С.-Петербург почетных киргизах
из Зауральской степи и Внутренней орды**

А. Из Зауральской степи

1) из Средней части

«3. Бий чиклинского рода, кабакова отделения Исет Кутебаров [1]. Влиятельный бий и, можно сказать, народный герой в целом чиклинском роде. В последние годы преследовался за мятеж, произведенный им между чиклинцами, но в 1858 г. был прощен по высочайшей благодати, с преданием забвению всех его вин и проступков».

ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2983. Л. 52 и об., 54. Черновик

К док. № 265

Есет Кутебаров (1807 — после 1883) — батыр, бий рода шекты Младшего жуза, сын батыра Кутебара Басянова, убитого в 1833 г. казаками рода жагалбайлы. В 1838 г. совместно с Жоламаном Тленшиевым совершил нападение на пограничную линию. Был враждебно настроен против Кенесары Касымова и отказался подчиниться ему. В связи с отказом предоставить верблюдов для перевозки грузов русского военного отряда, направленного для штурма кокандской крепости Ак-Мечеть, против Есета с линии и Уральского укрепления выступили войска, которым в 1853—1854 гг. так и не удалось захватить его. 8 июля 1855 г. отряд Есета Кутебарова внезапно напал на лагерь правителя Средней части оренбургских казахов султана Араслана Джантюрина при урочище Сууксу и полностью разгромил его. Султанские джигиты в панике бежали, казачий отряд успел сделать прикрытие из телег и отразил три конных атаки повстанцев. При нападении были убиты султан-правитель Араслан Джантюрин, два начальника дистанций и несколько биев и старшин (до 10 человек). Казачий отряд, подобрав убитых, отступил к линии. Военные экспедиции, направленные в 1855—1857 гг. для поимки Есета и отличавшиеся особой жестокостью оказались безрезультатными, но совершенно разорили его приверженцев. Летом 1858 г. во время инспекционной поездки оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина Есет явился с повинной в его лагерь на р. Эмба и получил прощение. В 1859 г. Есет в составе казахской делегации был направлен в Санкт-Петербург «для ближайшего ознакомления с могуществом и блеском империи» и представлен императору Александру II. По возвращении из Санкт-Петербурга Есету была поручена охрана южной части Младшего жуза от вторжения туркменских и хивинских отрядов. В 1861 г. Есет назначается управляющим отделения кабак рода шекты, а в 1869 г. — младшим помощником начальника Иргизского уезда. В 1873 г. принимал участие в Хивинской экспедиции, за что награжден золотой медалью. В 1879 г. Есет был уволен от должности в связи с неисполнением своих обязанностей. Зимой 1880 г. он лишился всего своего скота и остался без средств к существованию. По ходатайству тургайского военного губернатора в 1883 г. ему была назначена пенсия в 300 руб. в год.

Шахматов В. Есет Котибаров (К вопросу о вооруженном выступлении казахов против царизма в 1855—1857 гг. под руководством батыра рода шекты Есета Котибарова)//Известия Казахского филиала Академии наук Союза ССР. Серия историческая. Вып. 2 (27). 1946. С. 106—127; Исатай-Махамбет. 1801—1848. Документы. Алматы, 2003. С. 353).

Информация о программе пребывания казахской делегации в Санкт-Петербурге и Москве содержится в предписании председателя Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьева коллежскому асессору Н.Ф. Костромитинову от 3 августа 1859 г. № 112: «По ходатайству г. оренбургского и самарского генерал-губернатора Государь Император соизволил изъять высочайшее согласие на отправление сим летом в Санкт-Петербург для ближайшего ознакомления с могуществом и гражданственностью империи некоторого числа почетнейших и влиятельнейших киргизов из Зауральской и Внутренней орды. Вследствие сего вызваны сюда:

1. Из Зауральской орды: а) от Средней части — исправляющий должность правителя оной подполковник султан Мухаммед-Джан Баймухаммедов, помощник правителя сотник султан Хан-Галий Арасланов и бий чиклинский Исет Кутебаров; б) от Восточной — начальник 53-й дистанции войсковой старшина султан Сулейман Джигангеров, начальник 21-й дистанции сотник султан Махмуд Джантюрин и управляющий яппасским родом сотник Бирмухаммед Куланбаев; в) от Западной — исправляющий должность помощника правителя зауряд-хорунжий Чулак Айбасов и есаул султан Асфендияр Сюгалин.

2. Из Внутренней орды — управляющий ногоаевским родом султан Идиге Сююнч-Галиев и султан Давлет-Гирей Шигаев.

3. С Сыр-Дарьинской линии — управляющий кипчаковцами зауряд-хорунжий Турсунбай Буркутбаев и яппасец хорунжий Тайпа Ямгурчин».

«Нация киргизов, или киркизов, проживает в настоящее время на огромных степных пространствах, протянувшихся от левого берега Верхнего Иртыша до Урала, или Яика; на севере степь простирается до 55° северной широты, а на юге ее окаймляют горы Тарбагатая, озеро Балхаш, западная гряда Небесных гор, река Сырдарья, озеро Арал и Каспийское море. Киргизы ведут в этих степях кочевую жизнь и устанавливают свои войлочные палатки там, где есть источники пресной воды и пастбища для скота. Во времена освоения русскими Сибири, во второй половине XVII века, киргизы, называемые тогда *Хассакской ордой*, разбивали кочевья: 1) на реке Ишим, там, где в настоящее время находится одноименный город, и, далее, к западу, к реке Тобол, вблизи Кургана, и на восток — к реке Тара; 2) в Южной Сибири, на берегах Енисея, Юса, Абакана и Оби, на северных склонах Саянских гор и на малом Алтае; 3) На левобережье Иртыша, в развалинах под названием Джалин-обо, или Калбасунская Башня, до реки Сарасу и города Туркестана, от Аральского озера до Эмбы.

В 1606 г. они и их соседи турки из Барабы подчинились России; с этого времени они находились то в союзе с Россией, то в союзе с джунгарами. В 1632 г. они избрали хана, верховного правителя всей нации, объединившись, таким образом, и находясь под защитой джунгар, они стали опасными для России и в 1673 г. в Южной Сибири одержали победу над калмыками, союзниками русских. Из-за войн и постоянных перекочевов они неуклонно продвигались на запад и в итоге заняли степи, в которых ранее проживали калмыки, которые, в свою очередь, переместились к Волге. Последние киргизы покинули Сибирь в начале XVIII века с тем, чтобы уйти к бурятам, однокоренному с ними народу, живущему в Китайском Туркестане.

Киргизы делятся на три джуза, или орды:

Большая орда — самая восточная — живет почти на тех же землях, что и буряты, в Туркестанском крае, за рекой Сарасу, по соседству с Ташкандом, на землях, омываемых водами Таласа, Чу, Чердыка, Чирчика и Нарыма, или верхней Сырдарьи. Сами буряты находятся около Ташбелика, на берегах Яманяра и в горах и лесах Кашгара, Ярканда и Уши. Несмотря на то что они живут в войлочных палатках, их жилища производят впечатление большей оседлости, чем у других киргизов, так как они образуют зимой более основательные лагеря или разновидность поселков. Многие из них являются земледельцами. Большая орда, несмотря на свое название, самая слабая из всех: она не может выставить более 10 000 вооруженных воинов. Китайцы называют ее «киргизы правого крыла».

Средняя Орда (Урта джуз) — самая большая и самая богатая: ее кочевые поселения начинаются на востоке, на реке Сарасу, на Иртыше, на Зайсане и в верхнем течении Ишима. Они продолжают в верховьях Тобола и рек под названием Тургень, вплоть до озера Аксакал, где они смыкаются с землями Малой Орды. Зимой эти киргизы живут в районах, соседствующих с озером Балхаш. Средняя Орда насчитывает в целом 200 000 семей и среди китайцев носит название «киргизы левого крыла».

Малая Орда — самая западная. В ней насчитывается 20 000 семей. Летом она кочует, главным образом, в бассейне рек Сундук, Орь, Мурзабулак, Ибей, Берда, Илек и Хобда, которые впадают в левый приток Лика, между Кылызской и Елецким городком. Зимой она размещается в следующих местах: по берегам рек Камышлы-Иргиз и Таил-Иргиз, которые образуют Улу-Иргиз, впадающий в мутные воды Аксакала к югу от озера — в песчаной пустыне Каракум; округ Турнак — на берегах Сырдарьи; Емба, или Джем, — на Каспийском море; к западу от этой реки в округе под названием Бурсук — по соседству с озерами Тайсуган и Каракуль; между Ембой и Яиком; на берегах рек Уил и Куил, текущих с востока и впадающих в эти озера.

Во время многомесячного путешествия, совершенного мною летом и осенью 1806 г. вдоль верховий Иртыша до озера Зайсан-нур, я встречал киргизов ежедневно и в больших количествах. Мои небольшие познания в турецком языке, той его версии, на которой говорят в Константинополе, позволили мне свободно общаться с киргизами Средней Орды: нужно было лишь не прибегать к словам арабского или персидского происхождения, используемых в османлийском наречии. Я встречался позже с киргизами из двух других орд — все говорили на одном и том же языке, почти без диалектных различий. Наш ученый коллега господин Жобер пришел к тому же выводу после своего пребывания в Астрахани, где он часто встречался с представителями этого народа, чтобы приобрести коз, которые дают прекрасный пух для платков. Наконец, никто до последнего времени не сомневался, что киргизы принадлежат к тюркским народам и что их язык — это один из тюркских диалектов.

Г-н Шмидт из Санкт-Петербурга является первым автором, который придерживается иного мнения, утверждая, что «киргизы — это монголы, их бурятская ветвь, которая со временем полностью отделилась от монгольских племен и вследствие своей близости с татарскими народами сформировала новое наречие, включающее в себя многие диалекты: разновидность татарского (тюркского) языка, сильно отличающаяся от всех известных языков татарских (тюркских)

народов, соседствующих с ними на севере, юге и западе, и широко использующая монгольские слова». Подобные утверждения в определенной степени зиждутся на авторитетности такого труда, как «Монгольская история», составленного в 1662 г. Санянгом Сятсяном; также на одном из самых последних трудов, подлинность которого уже рассматривалась на страницах этого журнала. Если бы эти утверждения оставались лишь на страницах книги г. Шмидта, можно было бы позволить себе не заниматься их опровержением, но крайне неприятно видеть, как они воспроизводятся без каких-либо возражений в столь уважаемом периодическом издании, как «Журналь де саван» (*Journal des savants*) (2), да еще самым известным ориенталистом Европы. Господин барон де Саси, повторимся, выдал им, так сказать, свою печать одобрения.

Конечно, было бы безрассудно подвергать сомнению авторитет знаменитого президента Азиатского общества (*Societe Asiatique*) в отношении, например, сложного грамматического явления в арабском или персидском языках или по поводу комментариев к цитате из Харири, или по поводу события, имевшего место в Египте во времена господства халифов и мамелюков, или в отношении даты написания и подлинности басни Бидпаи, или же по поводу многих других тем из области литературы семитских или магометанских народов, но мне кажется, что мнение этого ученого в отношении исторических и этнографических фактов, которые могут быть предметом дискуссии лишь с опорой на письменные труды на азиатских языках, не являвшихся основным предметом его научных исследований, должны быть тщательно изучены перед тем, как получить признание.

Не могу не высказать здесь несколько слов в отношении следующего пассажа из «Журналь де саван», относящегося к подлинности монгольской истории, который господин Шмидт хочет публиковать: «Было бы абсурдным притязанием считать, что если история монголов была написана лишь на основе документов, представленных иностранными исследователями, то совершенно излишне знать, что сама нация говорит о своем происхождении и о тех событиях, что имели к ней непосредственное отношение. Как раз наоборот, так как упрек в фрагментарности, который можно было бы бросить местным историкам, в равной степени может быть адресован иностранным исследователям, так как представленные ими исторические события были написаны или в то время, когда сами исследователи находились под гнетом нации, чью историю описывали, или в последующий период, когда они вернули себе независимость».

Мне кажется, что рассматривая степень доверия к тому или иному историку, следует прежде всего обратиться к эпохе, в которую

он писал. Исходя из этой логики, свидетельство автора, описывающего современные ему события, имеет большее значение, чем его описания более ранних событий. Итак, Сянянг Сятсян написал свой труд в 1662 г., то есть более чем через четыре с половиной века после восшествия на трон Чингисхана и значительно позднее китайских, персидских и турецких авторов, писавших историю монголов; что касается китайских авторов, которые разрабатывали тот же сюжет, они были почти современниками описываемых ими событий, а источники, которыми они пользуются, это мемуары самих монголов, которые, пока они оккупировали Китай, писали в равной степени свободно как на своем, так и на китайском языке.

Рашид-эд-Дин составил свою «Историю монголов» в 1302 г. нашей эры. Он сделал это по указанию Газан хана, правителя Персии и потомка Чингиса; этот принц передал своему историографу «все исторические документы признанной подлинности, написанные на монгольском языке; он дал ему в помощь большого Нояна, Пулад Чингиса, верховного правителя королевства, который знал лучше всех происхождение и историю тюркских наций и, в частности, монгольской». Возможно ли, чтобы с такой поддержкой Рашид-эд-Дин составил романизованную историю предков своего принца и покровителя, или чтобы он захотел приуменьшить славу монгольской нации вымышленными рассказами о ее подвигах? Ясно, что это было не в его интересах и могло бы стоить ему расположения своего хозяина, но вот то, что он мог сделать безнаказанно, — это объединить традиции монголов и тюрков с еврейскими традициями и приписать этим двум народам происхождение от Ноя, поскольку магометане, как и христиане, признают рассказы Моисея о происхождении рода человеческого, как единственно истинные.

Наконец, Абулгази был принцем из семьи Чингисхана и современником Сянянг Сятсяна, он умер за год до того, как последний завершил «Историю монголов». Генеалогическая история турок Султана из Хорезма является лишь сокращенной выдержкой из труда Рашида, к которой автор добавлял более или менее достоверные факты; следует также признать, что он часто неверно переводил или искажал оригинал, однако, учитывая его происхождение от монгольского завоевателя, трудно предположить, чтобы он стремился пролить ложный свет на происхождение нации и ее историю. Инсинуации господина Шмидта против китайских, персидских и тюркских историков относительно монгольской истории не имеют, следовательно, под собой никаких оснований и не могут служить предлогом для возвеличивания подлинности труда Сянянг Сятсяна.

Генеалогия семьи Чингисхана, представленная последним, примерно такая же, что и у Рашид-эд-Дина и Абулгази. Как и он, оба автора называют первого предка этого завоевателя *Burte tchino* (1), но они, в отличие от монгольского автора, не ведут его происхождение от королей Тибета. Совершенно естественно, что монгольский автор, будучи приверженцем Будды, связывает историю *Burte tchino* с традициями этой страны и делает из этого принца потомка королей, которые, в свою очередь, притязали на происхождение от семьи Будды через Тул едзена. «Он, — по утверждению Сянянг Сятсяна, — имел небесно-голубую шевелюру, его зубы напоминали эмаль крупной морской раковины, а пальцы на руках и ногах имели сходство с гусиными, так как говорилось, что они соединялись между собой перепонкой; его глаза постоянно устремлялись к небу, подобно глазам птиц, а его тело являло еще много необыкновенного».

Но оставим в покое фантастические рассказы монгольского историка, которые господин Шмидт считает единственно подлинными, и вернемся к киргизам. Традиции кочевого народа, не имеющего письменности и, следовательно, истории, не могут подкрепляться историческими документами. Впрочем, традиции киргизов настолько сильно отличаются между собой, что я считаю своим долгом обойти их молчанием. Как и Рашид-эд-Дин, Абулгази относит киргизов к тюркским народам и, вместе с китайскими авторами, размещает их на берегах *Кема*, то есть верхнего Енисея. «Их племя, — говорит он, — изначально немногочисленно, но многие монгольские семьи, покинув свою страну, пришли к киргизам, приняв и их название. Однако, — добавляет он, — мы не знаем доподлинно происхождение и родственные связи этого народа». Именно его язык говорит о его происхождении, он восходит к чистому турецкому языку, без примеси монгольских слов, как это станет видно из данных, которые приводятся ниже.

Множественное число существительных, как и во всех тюркских диалектах, с помощью слога — *лар* или — *лер*, который добавляется в конце слова. Например, от слова *кас* — бровь, образуется *каслар* — брови, как в турецком *кач* — *качлар*. В монгольском множественное число образуется с помощью *т*, которое прибавляется к последней гласной слова или заменяет согласную *н*.

Качественные прилагательные образуются от существительных при помощи слога *лу*, например *тас* — камень, *таслу* — каменный (в турецком *кач* — *качлу*), *кум* — песок, *кумлу* — песчаный (в турецком *кум* — *кумлу*), в монгольском такое словообразование осуществляется с помощью *ту*.

Притяжательность существительных выражается с помощью *нун*, как в константинопольском турецком с помощью *ун* и с помощью

нинг в восточном турецком, например, *куснун аяк* — нога птицы, а по-турецки (вост.) — *куч нинг агак*.

Дательный падеж образуется с помощью частицы *га* (*ga*), добавляемой в конце слова; например, *анларга* — им, в восточно-турецком — *анларга*, в Константинополе — *анларга*.

Отделительный падеж образуется с помощью частицы *да* (*da*), которая добавляется к слову так же, как в восточно-турецком. Инфинитивы оканчиваются *намак* и *мек*. При спряжении личные местоимения добавляются к концу глагола; наконец, все грамматические правила являются такими же, как и в других тюркских языках, и, в основном, отличаются от правил монгольского языка. Любой, кто знаком с турецким языком, без труда поймет такие киргизские фразы, как: *Ни алазын?* — Что ты берешь? *Бу аламын.* — Я беру это. *Нига кельды?* — Почему ты пришел? *Кайда барасын?* — Куда ты идешь? *Уар дур?* — Он есть. *Бары бар* — все здесь. *Карама* — Не смотри. *Коркма* — Не бойся. *Ичма* — Не пей. *Минде бар* — У меня есть. *Кутай берер* — Бог даст. *Кутай бермез* — Бог не даст».

П р и м е ч а н и я:

(1) Рашид-эд-Дин переводил имя этого принца примерно так же, как и Шмидт: «волк серого или голубого цвета»

(2) Журнал ученых, октябрь 1825, С. 589.

Klaproth G. — U. Sur la langue des Kirghizes//Journalasiatique. 1825. V. 7. P. 321–344; Французские исследователи в Казахстане/Пер. с фр. О.В. Рублевой/Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. С. 138–144

Доношение переводчика А.И. Тевкелева
о принятии российского подданства казахами
Младшего и Среднего жузов

«Минувшего октября 2 дня прошлого 1731 году от Абулхаир-хана навстречу мне прислан был сын ево Нуралы-салтан с знатными людьми к реке Иргыңсу, и того ж октября 6 дня в урочище Манитубе я, низайший, к Абулхаир-хану пополудни во втором часу прибыл, а встреча мне была от кибитки Абулхаир-хана в 2 верстах. Того ж числа в полночь Абулхаир-хан прислал ко мне тайно, чтобы я к ним шол или он ко мне тайно придет, а киргис-казацкие старшины знатные приставили тайно караул, чтобы Абулхаир-хан со мною не видался; как около ево, так и около моей кибиток везде люди караулили и меня не допускали к хану и хана — ко мне. Только между нами ходил тайно башкирец Кидиряс Моллакайв, которой ныне отправлен от меня на почте, однако хан всеми мерами трудился, чтоб со мною до утра видеться, и хану никоим образом ко мне в кибитку приттить было невозможно; и приказал ко мне чрез одного ж башкирца Кидиряса, чтобы я надел платье самое худое, якобы простой человек, и шол к нему, а ежели-де он со мною ныне ночью не увидитца и в словах-де с ним не согласимся, то-де нам обоим с ним будет немалая трудность.

И я, надеясь на господа бога и счастье Е. и. в., отважился к нему, хану, иттить, надел на себя киргис-казацкое худое платье, з башкирцем Кидирясом пришел в поле и говорил с ним довольно. И между прочими розговоры объявил мне он, Абулхаир-хан, что он пожелал быть в подданстве Е. и. в. всемилостивейшей Государыни Императрицы всероссийской один, без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин. И напротив ево, Абулхаир-хана, слов я спросил, чего ради он один, без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин, то учинил, и сем то противно не будет ли, и что тому притчина? На то он, Абулхаир-хан, ответствовал тако: объявляю-де тебе, яко богу, сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском.

Первое притчина: из древних лет предки сво и он, Абулхаир-хан, владели городами Ташкент, Туркустант, Сайрам с приналежащими деревнями и киргис-казаками, и учинилась у него, Абулхаир-хана, война с хонтайшою многая годы и не мог с ним управиться. Принужден был он, вышешоказанные города оставя, выехать к качевным народам киргис-казакам, и потом многия годы имели с ним, хонтайшею, войну. И не довольствуясь тем, стали воевать с волски-

ми калмыками и оральскими башкирцами, и з бухарами, и с Хивою; и с четырех сторон стали ему, Абулхаир-хану, все неприятели. Того ради он и городов своих от хонтойши выручить не мог. Однако-де ныне с Бухариею помирились, а в Хиве учинилса ханом брат ево двоюродной Эльбас-хан, токмо остались неприятели ево волские калмыки и башкирцы. А с калмыками как скоро мирятся, так скоро и война живет, мир их бывает несостоятелен. А башкирцы-де без указу Е. и. в. с ними миритца не хотят. Того ради он, Абулхаир-хан, к Е. и. в. послал посланцов своих просить протекцию, чтоб ему с волскими калмыками и башкирцами быть в миру, а от хонтайши отыскивать свою реванжу было ему свободно...

Третье: можно-де видеть — как Аюка-хан, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятельми, то охранены бывают протекциею Е. и. в. Також-де б и он, Абулхаир-хан, был охранен протекциею Е. и. в. Ежели-де калмыки и башкирцы будут в миру и в покое, то он надеется отыскать свою реванжу от хонтойши. И говорил мне Абулхаир-хан, чтобы я не вдруг их принуждал к присяге, сперва-де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились, а сжели-де знатные старшина нашу партию будут держать, и киргис-касацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем меня, нижайшаго, утверждал, чтоб я ничего не желел и их, старшин, дарил, понеже-де киргис-касацкие народы — люди дикие, вдруг их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей. И как я от сего, Абулхаир-хана, такие слова услышел, что он учинил сие один, кроме других, стал я ему, Абулхаир-хану, говорить: чего ради посланцы ево несправедно словесно предложили в Москве: Абулхаир-хан-де желает быть в подданстве Е. и. в. всероссийского с согласия всех ханов и всего войска касацкого, а ныне стало то ложь, токмо один ты собою сделал.

На то Абулхаир-хан сказал: посланцом своим словесно приказал объявить он, якобы с согласия всех ханов и старшин войска касацкого для того, ежели б ево посланцы объявили в Москве токмо об одном Абулхаир-хане, а о других бы не объявили, то буде может быть Е. и. в. тебя отправить не соизволила, а ныне, слава богу, как ты приехал сюда, то всеми мерами буду стараться Е. и. в. показать услугу и верность, чтоб привести их в подданство всероссийское, поспе же он, Абулхаир-хан, их обычей знаст. И я, нижайший, у него, хана, спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят, и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от народов твоих мне какой опасности? И он, хан, мне на то сказал, ежели-де знатных старшин подарками удовольствуем, то-де никакой опасности не будет, и в подданство при-

вести их будет нетрудно. Потому я, низжайший, у него, хана, спросил, когда он у меня примет Е. и. в. все милостивейшей Государыни Императрицы всероссийской грамоту. И он, хан, сказал: о том-де пришло известие, как он, хан, переговорит с знатными старшинами. И пошел я от него к себе в кибитку».

Доношение переводчика Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелева в Коллегию иностранных дел о принятии российского подданства казахами Младшего и Среднего жузов от 5 января 1732 г. // Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 51–64

Топография оренбургская

«Что до принятия обеих оных орд [Средней и Малой] в подданство Российской империи принадлежит..., однако не неприлично и о том кратко упомянуть. Меньшей орды Абулхаир Хан, будучи пред прочими Киргис Кайсацкими Владельцами гораздо умнее и проворнее, и видя, что оная орда с одной стороны от Зюнгарцов, а с другой от Башкирцов частые набеги и разорения претерпевает, рассудил искать и просить о принятии в подданство Российское, и с тем в 1730 году прислал на Уфу к Воеводе Брегадиру Бутурлину, бывшего у него Башкирского Старшину Алдара Бая с Посланцами от помянутого Брегадира и ко двору отправлен был. По сему в 1731 году послан был к нему Хану из государственной коллегии Иностранных дел Переводчик, что ныне Генерал-Майор Тевкелев, при котором командировано было несколько геодезии Офицеров, Уфинских дворян и несколько ж Башкирских Старшин, в том числе и помянутой Алдар, с такою инструкциею, чтоб онаго Хана со всею ордою в подданство принять, и присягою утвердить, и о состоянии сего народа обстоятельное известие получить; притом и те у двора бывшие его Ханские Посланцы с награждением и с грамотою к нему Хану были отправлены. По прибытии его Тевкелева в орду от народу Хану многия укоризны были, что он то без их ведома чинил, и производили великия затруднения; но наконец Хан и Тевкелев превозмогли, так, что купно с Ханом многие из знатных Киргис Кайсацких Старшин о бытии в вечном Российском подданстве публично присягали».

«...в рассуждении Киргис-Кайсаков надлежит знать и сие, что они не только никаких податей в казну не платят, но и пошлин с торгу их в Оренбурге и в Троицкой крепости, где чрез все лето бывает такаяж ярмарка, как и в Оренбурге, ничего от них не берется; а берется оная пошлина за них с Русских купцов, которые товары из их рук покупают, да и Ханы их с народу никогда ничего себе требовать не могут».

«...не за лишнее признавается и сие сообщить, ежели кто спросил: Какая от подданства сего народа Российской империи польза есть? Ибо они, как выше означено, ясаку и пикаких податей не платят, да и служб не служат. Тому можно припомнить, какие великия вредности бывали от сего народа до вступления онаго в подданство, а именно: каждой почти год набегая они многочисленно не только в Башкирии, но и в Русских жительствовах Казанской и Сибирской губерний, причиняли великие разорения, и многое число людей в плен уваживали, а особливо в стороне Сибирской губернии

крайняя к ним жительствова такими своими нападениями от времени до времени на несколько сот верст опустошили, как то по делам во обеих оных, да и в Оренбургской губернии значится. Сие же со вступлением их в подданство не только пресеклось, но и бывших у них в плене Российских подданных, яко то Русских, Калмык, Башкирцов и других разными образами с 1742 году по 3 число Июля 1754 высвобождено тысяча сто восемьдесят два человека. Да разных наций у сих же бывших в полону вышло двести двенадцать из которых шестьдесят восемь человек восприяли святое крещение, да и всегда оные выходят, и Киргисцы по учиненному о том с ним условию, никакой претензии об них уже не чинят, а требуют токмо, кто из неподданных народов выбежав святого крещения восприть не желают, которые им по силе указу из Государственной коллегии Иностранных дел от 16 марта 1752 года и отдаются обратно, со всем тем что при них ни сыщется, не упоминая той еще пользы, которая чрез них же от Азиатской коммерции происходит, и впредь со умножением может происходить, ежели поступки Командиров к благосостоянию и к дальнейшему распространению онаго надлежащими учреждениями и распорядками всегда и предусмотрительно будут спешествовать».

Рычков П.И. Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб.: Императорская Академия Наук, 1762 . Ч. 1. 331 с. С. 146–147, 156–158

Краткое описание
о киргискайсаках

«Сии орды до вступление в подданство Российской Империи, находясь между собой в согласии, имели во владении своем знатные провинции и города как то Туркистант, Сайрам, Ташкент и протчия к ним принадлежащая места, кои лежат по Сырдарье, но по времени когда согласие и взаимная связь между ими прервалась, бывшей зюнгарской калмыцкой орды владелец контайша, пользуясь междуусобиями их, силою оружия лишил их всех провинций и оставил им только то пространство земли, по которому ныне разсеяно они обитают; обиды и разорении заставляя их мстить своим неприятелям и домогаться возврату отемлемаго, они продолжали долговременную жестокую войну но с сугубым себе вредом и будучи наконец угнетены до крайности, принуждены были искать защищения и покровительства под благословенной Всероссийского Императорского двора державою и сие произошло в 1731-м году, что владевший тогда киргискайсацкою Меньшею ордою Абул-хаирхан, со всем подвластным ему народом вступил в подданство России, а после него в скорости уже и прочие орды и каракалпакский народ».

«По принятии сих народов в подданство и по изъявления ими желания; иметь близъ пребывания их такое место, которое бы вящше обнадежило их в защищении ими просимом и от которого могли бы, довольствоваться всем потребным для них, последовало строение города Оренбурга, заложение линии, простирающейся от Каспийского моря до Сибири и учреждением на оной крепостей и редутов, с таким намерением: 1) и чтоб самых сих народов, не полагаясь на собственное их спокойствие поелику пред тем набегами своими; пограничным к Казанской, Сибирской и Астраханской губерниям жителям, великие причиняли разорении; обуздать и содержать уже в ограниченном положении; да и время на конец доказало, что то было нужно; 2) прекратить ссоры и мщение между киргискайсаками и из давних времен в подданстве России состоящим калмыцкими и башкирскими народами, которые в непрерывном несогласии между собою находились и по ныне еще состоят и не допустить последних, вредить первым; 3) установить коммерцию с стоящими в Великой Татарии разными владениями и самими киргисцами чрез мену скота и рухляды на разные российские товары».

«Польза государству от вступления сих народов в подданство и заложения против них линии очевидна: ибо после 1715 года в кото-

ром владелец киргискайсацкой Меньшей орды Абулхаир хан присоединяя к своему народу народ нагайской, сильное нападение на бывшей Новошешминский пригород, выжег оной и захватил множество людей в плен; по архиве в Оренбурге хранящейся, не имеется никакого следу, чтоб уже от народа сего подобно, сильное стремление на внутренние пределы наши произошло, нельзя приписать сие верности их, ибо легкомыслие и корыстолюбие сего народа нередко позволяет им быть вероломными; но строшась против положенных им по линии военных сил, не могли уже никогда отважиться к общенародному нападению на жительства наши, и до 1769 года когда линия занята была шестью драгунскими и четырью пехотными полками и не малым числом иррегулярных войск, и кроме мало-важных частных набегов, воровства и одного бывшего в 1743-м году многолюдного нападения на редут под именем Честного Креста, по Самарской линии, и убийстве и захвате при оном немалого числа людей почти никаких чувствительных вредностей как по делом явствует от них не происходило: но по уничтожении сих полков а паче конных начали они паки частыми набегам, хищничеством людей и прочим своевольствами наносить беспокойства, что и продолжали до истекшего ныне году.

Вместе с основанием линии о спокойной их жизни вера утвердилось, из внутренних частей России, многия жители переселились в те места, единое название которых, по слуху о жестокостях киргиских оным уже страшны были, и число ныне обитающих в Уфимской губернии и Оренбургской области в трое превосходнее числа при заложении линии в сем краю живших. Многие заводы медеплавительные железные и прочие заведены; в недрах земли близ Оренбурга добывается соль называемая илецкою, но ея ежегодно [во] внутренние губернии развозиться до миллиона пудов, жила которой столь богата что безконечна. Торг с владениями великой Татарии приведен в лутчес состояние, и все сие купно с производимую с киргисцами меною приносит ныне ежегодно короне 800 000 [рублей] доходу».

«По наблюдениям, которые в короткое время моего с сим народом обращение успел сделать нахожу, что натуральный характер сего народа более добр, нежели зол, правда что они порочны, а особливо корыстолюбивы до крайности, но виною то сие что они погружены во тьме и невежестве, и не имеют в орде своей таких людей которые бы могли, просветить их, исправить и в лутчее состояние преобразить; Доброту их нравов можно единым сим доказать пет примеру, чтоб они без причины пленников своих умерщвляли, да и самих тех от рук которых многия их единоплеменные стали [так в тексте], принято что и христианского закона

пленным [далее одно слово неразборчиво] принуждают даровать жизнь для того они их продают и получают чрез них прибыль, но своих единовѣрных, как то башкирцев и самих тех которыя им безпрестанный вред приносят, никогда також не умерщвляют, не взирая на то что продать их никуда не могут ибо хивинцы и бухарцы не покупают магометанского закона людей, будучи сами того исповѣданія».

*«Краткое описание о киргискайсаках» барона Игельстрема//
РГВИА Ф. 846. Оп. 16. Д. 18537. Л. 1–2 об., 4 об.*

**Краткое описание о положении и состоянии
киргис-кайсацкого народа**

«1-е. Весь народ киргизской разделяется на три орды: на Большую, Среднюю и Меньшую, из коих последние две состоят в подданстве Е. И. В., а именно, Средняя пришла в подданство, как из Оренбургской истории видно, в 1740-м и 1742 годах, а Меньшая — в 1730-м и 1738 годах; каждая же орда разделяется на особливые роды, а некоторые из оных — на разные колена. Каким же случаем и почему сии орды на три части под вышесказанными именованиями разделены, по делам неизвестно, то как и в упомянутой «Истории» сказано, что сведения об оном не получено.

2-е. Из сих орд граничат: Меньшая — к Оренбургской линии, и киргисцы сей орды кочуют на двух песках, имянуемым одним именем Бурсуки, на вершинах Орь-реки и по рекам Илеку, Эмбе и в оную впадающим также; и ниже Уральского городка — на речках, впадающих в реку Урал, до Гурьева-городка и до Каспийского моря. Средняя орда, прилегая к сибирским линиям, кочует по рекам Тоболу, Ишиму, на вершине реки Иртыша и при урочине, называемом Куктау. Большая же орда, в которых точно местах кочует, по делам у генерал-прокурора сведения нет, а из вышеупомянутой «Оренбургской истории» видно, что смежна она с зюнгорцами позади Ташкента и Туркестана.

3-е. Касательно числа народа, состоящего в обеих вышеозначенных Меньшей и Средней ордах, то в 1783 году г-н генерал-поручик Апухтин писал, что о сем хотя подлинного сведения и нет, однако ж достоверно полагать можно, что ежели бы повиновались они начальствующим и имели бы между собою связь, то могло бы их собраться годных к вооружению тысяч до ста, но как они род против рода имеют всегда междоусобную ненависть, то и не могут никогда составить из себя общества в великом числе.

4-е. Нрав киргисцов есть следующий: вообще они, имея природную остроту, хищны, корыстолюбивы, подлы, лукавы, обманчивы, превратны и ни на какое обещание их положиться никак не можно, разве бы только, что самим им какую пользу приносило.

5-е. Закону все они хотя магометанскаго, но менее всех правил ево содержат по весьма малому об оном сведению, ибо из них грамотных людей никого почти нет, для чего и имамов, или попов, собственных своих они не имеют. К ним по большей части как для отправления по их закону службы, так и писарской должности оренбургския и уральския грамоте умеющия татары, а равно и из других мест ими призываются, из коих первым и жалованье производится

от Оренбургской пограничной экспедиции, ибо грамоте знающих людей из их народа прежде у них не было, да и ныне нет кроме нескольких султанов, имевших случай обучиться у вышесказанных татар.

6-е. Живут они все скотоводством, а многие из них и ловлею зверей промышляют, в чем их и главное богатство и торг состоит; хлебопашества же никакого не имеют, и никаким учениям и художествам не прилежат.

7-е. Народ киргисской упомянутой двух Меньшей и Средней орд управляется ханами, султанами, биями и старшинами. Закона, однако же, политического или гражданского на письме никакого они не имеют, да и имеют за неумением, как выше значит, грамоте народы не находят; и для того письменно никогда не судятся, но на словах — по образу третейского суда и то, естли обе стороны похотят сами; в противном же случае никто и ни же сам хан не может к суду принудить, а дабы обидчика заставить самого искать суда, то весь род обиженного делает над улусами его ретесаль и забирает от него скота такое количество, чтоб могло его самого принудить искать суда. И так выбирают уже третьих, которые судят их по натуральным правам, обвиняя почти всегда начальника ссоры.

Хотя же на суд сей и никакой нет апелляции, но обвиненной редко повинуется судейскому приговору, а получает обиженной удовольствие захватом же скота, в каковом случае и другие делают иногда оправданному помощь, но по большей части, естли обвиненной сильного рода, то оправданной остается всегда без удовольствия. Во отвращение каковых беспорядков по безпримерному Е. И. В. милосердию о сем народе учрежден в Оренбурге для разбирательства дел киргис-кайсаков Меньшей орды пограничной суд и в самой той орде несколько расправ, так как об оном подробнее ниже сего в своем месте объяснено будет.

8-е. Хань выбираются самим народом на основании высочайших Е. И. В. повелений, главным пограничным начальником даваемых, и обвешительных к народу грамот, о чем народ извещается от него благовременно, утверждаются же они торжественным образом высочайшими Е. И. В. за государственною печатью грамотами в присутствии тех же начальников по особливым обрядам, о каковом утверждении и народ извещается особливыми также грамотами, от имени Е. И. В. из Сената посылаемыми за государственною же печатью. При сем случае возлагаются на ханов знаки ханского достоинства, отсюда посылаемая, яко-то: соболя шуба с шапкою и сабля с следующей на ней насечкою золотыми литерами, на одной стороне — на русском, а на другой на татарском языке: «Божиею милостию Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, жа-

лует сею саблею подданного своего (такого-то) хана киргис-кайсацкой (такой-то) орды при утверждении ево в сие достоинство (месяц) «___» дня «года». В 1793-м году при случае утверждения бывшего перед сим в Меньшей орде хана Эрали установлены уже в Правительствующем Сенате формуляры обрядов избрания и утверждения ханов киргис-кайсацких и на будущее время, кои и прилагаются здесь в копиях под буквами А и Б. Ныне в сих ордах ханами состоят: в Средней — Вали, а в Меньшой — старшей сын умершего хана Нурали подполковник от армии Е. И. В. султан Ишим, который избран ханом в прошедшем только 1795 году по смерти Эрали; и высочайше повелено в оном достоинстве его, Ишима, утвердить...

9-е. В обеих ордах городов нет, а кочуют киргисцы по степям улусами в так называемых ими кибитках, переходя с места на место, где удобнее скот свой продовольствовать они могут. И хотя в разсуждении Меньшой орды по представлениям правящего в Уфе должность генерал-губернатора г-на генерала-аншефа барона Игельстрома в данном ему высочайшем Е. И. В. рескрипте от 3 июня 1786 года между прочим сказано в 4-м пункте: «разделение степи для киргисцов сперва на три части и построение там городов; тако же, где прилично, для главных их родов мечетей, школ и гостиных дворов весьма нужны и полезны, и чем скорее вы к сему приступите, тем более нам приятно будет». В 13-м: «заводимые в степи города надлежит стараться прежде всего обрыть ровом и укрепить валом, дабы и работы в них успешнее производимы и оборона на случай воровских покушений удобнее найдена быть могла, но при всем сем наблюдать крайнюю осторожность, чтоб толь диких народов не потревожить и не отвратить, а потому и во внушениях им о пользе и надобности сих городов и о нужде впредь для охранения их далее построить города или укрепления, поступать с осмотрительностью, что вам по требованию вашему на месте гораздо способнее предвидеть, и так в том изворотиться, как лучше для службы нашей и спокойствия края, вам вверенного, сходне».

Но было ли относительно сих городов, мечетей и школ какое от него, Игельстрома, или после от губернатора уфимского распоряжение, по делам у генерала-прокурора о сем ничего не видно. Сколько же известно от приезжающих сюда из тамошняго края, то внутри обеих Средней и Меньшей орд городов, как выше сказано, еще нет, а равным образом и школ. На основании же особливаго высочайшего Е. И. В. указа, данного покойному г-ну действительному тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому от 8 июля 1782 года, построены одни мечети по соглашению правящих должность генералов-губернаторов тамошних и командовавшего на сибирских линиях. Первая при Оренбурге, как по

причине близости кочевья бывшего тогда в Меньшей орде хана Нурали, та и в разсуждении приезжающих туда ежегодно киргисцов и других азиатских народов для мены товаров; вторая при верхнеуральских по случаю расположения противу Верхне-Уральской дистанции всех знатных старейшин; а третья и четвертая — и сибирских линиях при Троицкой и Петропавловской крепостях в разсуждении продолжаемой в них торговли для лучшего по сему поводу приохочения к непрерывному всех азиатцов приезду, а не менее и в разсуждении близости тогдашняго пребывания Средней орды хана. На построение сих мечетей ассигновано было 20 000 [рублей] в течение четырех лет и вследствие высочайших Ея Величества повелений, в письмах к тем господам начальникам губернии от генерала-прокурора объявленных, таковое построение их назначено было учинить не внутри упомянутых крепостей, а вне селений, сколько можно ближе к самой границе для того, дабы тем более подать удобства тамошним иногородцам к отправлению по их закону службы».

Краткое описание о положении и состоянии киргис-кайсацкого народа//

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.

Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век/

Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. IV. 368 с. С. 265–289

Обозрение киргиз-кайсацкой степи

«В 1734 г. киргизские орды торжественно проименованы были подданными всероссийского престола, но киргизцы не все, однако же, единодушно согласовались с расположением их ханов. Даже малые поколения, преданные ханам, противились два года приведению к присяге. Из других родов показывали свое согласие, и то со временем только некоторые бии, привлекаемые к сему от пограничного начальства или чрез подарки, или чрез раздачу жалованья, или чрез особенные почести и угощения. Народ и после сего долго не внимал никаким предложениям и, по праву господствующей свободы, оставался совершенно независим. Иногда в то самое время, когда с ханом и родоначальниками происходили переговоры, простые киргизцы под руководством наездников (батырей) врывались в недра России или грабили купеческие караваны, наиболее же производило сие Большая орда, которая по отдаленности своей от российских пределов пресекала всякое с нею сношение.

Ханы Средней и Меньшей орды также редко исполняли долг свой противу их обязанности. Они в одно время и клялись быть послушными, и испровергали свою клятву, а совокупясь с некоторым народом, часто подавали повод к опустошению границ российских. Происшествия сии с довольною подробностью описаны у г-на Рычкова в «Оренбургской истории».

Впрочем, нельзя сказать, чтобы подданство киргизцев не принесло никаких польз, ибо для России подало оно случай устроить пограничную стражу по рекам Уралу, Тоболу и по Ишимской степи до реки Иртыша, где еще со времен государя Петра Великого производились обширные заведения; а чрез сие многократно бунтующий народ башкирский был вскоре приведен в полную зависимость и порядок, и притом распространены постоянные заселения, увеличилось хлебопашество, обогатилась торговля восточными продуктами, открылись богатые горные промыслы, и порубежные сему краю российские области обеспечились от набегов. Для киргизцев подданство их России принесло спокойствие от башкирцев и от калмыков, кочевавших по западной стороне степи, из коих сии последние были переведены и поселены между Уралом и Волгою. Зюнгорцы, нападавшие на них с востока, и даже в 1742 г. сильным ополчением опустошая кочевья, достигшие до Орской крепости, чрез сношения с зайсантами и ханом были от сего удержаны.

Таковые выгоды, сопряженные с привлекательностью торговли, время от времени заставляли многие роды признавать над собою верховную власть России и искать ее покровительства, а особливо в делах, относящихся до междоусобных распрей с пограничными российскими обитателями».

*Гаввердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или
Описание страны и народа киргиз-кайсацкого//История Казахстана
в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические
описания казахских земель. Первая половина XIX века/
Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс,
2007. Т. V. С. 285–495; 395–396*

О киргиз-кайсаках Средней орды

Порядок возведения в ханы

«...Первый из владельцев Средней Орды вступил в Российское подданство в 1731 году Шемяк-хан, но он забыв свои обязанности и присягу, ходил войною на Башкиров двукратно, причинил великое разорение, и быв побежден, снова присягал, купно с народом.

По кончине его в 1739 году заступил его место Абульмаммет, сын Кучук хана Меньшой Орды. Он также присягал на верноподданство, по распоряжению Начальника Оренбургской линии генерал-лейтенанта Урусова. В 1739 году августа в 24 день, Абульмаммет хан и брат его двоюродный Аблай солтан, были в Оренбурге с многочисленными свитами, также и Меньшой Орды Абулхаир хан; они объявили собственное желание их и всего народа быть подданными России. Абулхаир, говорили речь, а Абульмаммет и Аблай подали написанную за печатями, потом приняли со всем народом торжественную присягу. Абулхаир, ревнуя Абульмаммету и Аблаю, за превосходство породы, в коей владельцы Средней Орды предпочитают Меньшой, и будучи хитрее их, разглашал в народ о них разные поспешительные нелепости и довел до того кроткого Абульмаммета, что он оставил ханство и удалился в Туркестан, пребыв верным России. Преемником по нем остался сын его Абульфеис солтан, но владел только в части Средней Орды, именно в нойманских родах Абульфеис, славящийся и доньше отличными своими качествами, содержал однако же себя ближе к китайской стороне; он потому и не мог быть ханом, да и народ при жизни отца, по своему обыкновению, не учинил ему избрания. Аблай солтан, как знатнейший в Орде, был приглашаем на упраздненное ханство, по легкомыслию своему принял оное, и самопроизвольно народом возведен в сие достоинство.

Придя однако же в раскаяние, просил через депутацию подтверждения, кое и получил с особенными обрядами. В 1759 году удостоен высочайшею грамотою, подарками, жалованием по 500 рублей в год, и выстроен ему деревянный дом в вершинах реки Ишима у горы Ингис-тау. Родственникам его, особенно бывшему депутатом в С.-Петербурге Санбарыс солтану пожалованы значительные подарки. Аблай в 1781 году помер: китайское правительство по древнему обычаю через год, т. е. в 1782 году прислало своего чиновника Амбо, для поминаения усопшего, что составляло многие издержки. В том же году со стороны России возведен в ханы сын Аблая Валий, который в 1820 году помер.

В 1817 году Каракисетской волости солтан Букей, будучи сын

Барак-хана, владевшего в Туркестане, домогался ханства Средней Орды и был правительством российским подтвержден, имея в зависимости своей волости Каракисетскую, Аргынскую и Туртуульскую, не бывшие под властью хана Валия. Букей и его род есть преданнейшие и благомыслящие, он скончался в 1819 году и погребен в Туркестане. Валий и Букей суть последние ханы Средней Орды.

Киргизские солтаны, изведав опытами, с какою ласкою принимают их при дворах Российском и Китайском, не престают употреблять стараний к исходотайствованию на сие позволения. Случается, что они отправляют сыновей и ближних родственников в одно время и в одно время и в С.-Петербург и Пекин. Китайцы сияются поддерживать тень своего владычества над киргизцами, показывая участие в выборе ханов, хотя это в самой вещи не имеет никакого веса и много им стоит. Но они постоянно новых ханов подтверждают, присылая с многочисленным отрядом чиновников своих войск из города Кульджи, что в Илийской провинции, на западной границе, в горах, называемых Баян-Аул, кои отстоят от Сибирской линии в 180 вер. Против крепости Ямышевской».

*Записки Ген.-Майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды//
Отечественные записки издаваемые Павлом Свинымым. Ч. 41.
СПб.: В типографии Департ. Внешн. Торговли, 1830. С. 400–420*

О нравах

«...Вспомоществуемый опытами 20-летних наблюдений, при частом обращении с Киргизцами, по обязанностям на мне лежавшим, быв неоднократно и в кочевьях Средней Орды, я вижу в нравах сего народа смесь жестокой лютой и человеколюбия, добрую склонность к общежитию и миролюбию с порывами воинственной буйности и хищения, тень бывшей отважности, с неограниченною боязливостию. Корыстолюбие при грабежах и равнодушие при потерях всего достояния, барантами причиняемых равно удивительны. Мстительны и неосновательны, тираны женского пола, в свое время лукавы и льстивы, коварны и злопамятны, недоверчивы к Россиянам и вообще к иноземцам, но простодушны и добры до безпредельности к своим собратам: нет вещи, которой бы они не разделили, и нет услуги, которой бы не оказали, — гостеприимны в полной степени; накормить не значит у них обязать, а исполнить долг. Киргизец, услышав запах кипящей баранины, при чувствах аппетита, идет к незнакомому, и будет угощаем, как брат. Званные и незванные неразличаются. Русского и всякого иностранного принимают у себя радушно: юрта, пища и верное ручательство за безопасность личную, непритворно предлагаются.

Можно быть обижен на степи какими нибудь хищниками; но в случае доставляется твердое покровительство. Сладострастны до безстыдства, да и слово стыда, в вещах сего рода, им неведомо; говорят такие вещи открыто, коих, не краснея, невозможно слушать. Порок ревности свойственный Азиатцам, не господствует над ними; склонности к самоубийству неприметно; человекоубийство редко, и то в движении гнева; рачительны только в скотоводстве, впрочем ленивы, и всю жизнь проводят в бездействии, еде и сне; напротив долго могут быть без того и другого, прожорливы и воздержны. В знойное время, томимые жаждою, некинутся скоро пить холодную воду; но прежде в нее подмешают растертого сыру; жевание из гривы лошади волос утоляет жажду, так, что они могут по целым дням оставаться без питья, ибо от одного источника или колодезя другого, случаются на день езды.

В путешествиях своих оказывают неумолимость и воздержание, редко берут провизию с собою, в надежде, что везде их накормят. Купугасы, есть прекрасное обыкновение, состоящее из предложения гостю барана, молока и протчаго. Во время путешествия, на кургане, или другой возвышенности, и при источниках всегда останавливаются, и любясь местоположением беседуют. Встречающиеся, никогда не пройдут без взаимных приветствий и разговоров о

погоде, скоте, баранте и других случайностях, до их быта относящихся; — новость таким образом быстрее всякой почты сообщается во все концы, только бывает искажена прибавлениями. Во время пребывания моего в Каркаралинском Округе, когда провиантский магазейн постоянно двигался по Иртышной линии из форпоста Семиярского, для продовольствия отряда, Киргизские известия перегоняли нарочных; — они менее, нежели в сутки, знали что фуры переправляются чрез Иртыш, но не переставали подозревать, что вместо хлеба помещены в них солдаты. Естли увидят военную команду, то увеличивают ее по крайней мере в десятеро, и каждую телегу считают за зимберек (пушку). При случае движения отрядов в степи из ближайших к пути волостей, родоначальники и почетные люди весьма не охотно являются, и прибыв в лагерь, долго бывают одержимы страхом; но после ласк, подарков и угощения обнаруживается как будто непритворная радость и откровенность; при всем том, хотя кажутся успокоены, однакоже берут свои меры, удаляясь от дороги в аулы. Это следствие жестоких с ними поступков в прошедшие времена, причинявших иногда не только озлобление, но и лишавших всех необходимостей, какие странникам в степи приобретать неизбежно от Киргизцев.

Единодушие и братство одной волости непостижимо: они всякую добычу, чрез баранту приобретенную, участвовавшим и неучаствовавшим разделяют поровну платеж кунов за убитых, за ограбление товаров у купцов и прочее, все платят безропотно; — это простирается даже и на подарки со стороны России даваемые Биям; все бывающие при них непременно это разделят. К дружеству между собою склонны; оно известно под словом: дос досталык. Дарить не только вещи, какая понравятся досу, но отдать и детей в усыновление, бывает весьма обыкновенным; полюбившуюся вещь требуют даже заочно и она непременно присылается; но по кончине таких друзей, родственники знающие всяких подарки, естли усмотрят наклад своей стороны, требуют вознаграждения, как будто за долг, чем и начинается разговор. При встрече на дороге, все проворно слезают с лошадей и, при произношении аман, обнимаются; естли старик съедется с Киргизцами бывшими на охоте, то лучшего зверя, хотя бы лисицу или волка, без всякого требования, ему привязывают в торока, не смотря, что приобретение ея иногда стоило им немалых трудов. Оскорбление старца не обходится без суда и взыскания сапа (штрафа). Вот черты добродетели, достойные похвалы и подражания».

Записки Ген.-Майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды//

Отечественные записки, издаваемые Павлом Свинымым. Ч. 43.

СПб.: В типографии Департ. Внешн. Торговли, 1830.

С. 70–97, 194–285. С. 85–92

Историческое обозрение Большой орды
с 1730 года до настоящего времени

«Сказав, что Большая орда киргиз-казацья не участвовала в добровольном подданстве прочих двух орд российскому владычеству, мы должны прежде всего объяснить одно обстоятельство, которое может быть обращено в противоречие словам нашим.

В архивных делах и в «Оренбургской истории» Рычкова находим мы, что вместе с султаном Меньшей орды Эрали, бывшим в Петербурге для личного засвидетельствования императрице Анне покорности отца своего Абульхайра, приезжали посланцы от Большой орды с таковыми же уверениями, и что 10 июля 1734 года дана была сей орде, подобно двум прочим, грамота о принятии оной в число подданных России.

Если бы в сем происшествии не заключалось ничего вымышленного, то оно, конечно, опровергало бы слова наши, но подробное рассмотрение обстоятельств того времени открывает противное. Киргиз-казаки Аралбай и Арасгельды-батыр, сопутствовавшие султану Эрали в Петербург, точно принадлежали к Большой орде, но они были не посланцы, или представители оной, а только приятели или наемники хана Абульхайра, который мнимою властью над Большою ордою желал придать себе более важности при дворе российском, и чрез то приобрести влияние на весь народ казачий.

Ложь, выдуманная Абульхайром, доказывается тою же самою грамотою Императрицы Анны, от 10 июля 1734 года. Она, во-первых, дана на имя нескольких биев и старейшин, а не на имя хана Юлбарса, который, как видно из многих современных актов и из «Оренбургской истории» Рычкова, повелевал тогда Большою ордою. Во-вторых, в грамоте сказано: «Подданный наш, Абульхайр-хан, всеподданнейше нам доносил, что он Вас уже в подданство наше и принял, и с тем прислал ко двору нашему посланцев ваших Аралбая и Арасгельды-батыра». Слова сии основаны на письмах Абульхайра и словесных объявлениях его сына, но уверения их обоих были совершенно ложны. С одной стороны, известно, что Абульхайр, живя от Большой орды весьма далеко, не имел на нее никакого влияния, с другой — видим, что орда сия никогда не присягла России в верности, и совсем не считала себя в числе ее подданных, наконец, замечаем, что грамота сия, врученная начальнику оренбургской экспедиции Кирилову при отправлении его из Петербурга, даже не была им послана по назначению. Нет сомнения, что он нашел неприличным отправить оную, когда по прибытии

своем на границу узнал истинное положение обстоятельств, в ней описанных.

Второе предложение принять Большую орду киргизскую под власть России было гораздо правдоподобнее, хотя не искреннее первого. Оно сделано в 1738 году не мнимым, но действительным повелителем сей орды ханом Юлбарсом, который, узнав об основании города русского при устье реки Ори и о начале в нем торговли с киргиз-казаками Средней и Меньшой орд, прислал просить тех же выгод, а для вернейшего достижения своей цели обещал не только подвластных ему, но и соседственных народов обратить в подданство России, если будут покровительствовать и помогать торговле их в Оренбурге. Условие, Юлбарсом объявленное, показывает, что он думал не о покорности, а только о торговых выгодах. Опыт оправдал это заключение: он не присягал на верность России и даже никогда не был на границах наших. Грамота, вследствие его обещания изготовленная в Петербурге 17 июля 1739 года, донныне остается в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

Впоследствии времени еще несколько раз было предлагаемо правительству русскому принять в свое подданство Большую казачью орду, но предложения сии изъявляли частные султаны или родоначальники, не имевшие власти над всею ордою и искавшие не столько покровительства, сколько подарков, обыкновенно даваемых государями нашими новым подданным.

Впрочем, если бы Большая орда и решилась вместе с Меньшею в 1730 году или при хане своем Юлбарсе в 1738 году, покориться России, то она бы встретила тогда весьма сильное препятствие в исполнении своего намерения. Отдаленность ее от границ русских и близость к зюнгарам остановили бы ее. Гальдан Цырен, или Черен, хонтайдзи зюнгарский, никогда бы не допустил соседственных с ним киргиз-казakov к таковому поступку. Питая к ним наследственную вражду, он при всяком удобном случае притеснял их и мстил им за своих предков, присоединение же Меньшей и Средней орд к России побудили его нанести Большой орде такой удар, после которого она уже не могла последовать примеру своих соплеменников: он напал на нее, разгромил и покорил.

Однако ж, завоевание сие, подобно большей части побед над кочевыми народами, не было прочно. Хотя, как уверяют чиновники русские, бывшие тогда в степях киргизских, новые подданные Гальдана дали ему в знак покорности своей на первый раз, по шкуре корсачей с души, но несчастье не истребило в них привычки и всегдашнего стремления к независимости.

Увидев совершенную невозможность оставаться на прежних жилищах своих около озера Балхаш, они удалились к рекам Цуй и

Сарасу, а потом, собравшись с силами, напали на Ташкент и Туркестан, разорили оные, равно как и множество других городов и селений, к сим владениям принадлежащих, и приобрели столь великую власть над ташкенцами, что принудили их из среди себя избирать ханов.

Жители бывшей Вятской провинции Шубай Арсланов и Мансур, в 1742 году приехав из Ташкента в Оренбург, рассказывали, что до 1739 года владел Ташкентом вышеупомянутый хан, что с ним разделял власть один сильный старейшина киргизской по имени Тюлябий и что они собирали с города ежегодную подать. Потом Юлбарс убит, но Тюлябий и без него продолжал еще несколько времени владычествовать и собирать доходы. Власть его была прекращена каким-то Кусек-беком, данником, а может быть и наместником Галдан Цырена.

Он повелевал Ташкентом в бытность там Шубая и Мансура, но подать с народа поступала не к нему, а прямо к владельцу зюнгарскому. По словам путешественников наших, киргиз-казаки при Кусек-беке уже не имели влияния на внутренние дела Ташкента, но так стеснили окрестности оного, что самый город оставался как бы в постоянной осаде. Они развели под стенами его пашни, завладели близлежащими лесами и при малейшем неудовольствии брали в плен как жителей городских, так и купцов, приезжавших к ним для торгова.

В таком же почти положении был несколько времени и Туркестан, хотя, впрочем, киргизы не мешали зюнгарам ездить туда для торгова. Что касается до малых городов, между Туркестаном и Ташкентом лежащих, то киргиз-казаки, покорив их тогда, сохранили в своей власти почти до начала нынешнего столетия.

Заметим, однако ж, с удивлением, что, невзирая на все завоевания и притеснения народа, бывшего под властью Галдан Цырена, Большая орда казачья не смела ни явно идти против зюнгаров, ни объявить себя независимую от них.

Несколько лет спустя, а именно в 1749 году, Тюлябий, изгнанный из Ташкента Кусек-беком, соскучив ничтожностью своею, хотел возвыситься покровительством России и прислал в Оренбург депутатов с предложением подданства. Бессилие его, вероятно, было известно правительству российскому, а потому вызов его не имел никаких последствий».

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Сочинение Алексея Левшина, Члена разных ученых обществ Российских и Иностранных/Исторические известия. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1832. Часть вторая. 333 с. С. 75–82

Отношение русских к киргизам

«Назад тому полвека или немного более, в глубине самарских степей, киргизы Букеевской орды были страшны для русских, как хищные звери, если не более. Толпы этих дикарей нередко вторгались в селения, образовавшиеся на берегах рек Иргизов, Узеней, Еруслана, Караманов, грабили их, угоняли скот, а иногда людей уводили в плен и продавали их в Хиву. И русский, идя из Руси и селясь в соседстве с таким хищным народом, был оплошен и беспечен: среди раздольных и девственных степей, вдали от селения, выбрав себе зимовку, он заводил на ней землянку или избу, устраивал баз из дерна; туда он с семейством переселялся с весны на все лето, спокойно там работал, орал, сеял пшеницу, косил сено; вокруг уединенного жилища его разгуливали стада его; на реке плавали большие стаи гусей и уток. Мирно текли дни поселянина. Вдруг, откуда ни возьмутся киргизы на конях, вооруженные укрючинами, забирают у него скот и угоняют в свои аулы; даже случалось так: один киргиз, подъехав на коне и грозя укрючиной, требовал от поселянина всего, что он имел у себя на зимовке, и жалкий, безоружный выдавал ему свое имущество собственными своими руками.

...Защиты не было; но со временем он сам придумал оборону против наездника с укрючиной. Ободрившись, он запасася ружьем, сделал железные вилы на длинном черенке, запасася навязищем, кистенем, рогатиной, и с этими оружиями стал отправляться на свои зимовки.

К тому же умножилось население русских; реже стали нападать на них киргизы. Впрочем, все-таки они иногда собирались большими толпами и угоняли стада у русских. Но последние тоже уговаривались в таких случаях собираться в гурьбу по сигналам, когда видели приехавших киргизов, делали сильные отпоры, дрались и преследовали ордынцев в пределы их кочевьев, откуда с лихвой стали выручать свою скотину.

...Ныне в пограничных селениях многие из русских очень хорошо изучили язык киргизов, особенно мальчики, очень свободно говорят по-киргизски. Это было одно из главных средств, послуживших к сближению русских с киргизами.

Многие из русских коротко знакомы с киргизами, и водят, как говорится, хлеб и соль: если русской придет к киргизу, то последний приглашает его в свою кибитку, сажает на кошму, поит кумысом. Если киргиз придет к русскому, то последний ставит лошадь его к сену, приглашает в избу, поит вином и кормит хлебом.

Киргизы приезжают в пограничные селения на ярмарки, базары и запросто пригоняя для продажи лошадей, коров, баранов, привозят овчины, шкуры, сало, шерсть верблюжью, лис, хорьков, сурков и другие свои изделия.

Русские гуртопромышленники, с открытием каждой весны, спокойно ездят в Орду со значительными капиталами, покупают там скот, пользуются кредитом на одно слово или делают законные сделки по делам торговым. В особенности учреждение ярмарки в Рын-песках сблизило русских с киргизами и содействовало к развитию торговли, год от году увеличивающейся.

Киргизы каждую зиму приезжают в здешние города на верблюдах, запряженных в сани, для покупки разных товаров.

Войдя в близкие сношения с русскими, киргизы многое изменили в своем кочевом быту и завели на манер русский: многие из них устроили себе на зиму землянки и обшили их тесом; некоторые, посредством найма русских косцов, стали заготавливать сено для скота на зиму; пснут хлеб пшеничный, варят каши вели лошадиную сбрую и стали ездить на телегах и санях».

Леопольдов А. Отношение русских к киргизам//

Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1852. С. 64–65;

Леопольдов А. Отношение русских к киргизам//История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов/Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Инночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 848–850

Борьба за землю в киргизской степи

«Способность киргизов приспосабливаться к внешней обстановке сильно бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с их жизнью в разных частях степи, резко несходных по характеру общих естественно-исторических условий и по степени влияния на киргизов других, более культурных народов.

Так, в Зайсанском уезде Семипалатинской области, летом 1901 г. автору пришлось жить среди таких киргизов, которые, не зная другого способа передвижения, кроме верховой езды на лошади и верблюде, не зная никаких промыслов и заработков, в то же время занимаются, наряду с чисто пастбищным скотоводством, земледелием исключительно поливного типа. Научились же они при помощи одной лопаты проводить сложнейшие ирригационные сети, коими покрыты все долины рек и речек, от своих соседей — китайцев и дунган.

В Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Акмолинском уездах на приисках, в Павлодарском — на каменно-угольных копях, а по Иртышу — на пароходах и пристанях — масса профессиональных рабочих киргизов, которые работают нередко артелями и чуть ли не самостоятельно додумались до забастовок: это пролетарии чистейшей воды.

В северных частях Акмолинского и Атбасарского уездов и в уездах Кустанайском, Актюбинском и Уральском киргизы ведут в широких размерах земледельческое хозяйство по тому же типу, какой наблюдается в соседних казачьих и переселенческих поселках. Они охотно приобретают косилки, жнейки, железные плуги и даже молотилки и настолько вошли во вкус этой новой жизни, что уже с гордостью заявляют: «Чему еще могут научить нас русские в хозяйстве! Теперь мы сами их можем учить!» Сказать кому-либо киргизу-северянину, что он ведет свое хозяйство, как русский — «орусча», — значит польстить ему самым приятным для него образом.

...Грамотность русская и мусульманская, знание русского языка, смешанная пища со значительным потреблением растительных продуктов, удобная в трудовом обиходе одежда на татарский лад, чистые и просторные жилища для зимы, нередко уже с прямыми и сознательными претензиями на известный комфорт, — все это сопутствует, именно, как раз развитию земледелия и промыслов и почти целиком отсутствовало до самого последнего времени у сохранившихся до сих пор огромных масс чистых кочевников-скотоводов, которые живут по-прежнему не трудами рук

своих, а челюстями своих лошадей, верблюдов и баранов, перекочевывая с ними с места на место, из года в год, с незапамятных библейских времен.

Итак, как результат сильно развитой приспособляемости киргизского народа к особенностям внешней обстановки, мы имеем в настоящее время в киргизской степи не один, а несколько различных и взаимно борющихся между собою хозяйственных типов, начиная от чисто скотоводческого кочевого через скотоводческо-земледельческий, земледельческий — чистый и земледельческо-промысловый до чисто промыслового, распадающегося на два противоположных типа: предпринимательский и пролетарский.

Это является лучшим доказательством жизнеспособности и энергии киргизского народа и богатства его духовных сил, позволяющим ему быстро осваиваться с окружающими условиями и встать по отношению к ним в наиболее выгодное положение в каждом отдельном случае».

*Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи. 2-е изд., доп.
Астана: Алтын кітап, 2007. 177 с. С. 11–12; 15–16*

К характеристике киргиз

«Исторический уклад, общественный строй, образ жизни, приуроченный к скотоводческому хозяйству, и необратимые вольные степные пространства наложили на киргиза неизгладимые черты. Благодаря всему этому, в нем выработался дух независимости, стойкости, выносливости, поразительное чувство собственного достоинства.

Правда, у киргиз есть султанские роды и хаджи (потомки Магомета), но, хотя они и считаются светской и духовной аристократией, однако особыми привилегиями не пользовались и не пользуются, но влияние их на народ весьма значительно. На протяжении всей своей истории киргизы никогда не знали такого общественного устройства, при котором правитель по своему произволу мог бы резать головы подданным. Поэтому, киргиз и не мог выработать в себе льстивости и низкопоклонства и при всяком начальстве, к досаде последнего, держит себя, как с равным. Он смеется, шутит, дает острые едкие ответы, но никогда не может вынести обиды и оскорбления и не успокаивается до тех пор, пока не выместит своего гнева. Обидчивость же и мстительность киргиз положительно чудовищны, даже косо брошенный взгляд у них не остается без отмщения...

Обыкновенно же киргиз тотчас производит расправу своей неизменной спутницей — нагайкой. Зная, что всякое оскорбление будет отомщено, киргиз бережно относится к самолюбию другого киргиза и поэтому ссоры между ними чрезвычайно редки.

В общем же, в первобытной натуре киргиза много благородных симпатичных черт. Он добродушен и кроток и часто одного слова, сказанного ласковым голосом, достаточно, чтобы расположить его в свою пользу. Там, где киргиз встретит привет и радушие, он никогда не бывает злонамерен и за всякую помощь, оказанную ему, стремится воздать сторицею. Встречая иноплеменника, киргиз вначале кажется скрытным и холодным, но достаточно провести с ним два — три дня, чтобы убедиться в его открытом добром характере. Убедившись, что вы человек добрый, киргиз начинает без устали рассказывать вам обо всем, как старому другу. Услужливость и доброта его по отношению к вам не знает предела. В этих случаях он руководствуется следующей пословицей: — «Делай добро и брось его в воду — рыба узнает, а если рыба не узнает, то узнает творец». Дав слово, киргиз непременно сдержит его. Нарушивший слово киргиз — киргизами презирается. Номад сильно привязан к старине, к обычаям своих предков, не отличаясь особою религиозностью, он в высшей степени скромен к суеверию. Он, например,

никогда не выедет в дальний путь в субботу и во вторник из-за боязни несчастья, так как эти дни считает тяжелыми. В крайнем случае, он должен совершить некоторые церемонии, которые оберегали бы его от неизбежного несчастья, например, отойти накануне на сорок шагов от кибитки по направлению предполагаемой поездки и зарыть горсть соли в мешке.

Выезжая в тяжелый день, киргиз выкапывает мешочек в уверенности, что он спасет его от несчастья. Живой, общительный и доверчивый киргиз в то же время ленив, беспечен и склонен к сплетням. Киргиз обладает большими умственными способностями и особенно памятью на лица, события и природу. Память высшего порядка и, особенно, на усвоение отвлеченных понятий — слаба, любознательности менее чем любопытства, учение, и особенно математика, дается легко. Я знаю, например, киргиз, которые усваивали теоретически и практически алгебру в течение одной недели. Большие способности проявляют киргизы и в живописи.

Однако симпатичный первобытный характер номада за последнее время стал сильно изменяться. Безжалостная и бессовестная эксплуатация идущих со стороны сартов, в киргизскую степь с востока и юга, и татар, и русских — с запада и севера, поневоле заставляют киргиз изменять своему национальному характеру.

В настоящее время, и особенно около городов, уже не редкость встретить среди киргизов мошенников, воров, кляузников и т. д.

Однако, как ни спешит киргиз под нивелирующие ножницы культуры, в нем и до сих пор, еще много первобытного благородства и при желании, пользуясь характером киргиз, можно бы сделать много весьма хорошего для этого симпатичного народа.

Ходыров П. К характеристике киргиз//Туркестанские ведомости. 1912. № 223. 5 октября. С. 2—3; Ходыров П. К характеристике киргиз// «Туркестанские ведомости» — этнографические рассказы. 2-е изд., доп. Астана: Алтын кітап, 2007. 299 с. С. 177—180

Советский патернализм

Авторитаризм, тем не менее, не являлся исключительной и наиболее характерной чертой новых производственных отношений. Смысл патерналистской системы того времени заключался в обеспечении благосостояния для поколения управленцев, профсоюзных работников, членов партии и даже рабочих на основе «строительства социализма» по месту работы. В целом, если учитывать материальный достаток и влияние промышленных комиссариатов при плановой экономике, то промышленное предприятие являлось наиболее подходящим местом для создания подобной сети социального обеспечения. Однако установление крепкого патерналистского производственного порядка не могло учитывать всех обстоятельств. На Турксибе администрация была вынуждена удовлетворять нужды более чем 100 000 человек, что значительно превышало возможности местных исполнительных органов. И. Ильф и Е. Петров сравнивали строителей Турксиба с «Робинзонами», поскольку они, подобно Робинзону Крузо, были выброшены на пустое место. Турксиб должен был строить свои бараки, магазины, бани, клубы, красные уголки, школы, почтовые отделения, медицинские стационары, больницы и даже парикмахерские. Он воздвиг не один, а несколько городов, таких как Луговая, Иллийское и Аягуз, и неузнаваемо преобразовал Семипалатинск и Алма-Ату. Турксиб строил не только социализм, но и создавал социалистическую общность.

Подобная общность требовала жизненного пространства, и перед Турксибом в качестве почти непреодолимой задачи стал вопрос о жилищном строительстве. В этом вопросе партия выступила в роли погоняющей палки; первый же партийный съезд на Турксибе уделил значительное внимание жилищному вопросу и подверг строгой критике неспособность управленцев по его решению. Под ее нажимом администрация утроила капиталовложения в жилищный фонд за 1928–1929 и 1929–1930 годы, и хотя в течение целого ряда лет жилищный вопрос оставался наиболее болезненным, все же было положено начало возведению неплохого жилья. Железнодорожные городки в Иллийском, Чу, Луговой и других местах вскоре уже имели свои школы, клубы, красные уголки и здравпункты. Самым важным являлось возведение бараков. К весне 1930 года Турксиб построил 429 отдельных домов, 723 барака и 67 бань. К концу сооружения дороги было возведено только 63 000 из запланированных 146 000 квадратных метров постоянного жилья, однако Турксиб обещал удвоить свое жилищное строительство в следующем году. Представлялось, что юрты, наконец, заменят крепкие строения.

Побудительный импульс для такого строительства исходил не только от партии, но и от начальников участков и дорог, руководителей эксплуатационного управления, которые, казалось бы, хорошо осознавали истинную причину бегства своих рабочих. В действительности же, начальство полностью узурпировало право распределения жилья. Когда дело касалось строительства комфортабельных коттеджей для специалистов, как это делал начальник станции Каратал, или когда конторские служащие изгоняли рабочих в переполненные хибарки, то мнение строительного отдела Управления или местных Советов совершенно не бралось в расчет, а на передний план выдвигались собственные приоритеты. Поистине, почти все жилища на Турксибе производили неизгладимое впечатление на скромного обитателя московских трущоб, однако сразу же после того, как тот свивал там гнездо, то вокруг него тут же образовывалась самая настоящая социальная лестница соподчинения, как это имело место на Чокпарском перевале.

Здесь большинство конторских служащих и все начальство участка жили в «красоте и благости» — старой гостинице с железной печью в каждой комнате. Стоящие ступенью ниже рабочие на постоянном контракте проживали в бараках, растянувшихся вдоль железнодорожной насыпи. Уровень ниже являл собой землянки, где в условиях тесноты, холода и повышенной влажности ютились землекопы. Хотя эти покрытые дерниной жилища и могли быть уютно обустроены, как это умели делать украинские грабари, все же большинство хотело бы жить в бараках. Наконец, на самом низу этой иерархии среди холода, ветра и снега Чокпара обитали около 200 рабочих участка, которым выделили для жилья палатки и юрты. Неудивительно, что большинство из них были казахами. Обычно считалось, что казахи приучены к жизни в таких условиях, но и они по мере возможности стремились в бараки. Эта иерархия не исчезла и с улучшением уровня жизни. Распределение жилья со стороны управленцев осуществлялось на основе полезности и важности того или иного работника: специалисты, которых трудно было уговорить к переезду, требовали особого отношения, а предназначенные для одноразового использования рабочие низкой квалификации, такие, как казахи, могли быть низведены до обитания в юрте. С 1929 года данное регулирование стало еще более персонифицированным, поскольку перебежчики с одного места на другое и другие нарушители стали немедленно изгоняться из казенного жилья.

Учитывая кризисное состояние здравоохранения на Турксибе, администрация стала больше вкладывать в помещения и оборудование медицинских учреждений. В последний год строительства Отдел здравоохранения Турксиба увеличил число своих госпита-

лей с шести до девятнадцати с соответствующим пополнением больничных койко-мест с 320 до 640. Количество амбулаторий выросло только с пятнадцати до восемнадцати, однако численность докторов возросла с сорока семи до семидесяти пяти специалистов. Для расширения поля своей деятельности Отдел здравоохранения получил на постоянной основе бюджет в размере 720 979 рублей, основную часть которого составляли удержания с рабочих по медицинскому страхованию. После открытия железной дороги Турксиб правительство согласилось профинансировать крупную медицинскую программу строительства в размере около трех с половиной миллионов рублей.

Однако следует признать, что забота начальства Турксиба по улучшению медицинского обслуживания, особенно в 1930 г., когда разразилась эпидемия тифа, оградила строительство от массовой гибели рабочих. С другой стороны, медицина явилась в руках боссов дополнительным сильным орудием власти.

Система рычагов влияния на основе социального обеспечения, которой обладало управление строительства, особенно ярко проявила себя в сфере социального потребления. Администрация начала расходовать средства бюджета на создание предприятий ТПО и субсидировать покупку транспорта для перевозки кооперативных товаров. Она также предоставила ТПО некоторую автономию. С местными колхозами подписывались договора о продуктовых поставках, а около поселений Турксиба устраивались огороднические хозяйства. Вскоре была развернута кампания по выращиванию кроликов и коз. Однако и здесь, по примеру жилищного строительства, принцип справедливости был предан забвению. Отчасти неравенство явилось естественным следствием коррупции и закрытой системы распределения. Те, кто получал право на заключение контракта, и, одновременно, высказывал благосклонность чиновникам, пользовался преференциями. На станции Луговая, например, корреспондент обнаружил в переполненных пакетах ложки, салфетки и чашки, которые никогда не доходили до рабочих Луговой, не говоря уже о других трудящихся дальше по линии. Один из рабочих заметил при этом: «Мы живем рядом со складом, но чтобы купить единственную ложку, надо заплатить целую пятерку». Зачастую те, кто брал взятки и пользовался благосклонностью кооператоров, являлись управленцами. Когда для кооператива в Алма-Ате была получена партия ценного груза из бобровых пальто, то разозленный рабкор заметил: «Рабочие глазом не успели моргнуть, как дирекция магазина уже распределила их в «плановом порядке» между собой и управленцами». Благодаря «блату», управленцы получали лучшую еду в столовых и снабжались «зарезервированными» за ними дефицитными товарами.

Одновременно с этим система нормирования потребления, пришедшая на смену относительно объективному хозяйствованию рынка, существенно усилила бюрократическое влияние за счет распределительной сети, при которой рабочие всегда оказывались в проигрыше. На Турксибе ТПО обслуживало столовые и магазины для производственных рабочих, снабжавшиеся гораздо хуже, чем аналогичные точки общепита, предназначенные для «белых воротничков». Более того, зачастую стоимость обедов была доступна только для более высокооплачиваемых инженеров. Подобная политика позволяла ТПО экономно расходовать ограниченные ресурсы, однако со стороны раздавались жалобы на то, что кооператив «экономит на пустых желудках». Неравенство при распределении объяснялось не только блатом, но и преднамеренными действиями.

Служба охраны на Турксибе, например, обеспечивалась питанием гораздо лучше, чем простые рабочие. Очевидно, что Турксиб извлекал выгоду от этой политики нормирования питания. Другой оплот нового индустриального режима в лице ударников также имел преимущественное обслуживание. Наконец, как и с медицинским обслуживанием, администрация использовала ТПО для усиления власти начальства. В преддверии принятия драконовского закона от 15 ноября 1932 г. Турксиб начал урезать продовольственное снабжение всем уволенным рабочим. Периодическая перепроверка списков поставленных на довольствие в ТПО была нацелена на то, чтобы «мертвые души» после увольнения не могли воспользоваться талонами на питание.

Из всех попыток дисциплинировать рабочих через авторитарный контроль, или патернализм, наиболее наступательными на Турксибе выступали действия, направленные на реформирование досуга трудящихся. Старые формы проведения личного времени демонизировались как контрреволюционные проявления и выступали в качестве мишеней для партии и профсоюза в их культурной работе. Культурное просветительство, как звучало в одной из резолюций, «перенесет пролетарское влияние в деревню, определит конкретную цель строительства социализма и усилит идеологическую борьбу с мелкобуржуазными пережитками [включая религию, пьянство, шовинизм и местный национализм]».

Самым важным компонентом этой кампании по духовному подъему на Турксибе была ее обратная сторона: сухой закон. В первую очередь Турксиб представлялся очагом спекуляции, попок, разврата и азартных игр, процветавших в «шанхаях» вдоль железнодорожного пути и постоянно вызывавших беспокойство властей. Когда правоохранительные и властные органы оказывались не в силах справиться со спекуляцией административными мерами или путем

штрафных санкций, то из своих палаток выходили комсомольцы, «легкая кавалерия партии», и начинали крушить очаги разврата и бить спекулянтов. Более того, ОГПУ периодически, особенно после каких-либо происшествий, получало приказы «устранить все деморализующие элементы, влияющие на рабочих (держателей притонов, спекулянтов, баев-кулаков)».

Когда стало ясно, что запретительные меры и сухой закон не действуют, власти взялись за изоляцию системы потребления в целом. Начальство Турксиба объявило наиболее популярные формы времяпровождения рабочих — выпивку и игру в карты — антисоциальным явлением. Одна из передовиц в газете выступила с предостережением: «В угаре пьянства классовые враги на Турксибе успешно осуществляют свою антисоветскую деятельность, мерзко провоцируя национальную вражду, вредительство на производстве, а также срывая общественную и политическую работу». Новый угрожающий тон по отношению к пьянству вскоре вылился в карательную практику против пьяниц. Любой их тех, кто был пойман на работе в нетрезвом состоянии, немедленно увольнялся с потерей своего заработка.

Государство осуществило попытку подогнать под статью и другой аспект частной жизни — религию, которую оно также рассматривало в качестве одурманивающего средства. Руководители Турксиба, особенно после внедрения непрерывки, стали определять веру в одном поле с классовым антагонизмом. Любой грех мог быть подведен под религию. Один из председателей комитета по фамилии Иванов был ошельмован как баптист, который якобы покрывает пьянство, самогонварение и симуляцию болезни своих единоверцев. Вполне вероятно, что на Турксибе существовало несколько подпольных баптистских братств, отличных от традиционных верований, но и это весьма сомнительно. В любом случае, приравнивание пьянства к религии, которая иссушает пролетарскую волю, привело к тому, что на Турксибе мало различали или вовсе ставили знак равенства между самогонщиками и верующими. Отдельные верующие «разоблачались» в период широкомасштабных антирелигиозных кампаний, проводившихся во время церковных праздников, будь это христианская пасха или мусульманский курбан айт.

Хотя требование «стопроцентного» присутствия на работе во время религиозного праздника никогда не исполнялось (профсоюз, что весьма разумно, никогда не докладывал об успехах в этой кампании), простой «невыход на работу» в этот день давал право характеризовать прогульщика как человека с отклонениями от коммунистической нормы. Волна религиозных преследований, сопровождавшая силовую коллективизацию, прокатилась и по Турксибу. Хотя на строительстве в обязательном порядке были организованы круж-

ки воинствующих безбожников, тем не менее, основная задача по антирелигиозной работе легла на плечи профсоюзных и партийных активистов. Эти активисты, согласно указанию сверху, на всем протяжении Турксиба насильственным путем превращали церкви и мечети в рабочие клубы. В этой деятельности культурная революция нашла свое наиболее яркое воплощение.

Попытки Турксиба повлиять на свободное время своих рабочих во многом означали искреннее стремление создать новый «окультуренный» досуг. Учитывая уроки Сергиопольского бунта, когда Турксиб заполонили «черные силы», администрация приложила немало усилий для расширения сети красных уголков, театров, клубов и библиотек. Весьма знаменательным в этом отношении явилось внедрение на крупных строительных участках аудиовизуальных средств в виде радиоприемных устройств и кинопроекторов. К 1929 г. текущие расходы профсоюза на культурную деятельность достигли 22 000 рублей — небывалой суммы, если учесть, что расходы профсоюза на культсектор, в общем и целом, основывались на добровольных началах, которым никто не следовал. Более того, после строительства железной дороги планировалось создание рабочих клубов на каждом рабочем участке, имеющим местные профсоюзные органы, что обошлось бы в грандиозную сумму в 4,3 млн рублей. То, что данный бюджет значительно превышал расходы на медицинское обслуживание, свидетельствует о том, что создание очагов для культурного времяпровождения трудящихся являлось высшим приоритетом для режима.

Хотя как патернализм, так и авторитарные методы налаживания дисциплины непосредственным образом были связаны с использованием власти, тем не менее, необходимо различать два этих понятия. Способы, какими хозяйственное руководство и политическое начальство Турксиба использовало эту власть, отличаются непоследовательностью. Авторитарные инструменты, спроецированные на мобильность, рабочее время, заработную плату и независимость рабочих, сами по себе порождали противодействие. Правду сказать, это противодействие основывалось на сложном переплетении технологии власти благодаря ее сильному усредняющему воздействию: простой землекоп и квалифицированный машинист в одинаковой манере могли возмущаться тем, что их вывесили на «доске позора», а казах и европеец оказывать сопротивление по поводу одних и тех же высоких норм выработки. Это объединяющее чувство недовольства должно было бы работать на преодоление глубоких прежде различий как по профессии, так и по этническому происхождению. То, что коллективные действия в форме забастовок и бунтов уже перестали иметь былую значимость, объясняется тактическим приспособ-

соблением рабочих, опасавшихся конфронтации, а не предполагаемым процессом их атомизации. Рабочие по-прежнему продолжали устраивать забастовки, требуя более высокой заработной платы, сбежать от ужасающих условий жизни и труда, не выходить на работу и пьянствовать.

Более того, авторитарные меры должны были иметь какое-то оправдание. Фактически, победа над недисциплинированностью имела меньшее значение, чем принятие под ее лозунгами «жесткой линии». Патерналистские же инструменты функционировали иным способом. Репрессивная сторона патернализма на Турксибе проявлялась в таких действиях, как лишение продовольственного пайка и манипуляции с больничными листами. Однако обратная, благотворительствующая сторона патернализма на Турксибе носила по своей природе более коварный характер. С превращением строительства в огромный поселок, подчиненный одному ведомству, которое обеспечивало всем — от культуры до еды, от жилья до здравоохранения — оно превратилось в эрзац-общность.

Советские рабочие создали для себя ту общинную жизнь, которую они единственно могли вести при всепоглощающем Молохе — плане. При переходе от НЭПа к плановому хозяйству трудящиеся обменяли ненадежность своего положения и угрозу остаться без работы на зависимость и подчиненное существование. Советский патернализм не просто узурпировал функции местного самоуправления (заметьте, какую ничтожную роль играли Советы на Турксибе), но захватил и колонизировал частную жизнь рабочих, диктуя свои правила в сфере потребления, свободного времени и их устремлений. Рабочие не воспротивились созданию кооперативов, жилищному строительству или строительству клубов, поскольку это было единственным доступным источником для социального жизнеобеспечения. Это являлось не только огосударствлением рабочего времени, но и частной жизни. С распространением в советской действительности блага и жульничества стала очевидна и цена этой зависимости. Рабочие и служащие при удовлетворении своих нужд могли полагаться только, как правило, на иррациональную и неэффективную бюрократию — обстоятельство, которое прямо сказалось на их устремлениях. В данном случае сказалось устойчивое наследие культурной революции — главенствующая роль места работы при создании и сохранении социальной иерархии при одновременном подчинении отдельной личности требованиям производства.

*Пайн Мэтью Дж. Сталинская железная дорога.
Турксиб и строительство социализма/Пер. с англ. Б.М. Сужикова/
Сост. Ж.Б. Абылхожин. Алматы: Санат, 2006. С. 308.*

Казахстанская внешняя политика

В марте 1992 года Н. Назарбаев дал поручение приступить к подготовке основательного договора с Российской Федерацией. По замыслу Президента, этот документ должен был юридически подтвердить основные принципы и направления сотрудничества двух новых субъектов международных отношений. О важности такого договора для Казахстана, по-моему, излишне говорить. Уже тогда все понимали его большое историческое значение. Ведь Казахстан впервые в своей истории вступал в равноправные договорные отношения с Российским государством.

В МИДе была создана группа по подготовке договора. Ее работу курировало руководство администрации Президента. Через месяц проект документа был согласован. Надо отметить, что с самого начала было единое понимание в команде разработчиков относительно сути договора: этот документ должен иметь долгосрочный характер, определять главные направления сотрудничества на длительную перспективу, юридически подтвердить равноправный характер взаимоотношений между двумя соседними государствами, стать Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Нельзя сказать, что процесс согласования этого чрезвычайно важного документа шел «без сучка и задоринки». Нам на экспертном уровне пришлось провести немало дней и вечеров в ожесточенных дискуссиях с российскими коллегами по поводу целого ряда положений договора. Дело в том, что с момента распада СССР прошло мало времени, и Москва еще не «остыла» после пережитых геополитических всплесков. Ей нелегко было свыкнуться с утратой доминирующей роли среди бывших республик и принимать их представителей в качестве равноправных переговорщиков.

Амбиции не исчезают в одночасье, нужно время для адаптации к новым геополитическим реалиям. Говорю об этом не для упрёка, а для констатации феномена, который подтверждается многочисленными примерами из мировой истории.

25 мая 1992 года президенты Н. Назарбаев и Б. Ельцин в торжественной обстановке подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Без преувеличения можно сказать, что значение этого документа поистине велико. Договор в полной мере отразил фундаментальные изменения, произошедшие после распада СССР и выхода двух соседних государств в абсолютно новые геополитические реалии.

Токаев К-Ж. Преодоление. Очерки дипломата / Сер. «Международные отношения». М.: ЦЛНГ, 2009. С. 208–209

Россия и Казахстан нуждаются в стратегическом партнерстве

Ось Россия—Казахстан должна стать одним из основных геополитических приоритетов России.

Споры о геополитических приоритетах России не утихают. Одни призывают направить их исключительно в западном направлении. Другие, основываясь на евразийской географической и ментальной общности, настаивают на том, чтобы Россия обратила свой геополитический вектор развития на восток. В последнее время, в ходе борьбы против «международного терроризма», геополитическая чаша весов России мало-помалу склоняется в западном направлении.

С точки зрения среднесрочной и долгосрочной перспективы движение России на Запад — в направлении тесного политического и экономического взаимодействия с Европейским Союзом — шаг, отражающий тот факт, что потенциал Западной Европы не только не исчерпан, но и уже в ближайшем будущем получит мощный рывок по всем направлениям.

Если российский президент Путин понимает, что сближение с Евросоюзом отвечает российским национальным интересам, то, в свою очередь, президент Казахстана Назарбаев отдает себе отчет в том, что серьезное сближение его страны с Западом невозможно без стратегического партнерства с Россией. Ведь именно через Россию осуществляются транспортные и энергетические коммуникации Казахстана с континентальной Европой. Но взаимодействие России и Казахстана на стратегическом уровне имеет не только экономический, но и другой, может, и более важный аспект — это важный элемент европейской и евразийской безопасности.

В этом смысле можно полагать, что стратегическое сближение России и Казахстана и их сотрудничество в области совместной безопасности будет играть благотворную роль не только для региона Центральной Азии, но и для Европы в целом. В чем же конкретно состоит природа и характер новых угроз, ответ на которые может дать российско-казахстанское сотрудничество в сфере безопасности? В этом вопросе мы можем обратиться к лицу, которое, несомненно, достаточно компетентно в этих вопросах.

Речь идет о новой книге президента Казахстана «Критическое десятилетие». Круг угроз, по мнению Назарбаева, достаточно широк: экспорт международного терроризма, деструктивное влияние религиозного экстремизма и фундаментализма, возможные конфликтные зоны, которые возникают и могут возникнуть на Каспии, усиливающийся транспорт (транзит) в европейском направлении

психотропных и наркосодержащих веществ, геополитические интересы приграничных и иных держав в районе Каспийского бассейна и Центральной Азии. Ситуация на Каспийском море в целом складывается для нас достаточно благоприятно. Двусторонние соглашения «о срединных линиях» на Каспии с Азербайджаном и Казахстаном позволили нам и нашим южным соседям приступить наконец к долгожданному освоению крупных шельфовых месторождений нефти и газа. В том числе и в тесном сотрудничестве между договаривающимися сторонами. Ряд крупных месторождений на Каспии в настоящее время находится на стадии совместного освоения с Казахстаном.

«Процесс пошел», но проблемы остаются.

В последнее время иранские дипломаты постоянно подчеркивают, что «двусторонние соглашения» прикаспийских государств недостаточно легитимны и серьезно дестабилизируют ситуацию на Каспии. Кроме того, серьезным остается вопрос об ухудшающейся экологической ситуации на Каспии, обеднении водных и биоресурсов Каспийского бассейна. Дальнейшее ухудшение ситуации на Каспии чревато самыми непредсказуемыми последствиями, которые могут привести к взаимной конфронтации прикаспийских стран. Другой проблемой, которая одинаково значима и для Казахстана, и для России, является то, что обе страны являются транзитными зонами для наркотрафика из Азии в Европу.

Эта проблема настолько опасна, а интересы России и Казахстана настолько переплетаются, что ее одной достаточно для налаживания сотрудничества стратегического уровня. Опасностей, которые угрожают не только нам, но и нашим южным соседям, не перечесать. В книге Назарбаева выделены только самые существенные — способные повлиять на региональную безопасность в Прикаспии и Центральной Азии, а также на национальную безопасность всех стран СНГ. Именно в этих угрозах и находятся точки соприкосновения российских и казахстанских интересов. Стратегическая ось Москва — Астана позволит нам решить самую болезненную и самую острую проблему — проблему безопасности южных границ. Но не только. Она может дать нам и дополнительный ресурс для развития полноценного сотрудничества с Европой в качестве гаранта европейской безопасности в условиях нарастания новых вызовов и угроз.

Кудинов О./Время МН. 30.04.2003. С. 8

URL: http://old.arba.ru/ru_press/6/articles/2003119-9.html

**Трансформация российско-казахстанских
постсоветских политических взаимоотношений:
от хаоса к интеграции?**

*Департамент правительства по международным отношениям
Университета Сиднея. Доклад был представлен на 10-й ежегодной
конференции Австралийско-азиатской Ассоциации по изучению
коммунистических и посткоммунистических стран в Канберре
3–4 февраля 2011*

Отношения Казахстана и России очень сложны во многих областях, хотя рассматриваемый период независимости было бы ошибочно назвать «новой паутиной отношений». Отношения эти начинаются с более ранних, очень сильных связей между двумя странами.

Официально политические отношения между Россией и Казахстаном очень устойчивы. После развала СССР, в результате регулярных политических встреч, было подписано болсс 400 двусторонних соглашений между государствами. Однако есть все еще число проблем, которые требуют дальнейших обсуждений (среди них заключительное разделение Каспийского Моря и проблемы российской диаспоры). В то время как первоначально внешняя политика России была предназначена к определению его собственно независимой роли, и более сильной интенсификации отношений с Западом, прежние Центрально-Азиатские республики не были в центре Внешней политики Российской Федерации. Однако, с тех пор как Россия вернула экономическую мощь, область и приоритеты ее стратегических интересов изменились.

Общепринято, что долгосрочные стратегические цели России сосредоточиваются на максимальной интеграции государств, включая экономику, военные области, и даже переход к единой валюте (Laumulin 2009; Камминс 2001; Бжезинский 2005; и т. д.). В то же время такая интеграция, кажется, не отражает российские интересы полностью — Россия, конечно, имеет намерения усилить сотрудничество между странами. Однако изначально непоследовательная российская политика затрагивает общие тенденции к двусторонним отношениям и оказывает влияние на будущие события двусторонних отношений. Федерация также потеряла свою власть в региональных структурах и интеграционных процессах. Кроме того, это важно, чтобы обрисовать в общих чертах, что сам Казахстан тоже играет большую роль в региональной тенденции к интеграции, конкурируя, таким образом, с Россией.

Следовательно, теперь, когда эйфория независимости проходит, страны меняют свои стратегические цели по отношению друг к другу; и общей целью является товарищеское сосуществование, все более конкурируя между собой. Это усложняет процессы многосторонних сотрудничеств, главным образом минимизируя успешное сотрудничество на узком двустороннем уровне.

*Yelena Zabortseva.
Department of Government and International Relations, SSPS,
University of Sydney, yn.zabortseva@sydney.edu.au*

Казахстан идет в Европу. Вместе с Россией? Вместо России?

Алексей Власов, генеральный директор информационно-аналитического центра по изучению постсоветского пространства

Предстоящий визит нового Президента России Дмитрия Медведева в Казахстан — это возможность подвести предварительный итог развития двухсторонних отношений за «путинское восьмилетие», наметить основные направления развития диалога между РК и РФ, продемонстрировать масштабы пространства «взаимного доверия», сложившегося за время второго президентского срока Владимира Путина. Новому российскому лидеру предстоит либо расширить, либо, по меньшей мере, сохранить фундаментальные основы союзных отношений.

Многовекторный курс казахстанской дипломатии неизбежно приводит к расширению «контактных зон» с другими партнерами. Вполне естественно, что Россия, сохраняя приоритетные позиции, становится «первой среди равных». А, значит, Кремль должен осознавать, что внешнеполитический курс по отношению к странам Центрально-Азиатского региона должен быть более динамичным, гибким, реагирующим на изменение внешних обстоятельств. И, в то же время, последовательным, устойчивым, учитывающим интересы стратегических партнеров, но, одновременно, жестко отстаивающим собственные приоритеты.

За «крепостными стенами» очередной линии обороны от посягательств Вашингтона на российские позиции в Центральной Азии важно не упустить из внимания выбор направления движения в будущее наших партнеров — «европейскую стратегию» Нурсултана Назарбаева.

Среди отечественных экспертов укрепились мнение о партнерских программах с ЕС как об очередном имиджевом ходе казахстанских властей накануне председательства в ОБСЕ. Мне кажется, сводить суть вопроса к обсуждению пиар-стратегий — занятие бесперспективное. Более того, внешнеполитические аспекты «плана Нурсултана Назарбаева» вторичны по отношению к внутренним резонам, которые подталкивают власти РК внимательнее всматриваться в «европейские перспективы».

Казахстан может стать «мостом между Европой и Азией». Эту мысль Нурсултан Назарбаев неоднократно озвучивал в Посланиях народу Казахстана. Следует ли воспринимать данное положение в традиционном значении «транспортного коридора» восстановление Велико-

го Шелкового пути? Как один из элементов — да. Но возможна и расширительная трактовка этой позиции, обретение новых смыслов.

Прежде всего, «европейская стратегия» Казахстана не означает, что евразийская идея окончательно уходит из повестки дня. Официальные лица в Астане все чаще говорят об «изменении образа Евразии», о том, что в современных условиях он приобретает более выраженные «европейские черты», но сохраняет свою уникальность и самобытность. В то же время, замкнутость в «особенностях национального развития» означает, в перспективе, неизбежное превращение в страну-аутсайдера в объективных условиях развития процессов глобализации и, одновременно, обострения конкурентной борьбы не только на сырьевых рынках, но и в сфере высоких технологий. Сходные проблемы встают и перед Россией. Необходимо найти устойчивый баланс между «суверенностью» и интеграцией в мировые процессы. Но на каких условиях?

«Впитывать» позитивный опыт Востока и Запада, на основе синтеза идей обретать понимание собственного пути, но при этом обозначать европейский вектор как приоритетное направление движения страны в будущее — таков примерный смысл рассуждений Ак Орды. Следовательно, евротренд для Казахстана это качественно новый уровень высшего образования, развитие гражданского общества, экология, достижение высоких стандартов качества жизни, а уже во вторую очередь энергетика, о которой так много говорится на уровне западных экспертов и аналитиков. Казахстан заинтересован в получении содействия со стороны образовательных фондов ЕС для развития инновационных программ, но рассматривать этот сюжет только в контексте «Болонского процесса», значит, ограничиться формальными признаками «принадлежности к высшему свету». Внешне позиция Астаны ясна: «при помощи Европейского Союза наладить в стране схему: «образование — исследования — применение результатов исследований в индустриальной сфере». Но возможно, что этот путь Россия и Казахстан смогут пройти вместе, сохраняя основы единого гуманитарного «евразийского» пространства, о котором так много говорится, но которое становится все более зыбким, туманным, несмотря на великое множество структур, которые это пространство формируют — ШОС, СНГ, ЕврАзЭС.

Готов ли Запад к такому «прочтению» «Стратегии нового партнерства: приоритеты для Казахстана», готова ли казахстанская элита использовать европейский выбор для реального, а не виртуального обновления проблемных сфер общественного развития? Еще раз подчеркну, есть соблазн все свести к диверсификации маршрутов энергоносителей и превратить Казахстан в альтернативу России,

с точки зрения «правильного» формата энергетического диалога с ЕС. Но это путь упущенных возможностей для РК.

Строить будущее страны только на основе энергетического доминирования (на какой срок?) — такой вариант вполне бы устроил желающих видеть в Казахстане сырьевой придаток для реализации собственных глобальных планов. Разделить Россию и Казахстан через «европроекты» — и это обстоятельство, конечно, присутствует как один из подтекстов темы. Но стоит ли ставить вопрос именно так: путь в Европу вместо России. Может быть все-таки вместе?

В своей первой речи в новой должности главы Кабинета Министров Владимир Путин говорил о создании системы, работающей на модернизацию экономики, росте инвестиций в инфраструктуру и новые технологии, в образование и здравоохранение, улучшении жилищных условий. Все это созвучно тем задачам, которые «на пути в Европу» намерено решать руководство РК. Реалии современного мира ориентируют на расширение собственных возможностей через взаимовыгодное партнерство. Европейские стандарты это, прежде всего, параметры устойчивого развития общества, высокий уровень жизни населения, обеспечение политических и экономических свобод. А для некоторых казахстанских (оппозиционных) аналитиков это еще и механизм «побега» от «авторитарной России». Поэтому, прежде чем сделать первый шаг, сверим часы. Вместе или вместо? В каком качестве Евросоюз готов принять Казахстан как абсолютно равноправного партнера? Мы говорим о прозрачности намерений, но этот принцип должен быть обязательным для всех участников «большого европейского проекта».

P.S. Перечитывая Путина:

«Кстати сказать, я с большим удивлением смотрю на какую-то провокационную дискуссию по поводу интеграционных процессов на постсоветском пространстве, когда мы говорим о создании единого экономического пространства, скажем: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. И вот начинают говорить по этому поводу: «Украина будет развиваться в сторону Европы или в сторону России». А кто-нибудь подумал о том, что между Россией и ЕС есть договоренность о создании четырех общих пространств опять же в сфере экономики, безопасности, в гуманитарной сфере? Но если Россия с Европой создает какие-то общие правила игры, и в то же время Россия создает с Украиной, Белоруссией и Казахстаном тоже общие правила игры, не значит ли это, что происходит некая гармонизация на евразийском пространстве? И не значит ли это, что на каком-то этапе развития та же Украина скажет: ну все, спасибо, а теперь у меня сложились особые преференции и особые отношения уже исключительно по европейскому направлению, и мы собираем-

ся стать кандидатом или даже членом ЕС. Это даже улучшает этот процесс, повышает шансы на самом деле. Когда я слушаю рассуждения, о которых сейчас упомянул, мне кажется просто странным и даже непонятным, о чем люди говорят. Это просто какие-то броские политические фразы, лозунги, выброс какого-то провокационного лозунга, нежелание даже вникнуть в суть происходящих процессов и проблем. Причем то, что мы делаем на постсоветском пространстве, вообще никому ни в чем не мешает, не накладывает никаких ограничений, не создает никаких барьеров для собственного развития».

Стенограмма беседы Владимира Путина с журналистами стран G8

URL: <http://www.kommersant.ru/articles/2007/putin.html?page=4>

Казахстан и Россия

*Юрий Солозобов, главный редактор
Агентства политических новостей «Казахстан»*

Пространство СНГ не раз объявлялось приоритетным направлением российской внешней политики. В то же время именно это направление остается наименее обеспеченным — кадрово, идейно, организационно. Никаких внятных проектов для «постсоветского пространства» у России до сих пор нет. Российские посольства в СНГ обнаруживают полную недееспособность, особенно очевидную в критические моменты смены власти в странах пребывания. Одно из проявлений этой тенденции — ставший привычным для российского политического класса подход к Казахстану как к провинциальной «глубинке Евразии», которая «никуда не денется» от Москвы. Этот подход абсолютно неадекватен реальному значению региона и характеру идущих в нем процессов. Казахстан становится сегодня такой же узловой точкой постсоветского пространства, какой была Украина в ходе президентских выборов конца 2004 года.

Казахстан в глобальной геополитике

В чем же действительная цена казахского вопроса? За последние годы динамично развивающийся Казахстан стал ареной столкновения крупных мировых центров силы.

В этом контексте Казахстан должен рассматриваться не как провинциальное государство, балансирующее между глобальными «центрами силы», а как ключевое и фундаментальное звено великого междивизиационного пояса, проходящего через всю Евразию. От судьбы Казахстана во многом зависит, будет ли этот пояс тем, чем был в веках — «внутренним коридором» Евразии, зоной, разделяющей и связывающей ее цивилизации — или станет плацдармом евроатлантического господства на континенте. Значение Казахстана для России не исчерпывается этим глобальным сюжетом. Как подчеркнул на семинаре президент ИНС Михаил Ремизов, Казахстан является не ставкой во внешнеполитической игре, а фактором внутренней геополитики России. Попросту говоря — ее целостности.

У ряда регионов России существуют очень тесные связи с Казахстаном. Например, вся энергетика Омской области оказалась завязана на угле Экибастуза, поскольку построенная во времена СССР огромная ТЭЦ может работать только на угле определенного сорта. Оренбургская область также ввозит из Казахстана железную, хромовую и марганцевую руду, огнеупорную глину, каменный уголь, ферросплавы, нефть, газ и газоконденсат, мясо, зерно.

Омская область импортирует значительное количество нефти. Омск представляет собой 13% российской нефтепереработки, это половина российского полиэтилена и четверть каучука. Это означает, что в случае закрытия казахской границы Сибирь остается практически без топлива: без бензина перед посевной, без продуктов нефтехимии. Получается, что при блокировании буквально нескольких договоров все хозяйство огромного региона России может быть поставлено на колени. В идеале такого рода взаимозависимость должна стать из угрозы фактором устойчивого союза.

Географ Дмитрий Замятин предложил в качестве одного из шагов в этом направлении создание совместных культурных и экономических центров на территории России вблизи границ Казахстана. К примеру, на Алтае, в Астраханской и Омской областях. В то же время, со стороны Казахстана необходима, как подчеркнул вице-президент ИНС Виктор Милитарёв, новая активная политика по развитию отношений с приграничными областями при учете интересов русского населения в самом Казахстане. Профессор Дипломатической академии Игорь Панарин озвучил базовые принципы, на которых должен строиться российский подход к казахстанской политике. Первый принцип — Россия не заинтересована ни в каких дестабилизирующих событиях в любой форме — не важно, по модели Андижана, Киева или Бишкека. Второй принцип — Россия заинтересована в сотрудничестве со всеми политическими силами Казахстана: как с действующей властью, так и с оппозицией. Третий принцип — со всеми ведущими политическими партиями Казахстана надо договориться о том, что отношения с Россией как краеугольный камень стабильности не должны подвергаться ревизии при внутриполитических переменах. Наконец, четвертый базовый принцип — сохранение и развитие общего информационно-культурного пространства, призванное сыграть ведущую роль в формировании единой евразийской политической среды.

Формула интеграции

Единственной гарантией от управляемой дестабилизации Казахстана извне является не совершенствование механизмов контроля над политической системой, а публично реализуемый национальный проект. То есть проект консолидации единой политической нации в масштабах страны. Причем в случае Казахстана успешное выполнение этой исторической миссии будет не отдалять его от России, а привязывать к ней. Как отметил, завершая экспертное обсуждение, Михаил Ремизов, существуют две задачи национального строительства Казахстана, которые могут быть выполнены только в режиме интеграции с Россией и являются общими для обеих стран. Это, во-первых, преодоление сырьевой модели

экономики и новое индустриальное развитие. Во-вторых, это «закрепощение элиты», переориентация интересов ее безопасности и, в конечном счете, ее лояльности с транснационального на страновой уровень. Решение этих задач потребует колоссальной сопротивляемости к внешнему давлению и значительного масштаба ресурсов (средства на инвестиции, емкий внутренний рынок, развитая инфраструктура и т. д.). Всё это Казахстан может получить только в рамках общего с Россией большого пространства. Разумеется, последнее будет также означать определенного рода зависимость. Но огромное преимущество этой региональной зависимости перед глобальной состоит в том, что она не носит колониального характера, не требует социального апартеида, культурной «ломки», неэквивалентного обмена, десоверенизации, деиндустриализации, деморализации общества. Народам северной Евразии еще предстоит в должной мере понять, что эти признаки регресса, хорошо знакомые нам по опыту последних лет, являются не следствием чьей-то злой воли или отдельных ошибок, а системными эффектами «интеграции в цивилизованный мир», как жестко устроенную «пищевую пирамиду». По мере осознания этого факта потенциальный проект России для постсоветского пространства, проект неколониального «большого пространства», остающегося возможным благодаря геокультурному, геоэкономическому и геостратегическому багажу имперского периода, будет приобретать все большую ценность в современном мире.

Завтра. № 29 (609) от 20 июля 2005 г.

URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/05/609/42.html>

Российско-казахстанский союз как ядро евразийской интеграции

Я. Бутаков

Какие преимущества имеет приоритетное осуществление государственного союза России и Казахстана, проекты которого выдвигались неоднократно, в том числе и на уровне политических элит обеих стран? *Он гораздо убедительнее, чем Союз России и Белоруссии, предстает как объединение равноправных субъектов.* Казахстан входит в десятку крупнейших государств мира по занимаемой территории. По площади он меньше России «всего» в шесть раз (Белоруссия — в 82 раза), а по населению — в восемь раз (Белоруссия — в 14 раз). Асимметрия, которая с самого начала просматривается в соединении России и Белоруссии, в союзе России и Казахстана была бы не столь резкой.

Геополитические контуры объединения России и Казахстана предоставляют существенные выгоды обеим странам. Ликвидируется протяженная, извилистая, неудобная граница между ними. Территория приобретает компактные и выгодные очертания. Внешняя граница проходит либо по естественным рубежам (с Китаем и Киргизией), либо ровной линией по пустыне (с Узбекистаном и Туркменией). Главное — Союз России и Казахстана приобретает незыблемое господствующее положение в самом центре евразийского материка. Это было бы подлинное государственное оформление Heartland'a Евразии.

Такой союз обладал бы и соответственной экономической мощностью, превышающей возможности Союза России с одной только Белоруссией. На сегодняшний день Казахстан занимает 12-е место в мире по величине разведанных запасов нефти и 15-е место — по запасам газа, обладая двумя процентами общемировых резервуаров «черного золота». Может показаться, что эта цифра не очень велика, однако ею нельзя пренебрегать. Ни в Украине, ни в Белоруссии ничего подобного нет. Совместное использование основной массы нефти и газа, залегающих в умеренной зоне Евразии — это привлекательная задача для всех субъектов постсоветского пространства. Однако эффективно решить ее могут только Россия с Казахстаном. Россия и Казахстан сильно связаны общими энергетическими и транспортными коммуникациями — в гораздо большей степени, нежели другие бывшие республики прежнего СССР. Достаточно сказать, что железные дороги 20 раз пересекают российско-казахстанскую границу, тогда как границу с Белоруссией — только 7 раз, границу с Украиной —

15 раз. Из России в Казахстан ведут 8 магистральных железнодорожных линий, в то время как в Белоруссию — 3, в Украину — 5. *Россия и Казахстан естественным образом представляют собой единое экономическое пространство.*

Величина и экономическая мощь Казахстана несопоставимы с размерами и значением крупных национальных республик в составе Российской Федерации. Уже по одной этой причине возможные требования Татарстана и Башкортостана о предоставлении им статуса субъектов в государственном союзе с участием Казахстана были бы необоснованны, тогда как союз с Белоруссией, хоть и с натяжкой, но может послужить поводом к выдвижению таких претензий. Самое же существенное в союзе с Казахстаном — отсутствие в его основе племенного мотива. Он может оставаться совершенно открытым для вхождения в него других славянских, тюркских и иных государств. И можно уверенно сказать, что уже в силу этого такой союз обладал бы значительно большей привлекательностью для новых членов, чем Союзное государство России и Белоруссии. *Союз России и Казахстана с самого начала будет иметь тенденцию к расширению, к распространению интеграционной модели на соседние государства. В первую очередь, это касается Белоруссии и Киргизии.*

Россия является естественным центром притяжения европейских республик бывшего СССР — Белоруссии, Украины, Молдавии. Однако возможности такого же притяжения в отношении стран Центрально-Азиатского региона резко ограничены. В свою очередь, Казахстан, будучи таким же аккумулярующим ядром для своих среднеазиатских соседей, не в состоянии самостоятельно осуществить в отношении к ним интеграционную модель. Здесь решающую роль играют количественные характеристики. При любой форме чисто среднеазиатской интеграции Казахстан будет просто поглощен, раздавлен многочисленностью своих южных соседей. Одних узбеков почти втрое больше, чем казахов (26 млн против 9 млн), а есть еще таджики, туркмены... Очевидно, что *реализовать свою миссию регионального лидерства в Средней Азии Казахстан сможет, только имея у себя за спиной могучую поддержку России*, обеспечив ее прочным государственным союзом. Объединяя в будущем Евразийском Союзном государстве сразу оба естественных центра притяжения на постсоветском пространстве, логично ожидать эффективной реализации интеграционного потенциала такого союза.

Наиболее вероятными кандидатами на вхождение в Союз сразу стали бы Белоруссия и Киргизия. Следует ожидать, что в том или ином виде объединение четырех стран возникнет в ближайшие годы. Поскольку механизм создания Союзного государства России и Белоруссии уже запущен, объединение с Казахстаном наложится именно

на этот Союз, уже в той или иной форме осуществившийся. *Не исключено, что еще прежде, по аналогии, будет образован Союз Казахстана и Киргизии, и, таким образом, станут объединяться два Союзных государства.* Но очевидно, что это будет не двухуровневая (союз союзов государств), а горизонтальная конструкция.

Имеются следующие формальные варианты будущей интеграции:

- 1) Вступление Казахстана в Союзное государство России и Белоруссии (с последующим вступлением Киргизии);
- 2) Преобразование Союзного государства России и Белоруссии в Евразийский Союз трех (а, возможно, и сразу четырех) государств с новым Союзным договором и новой Союзной конституцией;
- 3) Вступление Казахстана и Киргизии, заключивших государственный союз, в Союзное государство, обусловленное роспуском союза между ними;
- 4) Роспуск обоих ранее созданных Союзных государств и образование Евразийского Союза четырех государств.

Формирование государственного союза, имеющего естественный центр тяжести на Востоке, потребует соответствующего перемещения политического центра. Союзной столицей мог бы стать Омск, еще до революции бывший крупным административным центром. Учреждение там столицы нового государственного образования послужило бы хорошим стимулом к развитию во многом депрессивных регионов Юго-Западной Сибири. Создание Евразийского союза с ключевой ролью в нем России и Казахстана, о необходимости чего давно говорил президент Назарбаев, достойным образом увеичало бы его президентство, в продолжении которого до конца 2012 г. нет серьезных оснований сомневаться. *Для российской же политической элиты в ближайшие годы, как представляется, встречное движение к созданию государственного союза с совместным участием России и Казахстана должно стать приоритетным перед всеми прочими векторами активности на постсоветском пространстве.*

URL: <http://www.apn.kz/publications/article2.htm>

2005. 10–15

Россия — Казахстан: жили они долго и счастливо...

*Н. Харитонов, руководитель информационно-аналитического отдела ИАЦ
по изучению общественно-политических процессов
на постсоветском пространстве МГУ им. М.В. Ломоносова*

Казахстан пребывает в ожидании визита нового президента России Дмитрия Медведева. 13 мая Президент РК Нурсултан Назарбаев и Дмитрий Медведев обсудили подготовку к предстоящему визиту. Предполагается, что на обсуждение будут вынесены вопросы двустороннего экономического и политического сотрудничества, а также будут затронуты некоторые аспекты международной политики. Нет сомнений, итогом встречи станет подтверждение прежней линии во взаимоотношениях двух государств. Нет никаких признаков того, что политические линии России и Казахстана по отношению друг к другу будут значительно корректироваться. Взаимопонимание практически во всех сферах двусторонних отношений будет сохраняться. Нефтегазовая отрасль, торговля, транспортные проекты, сотрудничество в области новых технологий, космическая отрасль, гуманитарное сотрудничество и т. д. — все эти направления активно развиваются в рамках российско-казахстанских отношений. Сотрудничество в рамках международных организаций — СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС — также оценивается как весьма эффективное. Проблемных точек здесь практически нет. Более того, на мой взгляд, возникает ситуация, когда параметры достигнутого уровня межгосударственных отношений определяют поведение руководства, тем более нового руководства. То есть политические элиты понимают: механизм настолько отлажен, что любое серьезное вмешательство с целью корректировки его работы вызовет лишь снижение эффективности этого механизма. То есть если бы новому российскому президенту вздумалось изменить линию взаимоотношений с Казахстаном, его бы, по меньшей мере, не поняли. Речь может идти лишь об оптимизации и расширении сферы взаимодействия.

Таким образом, если учесть давнюю дружбу Владимира Путина и Нурсултана Назарбаева, отношения Дмитрия Медведева с последним будут сильно зависеть от того, каким сложится диалог между бывшим и новым российскими президентами. Преемственность в казахстанско-российских отношениях будет ровной и гладкой опять же в силу того, что уровень взаимоотношений устраивает элиту обеих стран. Это, как показывает опыт постсоветского бытия, главный залог стабильности и поступательного развития. Мелкие разногласия, если и будут возникать (к примеру, в вопросе реализации про-

граммы возвращения соотечественников, аренды космодрома или желая Казахстана диверсифицировать свои экспортные маршруты, в том числе в обход российской территории), то ресурс к их микшированию и приходу к определенному консенсусу действительно велик.

Вероятно, Казахстану и России придется совместными усилиями бороться с последствиями мирового кризиса ликвидности, от которого пострадала экономика Казахстана, и который, возможно, коснется России. То же самое касается и координации действий двух государств на внешнеполитической арене. Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году, инициативы Казахстана в рамках СВМДА и ШОС активно поддерживаются Россией, и именно этим так дорожит Казахстан, понимая, что без поддержки РФ проблем было бы на порядок больше. Уверена, что и инициатива Нурсултана Назарбаева о создании Союза центрально-азиатских государств также будет поддержана Россией Медведева, тем более, что такой ход выгоден и самой РФ — куда комфортней вести политический диалог с лидером этого союза (пусть даже в неформальном статусе лидера) Казахстаном или наднациональными структурами, чем со строптивым и «весьма конъюнктурным» руководством того же Узбекистана.

Таким образом, главное — это тот запас прочности, который был наработан двумя странами, прежде всего, в период «путинского десятилетия». Этот серьезный ресурс, который позволит двум государствам и дальше жить в дружбе и согласии.

URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/1202/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аяган Буркитбай Гелманулы — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства.

Кашкинбаев Амангельды Нуркеевич — кандидат исторических наук, доцент.

*Аяган Буркитбай Гелманулы
Кашимбаев Амангельды Нуркеевич*

**РОССИЯ — КАЗАХСТАН:
история взаимоотношений и современность**

Историко-хрестоматийный очерк

В работе использованы фотографии
из книги М. Ескендір-Әбдешев «Қазақ портретінің тарихы»,
карты из книги Е.С. Сыздыковой «Российские военные и Казахстан»
(Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана
XVIII–XIX веков в трудах офицеров Генштаба России)

Генеральный директор *З. Тен*
Редактор *А. Даткин*
Дизайн обложки *А. Бегалиевой*
Техническое редактирование *О. Пеговой*
Компьютерная верстка *Р. Баязитовой*
Корректор *И. Писаревский*

Подписано в печать 31.10.11. Бумага офс. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Печать офс. Усл. п. л. 19,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 6159.

Издательская компания «Раритет»

Адрес редакции: 050022, г. Алматы, ул. Масанчи, 98.

Тел./факс: 8 (727) 292-87-18, 260-67-08, 292-88-36.

E-mail: rarity_pc@mail.ru

www.rarity.kz

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат» Республики Казахстан
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41

ISBN 978-601-250-139-1

Мемлекет тарихы институты туралы АҚПАРАТ

Мемлекет тарихы институтының (МТИ) мақсаты — Қазақстанның қазіргі тарихын теориялық және жүйелі түрде негіздеу, елдегі тарихи және мемлекеттік сананы қалыптастыру үдерісін ғылыми және сараптамалық талдаумен қамтамасыз ету.

МТИ жанында ғылыми кеңес және Жас ғалымдар кеңесі қызмет жасайды. Кітапхана қоры жаңа ғылыми әдебиеттермен қамтылған. Институт ғалымдарының зерттеу еңбектерін баспадан шығаратын сандық мини-типография жұмыс істейді. Институттың соңғы техникамен жабдықталған материалдық-техникалық қоры ғылыми қызметкерлерге қолайлы жағдайлар туғызады.

Институт «Тарих және саясат — История и политика» қоғамдық-танымдық газеті мен «Мемлекет тарихы — История государства» ғылыми журналын шығарады.

МТИ бастамасымен 2009 жылы 28 сәуірде «Қазақстанның кәсіби тарихшылары мен қоғамтағушылар Лигасы», 2009 жылы 16 маусымда «Тарих және қоғамдық ғылымдар академиясы» қоғамдық бірлестіктері құрылған. 2011 жылы Институт ұжымы Қазақстан тарихшыларының I Конгресін өткізді.

Институт шетелдік жетекші ғылыми-зерттеу және сараптамалық орталықтармен тұрақты байланыс орнатқан. МТИ жыл сайын Қазақстанның қазіргі дамуының өзекті мәселелері бойынша ірі халықаралық конференциялар өткізіп тұрады.

МТИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

**Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Орынбор к., 8, Министрліктер үйі,
14 кіреберіс, 11 қабат;
<http://www.memti.kz>
тел.: +7 (7172) 74-01-68;
факс: +7 (7172) 74-10-54.**

СВЕДЕНИЯ об Институте истории государства

Цель Института истории государства (ИИГ) — научно-аналитическое и экспертное обеспечение процесса формирования в стране государственного и исторического самосознания, системное и теоретическое обоснование современной истории Казахстана.

При ИИГ функционируют Ученый совет и Совет молодых ученых. Институт располагает современной, хорошо оснащенной библиотекой. Цифровая мини-типография позволяет издавать научные труды ученых Института. Сильная материально-техническая база, представленная компьютерами и оргтехникой нового поколения, создает благоприятные условия для научной деятельности.

Институтом издаются общественно-познавательная газета «Тарих және саясат — История и политика», научный журнал «Мемлекет тарихы — История государства».

По инициативе ИИГ 28 апреля 2009 года было создано общественное объединение «Лига профессиональных историков и обществоведов», 16 июня 2009 года — общественное объединение «Академия истории и общественных наук».

Институт поддерживает постоянные связи с ведущими зарубежными научно-исследовательскими и аналитическими центрами. В 2011 году коллектив Института провел I Конгресс историков Казахстана.

Каждый год Институт проводит крупные международные конференции по актуальным проблемам современного развития Казахстана.

Более подробную информацию об ИИГ можно получить по адресу:

**Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Орынбор, 8, Дом Министров,
14-й подъезд, 11 этаж;
<http://www.memti.kz>
тел.: +7 (7172) 74-01-68;
факс: +7 (7172) 74-10-54.**

37407

4/3

www.memti.kz